Министерство образования и науки Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина»

О.Б. КУЛИКОВА

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ КАК ПРОЕКТА И ПРАКТИКИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Иваново 2016

УДК 1:001; 1:008 ББК 87.22 К 89

Куликова О.Б. Проблема идентичности научного познания как проекта и практики: философский анализ $/\Phi\Gamma \text{БОУ}$ ВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина». – Иваново, 2016.-200 с.

В монографии рассматривается проблема идентичности научного познания как исторически разворачивавшегося интеллектуального проекта и социально-когнитивной практики. Исследуются фундаментальные принципы научного познания, в соответствии с которыми оно выступает эффективным способом духовного освоения мира в интересах человеческого общества.

Предназначена для аспирантов, магистрантов и студентов, изучающих философские проблемы науки, специалистов в области социогуманитарных дисциплин, для всех интересующихся проблемами научного познания.

Научный редактор доктор философских наук, профессор **Брагин Андрей Витальевич** (Ивановский государственный энергетический университет)

Рецензенты: доктор философских наук, доцент **Кудряшова Татьяна Борисовна** (Ивановский государственный химико-технологический университет);

> доктор философских наук, доцент *Смирнов Дмитрий Григорьевич* (Ивановский государственный университет)

ОГЛАВЛЕНИЕ

5

введение

КОГ ИНТ	ВА І ЧНОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ИДЕАЛ-ПРОЕКТ И СОЦИАЛ НИТИВНАЯ ПРАКТИКА: ПРОБЈ ЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ІСТИТУИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ	
1.1	Интеллектуальные и социокультурные корни проекта научного познания	18
1.2 1.3	Проблема критериев научности: объективность и судьба научного познания Принципы научного познания и идеал справедливости	41 71
ИДЕ	ВА II Я СУБЪЕКТА В ЭПИСТЕМОЛОГИИ: ПАРАДИГМАЛІ НОМАЛЬНОЕ В ПРОЕКТЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ	ьное
2.1	Проект научного познания и субъект как эпистемологическая проблема	81
2.2	Становление модели субъекта в новоевропейской философии и проблема обоснования научного познании Субъект и научное познание в гносеологии	93
	В.С.Соловьева	106
2.4	Субъект познания как проблема в эволюционной эпистемологии: тенденции антропологизации модели научного познания	120
ПРО	ВА III ЕКТ И ПРАКТИКА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ ОНТЕКСТЕ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА	
3.1	Генезис эпистемологического реализма и принципы научного познания	133

3.2	Эпистемологический гносеологический	реализм идеал	и онт В.С.Соло		
	компаративистский ан	ализ		15	
3.3	Научный реализм и проблема идентичности научного познания				
				16	
ЗАК.	лючение			17	
Библ	иографический				
спис	• •			18	

ВВЕДЕНИЕ

Современный человек воспринимает научное познание как некую само собой разумеющуюся область профессиональной деятельности. рамках которой определенные производятся ценности. необходимые цивилизованному обществу. Однако история научной сферы на европейского общества предстает фоне истории самого довольно скромным по времени «эпизодом».

Понятия «наука», «научность», «научный» были при этом практически неизменно в обороте европейских интеллектуалов и всегда означали особый вид деятельности с определенным результатом, в которых воплощались представления о некоем познавательном эталоне. Наукой называлось все то, что может научить, безусловно, лучшему и правильному. Именно в таком духе использует понятие науки в XVII в. Р.Декарт.

В словаре А.И.Даля (XIX в.) также дается аналогичное толкование понятия науки. При этом на протяжении долгих веков - со времен античности - наука и философия считались практически синонимами.

В современном смысле понятие науки стало употребляться еще позднее - в начале XIX в. В этот период вполне очевидным становится различие между натурфилософией Как И естествознанием. отмечают исследователи, самым ранним примером современного понимания термина «наука» является его определение в «Новом английского известном словаре языка» (1897)Дж. Мюррея. Есть и другое мнение, что данное понятие

Толковый словарь. Т. IV. М.: Государственное В.И. издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 683 с. С. 528.

утверждается в связи с формированием Британской ассоциации по развитию науки, т.е. к $1831 \, \text{году.}^2$

Сам феномен человеческого познания — познания как такового, познания во всех его проявлениях — являлся всегда объектом внимания европейской философской мысли, хотя и не был приоритетным в ее рамках вплоть до эпохи Нового времени. Если говорить о соотношении тех областей философии, которые имеют непосредственное отношение к проблемам познания, то их история не является единой линией, где каждая последующая отрасль становилась преемницей предыдущих. Связь между ними гораздо более сложная.

В целом раздел философии, который нацелен на осмысление проблем познания, принято называть *гносеологией*. Она была продолжением, а точнее следствием, онтологических построений классической философии. Это обнаруживается уже в классических учениях Платона и Аристотеля, которые познание ставили в зависимость от предлагаемых ими принципов миропонимания.

Использующееся сейчас понятие эпистемологии имеет несколько иное значение. Оно относится к особым автономным построениям, в центре которых ставятся проблемы познания в их системности. Эпистемология складывается как результат специфического, начавшегося в эпоху Возрождения процесса деонтологизации, а также и одновременно секуляризации проблем познания.

Одним из стимулов к этому явился средневековый номинализм, способствовавший не столько обоснованию и утверждению идеи — по сути, всемирно-исторического интеллектуального проекта — научного познания, сколько расшатыванию классической модели познания.

Некоторые исследователи расширенно толкуют понятие эпистемологии, относя к ней и онтологизированные теории познания, правда, подчеркивают, что классической

 $^{^2}$ Хайек фон Ф.А. Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблении разумом /Пер. с англ. Е. Николаенко. М.: ОГИ, 2003. 288 с. С. 29. (Примечание 2).

эпистемология становится лишь в XVII веке. З Согласно другой точке зрения, собственно теории познания (то есть эпистемологические построения) возникают именно в Новое время. 4

Эпистемология как продукт новоевропейской мысли выступила обоснованием науки как эталонного познавательного процесса, а также способом отграничения ее от познавательных процедур иного рода. Эпистемологические модели не могли не повлиять на последующее становление концепций философии науки, истории науки, а также многообразных социологических интерпретаций научного познания и знания. Эпистемология ориентирована на понимание познавательных действий и условий их осуществления через призму возможностей получения оптимального результата, который традиционно называли истиной. Проблема истины, в свою очередь, была центром философских дискуссий, причем часто всегла не связанных с проблемами познания. напрямую стимулировала развитие многих других областей философского творчества. В эпоху же Нового времени она становится актуальной именно в ключе познавательной проблематики. Более того, проблема истины этот период В разрабатываться в связи с построением модели именно научного познания.

Часто эпистемологию называют теорией научного (по)знания. Так, например, К.Поппер подчеркивает: «Эпистемология – английский термин, обозначающий теорию познания, прежде всего научного познания. Это теория, которая

³ Лекторский В.А. О классической и неклассической эпистемологии //На пути к неклассической эпистемологии /Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2009. 237 с. С. 7 – 24. С. 9.

⁴ Бряник Н.В. Историческая эпистемология и культурно-исторический подход в гносеологии //Эпистемология и философия науки. 2010. № 1. Т. XXIV. С. 112 – 129.

пытается объяснить статус науки и ее рост». 5 В таком же качестве она характеризуется и известным отечественным исследователем – Π .А.Микешиной. 6

При этом можно констатировать сопряженность различных способов философской рефлексии в отношении человеческой познавательной деятельности. Терминологические расхождения следует выводить из общих различий философских эпох — различий в стандартах мышления, тематических приоритетах, мировоззренческих принципах и т.п.

Как представляется, идеи, относящиеся к области *проблем познания во всех аспектах*, корректнее называть *философией познания*. Л.А.Микешина обосновывает продуктивность такого понятия, которое позволяет выйти на уровень *живого* познания, то есть понять познание во всей полноте жизни человека, в многообразии когнитивных практик. Эпистемология здесь выступает неким теоретическим базисом, своеобразным «твердым ядром», из которого строятся все другие аспекты осмысления познания, что и позволяет понять его целостно, в контексте всей человеческой жизни.

Становление научного познания как такового выступило своеобразным мейнстримом, в связи с которым рождались различные области осмысления и оценки познавательных возможностей человека в их связи с другими формами его активности. Не говоря уже о том, что сама по себе наука стала одним из главных факторов изменений во всех сторонах общественной жизни. В опоре на ее достижения во многом стал

⁵ Поппер К. Эволюционная эпистемология //Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. /Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского, В.К. Финна. М.: Едиториал УРСС, 2000. 464 с. С. 57 – 74. С. 57.

⁶ Микешина Л.А. Философия познания: Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с. С. 13.

⁷ Там же. С. 27 - 29, 49 - 57.

⁸ Здесь имеется в виду понятие, использованное И.Лакатосом. См.: Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: "Медиум", 1995. 236 с. С. 80 – 82.

видеться успех всех проектов прогрессивного переустройства общества.

Нельзя, правда, не отметить, что позднее наука как уже сложившаяся (объективировавшаяся) сфера производства знаний в интересах общества получала довольно неоднозначные оценки в философских, социально-экономических, социологических, культурологических, политико-идеологических и т.п. концепциях.

Основным интеллектуальным полем, на котором выстраивались представления о науке как идеале познания и знания, была, безусловно, философская мысль со всеми ее многовековыми традициями. Эпистемология складывалась как ее ответвление, как особый поворот в ее судьбе.

Эпистемология уже не была напрямую обусловлена онтологией, как бы автономизировалась от универсализма последней. Сосредоточив внимание на идеальном познании — на познании как процессе достижения истины — эпистемология во всем многообразии ее авторских построений стимулировала затем и создание учений общегносеологического плана.

Гносеологическая мысль в результате этого обрела статус равноценного с другими отраслями, а главное, равноценного с онтологией «жанра» философского творчества. С позиций уже вполне определившегося в своих притязаниях научного познания стало возможным высветить истоки гносеологии в духовном опыте прошлых веков, высветить в наследии синкретичной философской классики латентный период развития этой отрасли.

Исследования показывают, что судьба гносеологии в целом обусловлена рождением науки и связанными с ней интеллектуальными тенденциями и социокультурными обстоятельствами новоевропейской жизни. На это обращает внимание, например, Л.А.Микешина. Истоком гносеологии, подчеркивает она, стали именно учения «о принципах, методах, способах научного познания, которые затем были

распространены на познание в целом». ⁹ Первой общегносеологической концепцией признан сенсуализм Дж.Локка, который, как подчеркнула исследователь, «посчитал возможным распространить принципы бэконовского эмпиризма на человеческое познание в целом». ¹⁰

Эпистемологические концепции стали обоснованием научного познания в русле общих тенденций исторического развития философской мысли. Поскольку для философии в целом характерна устремленность на идеал, на некий предельно совершенный уровень отношений человека с миром, идеал процесса познавательного неизменно И изначально присутствовал в ее построениях, однако, не играя в них, как уже говорилось, приоритетную роль. Приоритетом он становится в конкретных условиях конкретного времени, хотя, конечно же, он имел свои идейные корни во всех социокультурных и идеологических обстоятельствах предшествующего развития философии, в первую очередь, в обстоятельствах Возрождения.

Научное познание в начале своего становления, т.е. в формате XVII – XVIII вв., было духовным продуктом прежде всего и именно *европейской жизни*. Здесь нельзя не согласиться с мнением известного европейского исследователя Лорен Дастон, что наука и ее история есть своеобразный автопортрет Европы. 11

Однако в дальнейшем эта сфера духовной деятельности (социальной практики) все более демонстрировала свой наднациональный, надконфессиональный и надиндивидуальный характер, что, в свою очередь, обеспечило науке выживание. И.Кант, пожалуй, впервые обратил особое внимание на эти ее черты. Кроме того, немецкий мыслитель, разрабатывая проблему возможностей (границ) научного познания, показал тем самым водораздел между познанием научным и

⁹ Микешина Л.А. Философия познания... С. 30.

¹⁰ Там же.

¹¹ Daston, L. The history of science as European self-portraiture. European Review, 2006, 14 (4). Pp. 523–536.

философским. Дискуссии по данной проблеме в XIX-XX вв. можно считать продолжением традиции, заложенной И.Кантом. Во многом его идеи оказали существенное влияние на интеллектуальную атмосферу, которая складывалась по поводу, вокруг и в сфере самой научной деятельности.

В данном монографическом исследовании делается осмыслить феномен научного попытка познания социокультурных интеллектуальных И эпистемологических идеалах и основных формах объективации. Анализ ключевых обстоятельств и механизмов, определивших научного возможность возникновения познания его специфику способа духовного как освоения мира коллективными человеческими усилиями, является актуальным в связи с общекультурной проблемой, получившей название кризиса идентичности.

Проблема идентичности поставлена в настоящее время достаточно остро в отношении многих форм человеческого большей степени понятие идентичности социогуманитаристике XXвека предстает индивидоцентричным. Через призму его предлагается осмысливать то, что представляет собой социальное «Я», и трактуются термины ключе ЭТОМ и "кризис идентичности", позитивная идентичность" негативная идентичность», ¹² а также вводятся особые понятия: «базисная структура личности», «модальная «статусная личность» и др.

Проблема идентичности в обозначенном содержательном поле ориентирует на поиск личностной определенности, а

¹² См.: Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании //Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. *Человек в поисках идентичности* /Ин-т философии РАН; Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. 528 с. С. 87-111. *С.* 95, 97.

самобытности и самотождественности Предполагая установление границ индивидуального мира по тому, что индивидуальность нивелирует, отношению обезличивает, упраздняет, растворяет в одномерности и однообразии, эта проблема становится своеобразным узловым психологических, ПУНКТОМ социологических, антропологических исследований. 14

Постепенно в 1970 – 1980-е гг. понятие идентичности «приобретает статус категории междисциплинарного знания», 15 и в результате «представления об идентичности и ее кризисных состояниях распространились социокультурные на все системы». 16 Проблема идентичности, таким образом, предстала в многообразии ипостасей: как этническая, гендерная,

¹³ В таком ракурсе к ней обращаются, например, Е.Б.Рашковский и В.Н.Порус. См.: Рашковский Е.Б. Многозначный идентичности: архаика, модерн, постмодерн //Идентичность как предмет политического анализа. Сб. статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конф. ИМЭМО РАН 21 – 22 октября 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 299 с. С. 29 – 35; Порус В.Н. Тождество Я в философско-методологическом и психологическом измерениях //Эпистемология и философия науки. 2012. № 2. (T. XXXII). С. 5 – 15.

¹⁴ Здесь можно назвать самые заметные исследования идентичности в антрополого-психологическом ключе – Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. М.: "Прогресс", 1996. 344 с.; **в социологическом плане** – *Mead G. H.* Mind Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist (Edited by Charles W. Morris). Chicago: University of Chicago, 1934 (rev. 1967). 400 р.; Бергер П.Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект-Пресс, 1996. 168 с.; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.; в антрополого-социологическом измерении – Бауман 3. Индивидуализированное общество /Пер. с англ. под В.Л.Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.

¹⁵ См.: Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации... С. 97. ¹⁶ Там же. С. 93.

личностная, гражданская, культурная, цивилизационная, религиозная и др. 17

словам известного британского социолога и По признанного специалиста по данной проблеме Зигмунта Баумана, «"исследования идентичности" становятся сегодня независимой и быстро развивающейся отраслью [знания]; происходит нечто большее, И онжом сказать. "идентичность" становится призмой, через рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни». 18

Идентичность «имеет онтологический статус проекта и постулата» и, подчеркивает З.Бауман, «не может быть никакой идентичности кроме постулируемой». ¹⁹ Она как критическая проекция желаемого есть одновременно «косвенное утверждение неадекватности и неполноты последнего». ²⁰ В попытках исследовать идентичность конкретного феномена общественного бытия неизбежно требуется определить степень его конструируемости и регулируемости, соотнести, что называется, должное и сущее.

Вполне понятно, что «открытие того, что вещи не сохраняют навсегда однажды данную им форму и могут стать иными, чем они были, приводит к неоднозначным последствиям». ²¹ Такие последствия могут быть разноожидаемыми и как любые преобразования человеческой

,

¹⁷ Комплексное раскрытие она получает, например, в специальном выпуске альманаха «Вопросы социальной теории». См.: Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. *Человек в поисках идентичности* /Ин-т философии РАН; Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. 528 с.

¹⁸ Бауман 3. Индивидуализированное общество/Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с. С. 176.

¹⁹ Бауман 3. От паломника к туристу //Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154. С. 134.

²⁰ Там же.

²¹ Бауман 3. Индивидуализированное общество. С. 176.

жизни несут в себе опасность размывания границ любого ее феномена. А потому необходимостью становится решение задачи предотвращения таких трансформаций или, по крайней мере, управления ими. Особенно это касается феноменов, что называется, определяющих «лицо» человеческой цивилизации, состоявшихся в качестве ключевых факторов общественного прогресса. К их числу, несомненно, относится наука и как общественный институт, и как сфера интеллектуального творчества, непрерывно и многообразно расширяющего границы человеческого бытия.

В отношении научного познания проблема идентичности стоит в двух взаимообусловленных аспектах: во-первых, определенности (уникальности и самотождественности) научного познания, во-вторых, (само-) определенности его субъекта как носителя соответствующих его (пред-) назначению качеств. Второй аспект неизбежно выводит в сферу способностей научного субъекта (личности) к рефлексии и осуществлению ответственного выбора.

Проблема идентичности научно-познавательной деятельности, таким образом, означает поиск и анализ коренных установлений-принципов, которые ее конституировали и придали ей своеобразие, а также выступили фундаментальными установками деятельности ее субъектов. Речь идет именно о том, что можно назвать критериями научности познания, отличающими собственно научное познание от других способов духовного освоения мира.

В качестве таких критериев-принципов традиционно признаны объективность, рациональность, системность, доказательность — они образуют своеобразный первый «пояс» научных установлений. Достаточно часто помимо них указываются также требования обоснованности и открытости, в которых эксплицированы особые аспекты принципов уже упомянутого первого ряда. В совокупности все они вместе признаются безусловными общезначимыми инвариантными предписаниями для действий научных субъектов.

Научное познание формировалось и на протяжении всей своей истории представало как деятельность самокорректирующаяся — деятельность участников (субъектов), которые непрерывно соотносили и соотносят свои действия с представлениями о ее предназначении, а одновременно и о своем месте в ней.

В сопряжении с ними возникал и образ-конструкт субъекта, который также можно считать принципом научного познания, обусловившим представление о последнем как отношении двух сторон. Субъект-объектная модель рассматривается своеобразной парадигмой эпистемологии, которая определяла генезис проекта «Наука». Она самым существенным образом повлияла и на формы объективации науки, осуществлявшейся сознательно и целенаправленно учредителями и участниками первых европейских научных академий.

Указанные принципы вырастали ИЗ интеллектуальных тенденций развития европейской культуры. В свою очередь, они с необходимостью диктовали обращение к реальности, принятие идее a точнее, позиции эпистемологического реализма как своеобразного онтологического оправдания, придающего им универсальность, своеобразную бытийную укорененность.

Bce предметом предлагаемого это стало монографического исследования. Анализ научного познания в контексте фундаментальных принципов, их генезиса и значимых коннотаций имеет целью обосновать критерии его Это идентичности. позволит понять, «первоначальный замысел» науки – всемирно-исторический проект совершенного познавательного предприятия – был состоятелен и насколько в ходе истории не утрачивается его определенность как познания от имени и в интересах человеческого общества в целом.

Монография представляет собой результат многолетней исследовательской и преподавательской работы автора, к основным сферам научных интересов которой относятся

эпистемология, методология научного познания, философия науки, а также во многом и смежные с ними отрасли – социология науки, психология науки, история науки. ²² Многие

²² Среди работ автора в этих исследовательских направлениях можно следующие: Куликова О.Б. Генезис реализма эпистемологической позиции и основания научного познания //Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 38 – 43; Куликова О.Б. Единство научной и образовательной миссии классического университета: российская специфика //Философия и гуманитарные науки в информационном обществе: журнал. СПб: С-Петерб. гос. ун-т аэрокосмич. приборостроения. 2015. № 1. С. 45 – 56; Куликова О.Б. Идеал науки в концепции А.И.Герцена: контроверза утопизма и реализма //Соловьевские исследования. 2013. Выпуск 4 (40). Иваново: ИГЭУ, 2004. С. 127 – 139; *Куликова О.Б.* Идея реальности и судьба науки как всемирно-исторического проекта //Вестник ИвГУ. 2014. Вып. 2 (14). Сер.: Гуманитарные науки. Философия. С. 57-63; .Куликова О.Б. Концепция субъекта познания в гносеологии Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. Вып. 17. Иваново: ИГЭУ, 2008. С. 56 – 68; Куликова О.Б. Наука и философия в концепциях О.Конта (первого позитивизма) и Вл.Соловьева: современное прочтение //Соловьевские исследования. Вып. 16. Иваново: ИГЭУ, 2008. С. 74 – 91; Куликова О.Б. Наука, профессионализм и проблемы вузовского образования в современной России //Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Том 5. Вып. 3. C. 184 – 188; *Куликова О.Б.* Научность как основание университетского образования в России: специфика становления //Соловьевские исследования. 2012. Иваново: ИГЭУ, 2012. № 2. Вып. 34. С. 20-48; Куликова О.Б. Объективность как принцип научного познания: тенденции становления и исторической трансформации //Гуманитарное сознание: проблемы, поиски и перспективы //Труды шестой всеросс. и четвертой Междунар. науч.-практ. конференции «Гуманитарные проблемы современности». 8 – 9 апреля 2009 года. В 2-х т. Т.1. М.: МГСУ, 2009. 224 с. С. 49 – 54; Куликова О.Б. Парадоксальность науки как духовного и социально-исторического феномена // Философский альманах. № 1-2. ИГАСА. Иваново: Изд-во ИГАСА, 1998. 280 с. С. 160-168; Куликова О.Б. Принципы научного познания социально-когнитивной практики как справедливости //Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. Вып. 7.

идеи исследования прошли апробацию в научных дискуссиях, сыгравших свою эвристическую роль для их развития и обоснования. Автор выражает большую признательность за помощь и участие в подготовке монографии коллективу кафедры истории и философии Ивановского государственного энергетического университета.

Иваново: ИГХТУ, 2014. C. 27-34. *Куликова* О.Б. положительной науки О.Конта и судьба отечественной науки XX в. //Вестник ИвГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Вып 2. «Ивановский государственный Иваново: Изд-во Философия. университет», 2013. 92 с. С. 17-27; Куликова О.Б. Эволюционная эпистемология и проблема границ человеческого познания мира //Актуальные проблемы современной когнитивной науки: Материалы Междунар. науч.-практ. конференции (16 – 17 октября 2008 года). Иваново: ОАО «Изд-во "Иваново"», 2008. С. 35 – 44; Куликова О.Б. эпистемология антропологическая Эволюционная как исследовательская программа //Вестник ИвГУ. 2014. Вып. 3 (7). Серия науки». «Ивановский «Гуманитарные Иваново: Изд-во государственный университет», 2014. С. 64-68 и др.

ГЛАВА І

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ИДЕАЛ-ПРОЕКТ И СОЦИАЛЬНО-КОГНИТИВНАЯ ПРАКТИКА: ПРОБЛЕМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК И КОНСТИТУИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ

1.1.Интеллектуальные и социокультурные корни проекта научного познания

Науку как особую сферу познавательной деятельности нельзя отнести к разряду стихийно и самопроизвольно сложившихся феноменов. Тенденция рождению К ee пробивалась под влиянием различных факторов множество самых разных линий специфически человеческой жизни и способов человеческого миропознания. Культурная ниша этой сферы возникла при непосредственном влиянии других устоявшихся систем духовного и материального творчества. Научное познание в его сложившихся формах представляет собой то, что называют социальной практикой, возникшей из определенных потребностей коллективного человеческого бытия.

Осмысление научной деятельности с точки зрения подхода, сформировавшегося вокруг понятия *практики* (социальной, человеческой, культурной и др.), представляется весьма продуктивным, поскольку позволяет учитывать весь комплекс ее характеристик – от представлений о ней и способов ее осуществления до оценки результатов.

Понятие практики определило в 70-х гг. XX в. многие значимые тенденции в развитии социогуманитаристики. Формирование нового подхода связывают с именем П.Бурдье. Его работы «Практический смысл» и «Набросок теории практики» считаются пионерскими в данной области. Благодаря новому подходу различные сферы совместной деятельности людей стали рассматриваться с учетом целесообразного, сознательного участия в ней людей, которые предстали, таким образом, именно как субъекты (агенты, акторы, производители и т.п.).

П.Бурдье показал возможность осмысления мира как многообразия практик – развертывающихся естественным образом во времени форм деятельности. Автор при этом использует особое понятие «габитус», означившее систему «устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные предрасположенные функционировать структуры, структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие практики и представления». 23 Эти схемы когнитивного и мотивирующего характера, как особо подчеркивает П.Бурдье, производя «бесконечно большое число практик», не только тем самым производят историю, но и порождены самой историей. 24

С точки зрения такого комплексного подхода научнопознавательная деятельность может быть представлена не просто как социальная практика, а как практика социальнокогнитивного характера. Учитывая то, что все деятельности определенную когнитивную имеют перцептивносоставляющую (т.е. активность именно мыслительно-познавательного характера), научное познание следует рассматривать как максимально возможное единство социального и когнитивного компонентов. Оно в такой мере может считаться социальной практикой, в какой выступает

 $^{^{23}}$ Бурдье П. Практический смысл /Пер. с фр.; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А.Шматко. СПб.: Алетейя; М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001. 562 с. С. 102. 24 Там же. С. 104, 106, 108.

специализированной и особо организованной когнитивной активностью и наоборот. 25

Наука может мыслиться как устоявшаяся практика в комплексе основных сторон ее бытия, причем и в неразрывном единстве с развитием ее предпосылок в философии и культуре предшествующих эпох. В таком ключе научное познание есть феномен, который вызревал естественно-исторически, выражая собой своеобразную (со своими собственными предпосылками) тенденцию в развитии общества.

Безусловно, наука как социально-когнитивная практика имеет длительную предысторию, имеет корни в различных практиках прошлого. Хотя возникновение ее все же не было однозначно столь предопределено всем предшествующего цивилизационного развития. В этом плане можно, например, обратиться к известной модели Т.Куна, который связывает историю научного познания с парадигмами (дисциплинарными матрицами). Выделяет ОН допарадигмальный период развития познания, понимая его именно как донаучный, когда каждый исследователь (даже выступая с позиций некоторой «школы») вынужден был каждый раз строить сами основы своей области познания, т.е. искать специально некие оправдания ее подходам²⁶.

²⁵ Здесь надо отметить, правда, что сам П.Бурдье указывал на некоторую специфику науки как практики, а именно – на то, что наука «игнорирует» время, она «детемпорализована». (Бурдье П. Указ соч. С. 158 – 159). Не останавливаясь подробно на оценке такой позиции, скажем только, что она обусловлена со всей очевидностью влиянием аналитической философии – аналитических эпистемологических в свою Мы. очередь, пытаемся придерживаться постаналитической, или привычней - постпозитивистской - модели развития научного познания, т.е. той позиции, что научное познание, сохраняя свою определенность, всегда вписано в конкретное историческое время, несет на себе определенный отпечаток последнего.

²⁶ Кун Т. Структура научных революций: Сб.: Пер. с англ. М.: ООО «Издат-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. 365 с. С. 34 – 35.

Допарадигмальная история миропознания это действий вслепую совокупность наугад, И ЭТО цепь случайностей, что в совокупности можно считать лишь предпосылками того, что можно считать научным познанием. Кроме того, невозможно было достичь компромисса в дискуссиях о законах мироздания, не имея общей теоретикометодологической платформы. Любую научную дисциплину, здесь можно согласиться с Т.Куном, конституирует парадигма, благодаря принятию которой «группа, интересовавшаяся ранее изучением природы из простого любопытства, становится профессиональной, а предмет ее интереса превращается в научную дисциплину». 27

Принятие парадигмы в соответствии с этой моделью есть некий сознательный акт, совершаемый теми, кто искренне заинтересован в принятии общего принципа миропознания – принципа, понимаемого как общее благо.

Появление науки было обусловлено определенными интеллектуальными моделями, идеалами представления о совершенном, безупречно воплощались построенном процессе познания. Наука не могла возникнуть из самих по себе спонтанных, непрерывных и многонаправленных человеческих когнитивных актов как некое совокупное, концентрированное, результирующее выражение человеческого последовательном разума некоем его историческом развертывании.

Научное познание нельзя рассматривать как изначально заданную тенденцию в развитии интеллектуального творчества, хотя это творчество, безусловно, не могло не стать предпосылкой научно-познавательной практики. Истоки научного познания являлись и являются неизменным предметом внимания исследователей. Чаще всего эти истоки

٠.

²⁷ Там же. С. 43.

²⁸ Существует обширнейшая литература по этой тематике. Общепризнанными в этом плане являются работы А.Уайтхеда, Р.Мертона, П.Дюгема, В.Виндельбанда, А.Койре, Дж.Бернала, Т.Куна, С. Шейпина и др. Особое место в ряду этих авторов занимают

усматриваются в античной философии, а также и вместе с этим в общекультурной ситуации эпохи Возрождения. Эти две эпохи в целом представляют собой культурные сдвиги, решающие духовные прорывы. Рождение научного познания в большинстве таких моделей предстает как результат закономерного развития определенных идей и успешного приложения знаний в практической жизни общества.

Однако в данных моделях недостаточное внимание конструирующей, рефлексирующей **V**Деляется роли способности человеческого объективирующей духа В постепенном формировании самой идеи научного познания, а точнее – общечеловеческого проекта научного познания. Тенденции формирования (построения) такого проекта, который институционально удостоился объективации в качестве организованной интеллектуальной деятельности, не могли не выразить себя в самых разных (неожиданных, случайных) идеях, ценностных ориентациях, настроениях и т.п. В фокусе должно было присутствовать тенденций особое совершенной форме представление (предвидение) 0 познавательной деятельности, приносящей безусловное благо – знание для всех. Такой проект не мог не вызревать в общем комплексе идеалов, находясь с ними в определенной смысловой координации.

Общественные идеалы в целом являются неотъемлемой частью любой культуры, определяя в ней самое существенное, значимое. Любой идеал выполняет нормативные функции в отношении соответствующей области или всей человеческой религиозные, Таковы идеалы нравственные, политические, выступающие экспликацией эстетические, соответствующих принципов добра, красоты, справедливости и можно рассматривать своеобразной причиной (в духе аристотелевой классификации причин), сообразно которой складывается и развивается то или иное социокультурное образование.

отечественные специалисты: Л.М.Косарева, П.П.Гайденко, Ф.Х.Кессиди, И.Д.Рожанский, Н.И.Кузнецова, Ю.Л.Менцин и др.

время Дж.Э.Мур, специально свое занимаясь исследованием общественного идеала, подчеркивал три его основные ипостаси: во-первых, выражение в нем некоего абсолютно совершенного состояния, во-вторых, выражение в нем предельно возможного (или конечной цели) в развитии чего-либо и, наконец, выражение в нем некоей высшей пенности ²⁹

К числу общественных идеалов, в первую очередь, относятся модели совершенного устройства самого общества (чаще в виде социальных утопий), но также к ним следует относить своеобразные идеальные архетипы (устойчивые смыслообразы), складывающиеся в культуре и обладающие исторической преемственностью, которые выражают желаемую перспективу в развитии уже существующего или возможного вида социальной практики. Последние так или предполагают наличие подобных представлений и V ИХ участников-производителей. представления, Эти продуктом некоего коллективного воображения, становятся регулятивным интерсубъективным фактором осуществления практики. Они встроены в так называемый габитус как ценностно-целевая экспликация основополагающих принципов конкретного вида практики.

структуре идеального образа науки вполне просматриваются параметры, отмеченные Дж.Э.Муром. Во-(научное познание) первых. наука видится организации познавательной деятельности и ее результата; вовторых, она рассматривается оптимальным путем к высшей познания убедительному, общезначимому, исчерпывающему, знанию (на пределе - к истине); в-третьих. она признается ценностью как фактор, безусловно, позитивного влияния на все стороны человеческого бытия.

Образ идеально построенного познавательного процесса вызревал, прежде всего, в недрах философской мысли и особым образом преломлялся в соответствующих онтологических,

²⁹ Мур Дж. Принципы этики: Пер. с англ. Л.В.Коноваловой /Общ. ред. И.С.Нарского. М.: «Прогресс», 1984. 326 с. С. 275 – 276.

23

этических, аксиологических и т.п. ее аспектах. Все это вполне обнаруживается в античной и средневековой, а особенно новоевропейской философии. Идея науки, как справедливо подчеркивал И.Кант, давно и глубоко занимала человеческий разум. ³⁰

Своеобразным первообразом науки, несомненно, была сама философия. В сфере философской мысли, как показывает история последней, избыточно (впрок) возникали самые разные модели-идеалы материального и духовного бытия человека, чаще утопические по своей сути.

К числу, в общем-то, тех немногих из них, которым дано было осуществиться, относится проект науки. Его очертания можно усмотреть в некоторых идеях-концептах, которые чаще создавались в связи с решением других задач, но впоследствии они сыграли роль исторически развертывавшихся философских предпосылок проекта «Наука». Кроме них, важную роль в разработке проекта сыграли также некоторые культурные традиции и интеллектуальные стандарты, ставшие олицетворением той или иной эпохи и давшие начало многим тенденциям мировой истории.

В комплексе таких корней — неких общекультурных архетипов, из которых вырастал проект научного познания, — следует назвать представление о знании как ценности самой по себе, как ценности безусловной.

Данная позиция обнаруживает себя уже в античности, хотя она была сформирована в отношении знания особого рода, преимущественно умозрительного характера. Вряд ли можно считать научным знание, рожденное, например, пифагорейской или милетской школах. При всех признанных достижениях этих школ они не стали собственно научными сообществами с непрерывной традицией. Следует согласиться с авторитетным мнением Ю.А.Шичалина, что специальные занятия наукой даже в ее самой первой форме невозможны без создания соответствующих институтов,

 $^{^{30}}$ Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с. С. 492.

поддерживающих такой вид интеллектуальной деятельности». ³¹ И единственным институтом, который отдаленно может быть отнесен к неким аналогам широкого научного сообщества и который позволял «объединить интеллектуальные силы и дать возможность определенным образом культивировать интеллектуальную деятельность, достаточно независимую от непосредственных практических нужд, был институт состязаний мудрецов». ³²

Позже уже в деятельности софистов утверждается, пусть формально, установка на ценность знаний самих по себе. Софистов при всем критическом к ним отношении можно признать великими провокаторами. Однако в отпоре их провокациям рождался столь значимый для теоретического мышления аксиоматический метод. Софистов же можно считать и продолжателями традиции (опять-таки формально), уходящей корнями в состязания мудрецов — традиции объединения в интеллектуальное сообщество, которая становится еще более заметной в деятельности так называемых классических философских школ (Платона и, Аристотеля).

Возможность интеллектуальных сообществ как некий фактор экстерналистского рода обусловливает и возможности теоретизации мыслительной деятельности, а также и находящегося в корреляции с ней отношения к знанию как ценности. Такая уникальная «возможность возможностей» складывается благодаря всей удивляющей неповторимости свойств античного общества, возникших как некое чудо.

Исследователи справедливо отмечают, что «превращение прикладных геометрических знаний египтян в теоретическую геометрию произошло не в головах греческих геометров, а в

³¹ Шичалин Ю.А. Статус науки в орфико-пифагорейских кругах //Философско-религиозные истоки науки. Отв. редактор П.П.Гайденко. М.: Мартис, 1997. С. 12 – 43. С. 22.

³² Там же. С. 25.

³³ См.: Бычков С.Н. Генезис теоретической математики как историконаучная и историко-философская проблема. Автореферат дисс. ... д-ра филос.наук. М., 2008. 41 с. С. 9.

теле древнегреческой цивилизации. Если для египтян выполняемые на плане пирамиды построения были подчинены процессу её сооружения, то для греков, не возводивших подобных конструкций, свойства данных построений поневоле оказывались "знанием ради знания"». 34

Как систематизатор достижений античной духовной культуры Аристотель в полной мере разделял мнение о ценности знания самого по себе, знания в его подлинности, знания, не связанного с установками практической пользы. В его понимании такое знание (мудрость) имеет отвлеченный, или теоретический характер, и предстает как знание причин, т.е. того, что лежит в основании всего существующего, что определяет и порождает многообразие событий и явлений, но что не открывается в непосредственном опыте.

Сравнивая в этой связи практический опыт и знание, Аристотель рассуждает так: «Наставники более мудры не благодаря умению действовать, а потому что они обладают отвлеченным знанием и знают причины». ³⁵ Еще более категоричным является аристотелевский вывод о том, что ценнее всего та мудрость, «которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы». ³⁶

Вместе с представлениями о ценности знания рождается и идея *истины*, разработка которой была в фокусе внимания всех представителей классической философской мысли. Разработку ее можно считать мейнстримом в становлении *всемирно-исторического проекта «Наука»* именно как совершенного познавательного предприятия.

Историко-философскому и системному анализу проблемы истины посвящена обширнейшая литература. В нашем случае важен не анализ многообразных подходов в решении проблемы истины, а сам факт ее постановки. Никогда не утрачивавшийся в

³⁴ Бычков С.Н. Генезис теоретической математики С. 9.

³⁵ Аристотель. Метафизика //Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с. С. 66.

³⁶ Там же. С.68.

классической философии интерес к проблеме истины рассматривается автором в качестве *интеллектуальной предпосылки* проекта «научное познание», в качестве «предвестия» его возможности.

С другой стороны, как эпистемологическая категория истина утверждается вместе с появлением собственно эпистемологии и под влиянием зарождавшегося научного познания.

В рамках классических традиций истина разрабатывалась преимущественно в онтологическом, а также часто аксиологическом и этическом смыслах. Однако в этих вариантах вполне можно уловить некий общий настрой, общую, по большей части латентную, установку. Имеется в виду полагание истины фактором единения человеческого духа на сущностном уровне — возвышения его до уровня всеохватывающего знания, признание возможности для познания достичь некоего надчеловеческого (и даже — суперчеловеческого) состояния.

Тем самым проблема истины выступила одновременно проблемой поиска подинности и всесторонности человека как такового. Все это также создавало необходимую для проекта науки интеллектуальную почву, обусловившую в ней то, что можно назвать естественно-историческим характером.

Такой способ интерпретации истины просматриваются уже у Платона. В знаменитой притче о пещере он рисует специфический образ истины, или, как выразился М.Хайдеггер, «говорит о существе истины». ³⁷ Платон предлагает схему коллективного ступенчатого восхождения к ней, а точнее – восхождения в «область, где сиянием являет себя сущее», ³⁸ где при ясном свете солнца она узревается «на твердых границах твердо стоящей в своем виде вещи». ³⁹

Как тщательно и довольно убедительно проследил М.Хайдеггер, в платоновском описании сопряженными с

³⁷ Хайдеггер М. Учение Платона об истине //Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1986. С. 255-275. С. 262

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 264.

процессом восхождения к истине, являются процессы достижения человеком свободы (вызволения) и обретения им образования (некоего «вычеканивания» человеческой души по заданному первообразу — высшему образцу)⁴⁰. Идея истины неизменно разрабатывалась как идея комплексного совершенствования человека, как идея единства получения знания и образования личности.

Аристотель, связав понимание истины с идеалом некоей всеобщей формы мыслительного порядка (логики), сделал следующий шаг в развертывании обозначенной тенденции. Сформулированные им законы логики, по сути, и предстали законами достижения истины. Логика на протяжении многих столетий уже после Аристотеля признавалась оптимальной формой единения человеческого духа в истине.

Аристотель, хотя и, в отличие от Платона, обосновывает индивидуальности, человеческой что HO. знаменательно, мыслит истину за пределами последней, то есть именно как нечто всеобщее, надчеловеческое. Кроме того, с Аристотеля связано начало называемой именем И так корреспондентской концепции истины, в соответствии с которой истинным считалось высказывание о сущем как оно есть, 41 или соответствие знания действительности.

Данная концепция не только стала лидером в череде вариантов разработки проблемы истины, но и обусловила в дальнейшем и с необходимостью построение субъект-объектной модели в эпистемологии и гносеологии, а главное — в ней содержались предпосылки проекта научного познания с его генеральным принципом объективности.

Дискуссии относительно истины, как известно, имели место в средневековой философии. Среди результатов таких дискуссий свое место заняла концепция двойственной истины, которая со всей очевидностью стала предпосылкой секуляризации познания и знания.

⁴⁰ Там же. С. 258 – 264.

⁴¹ Аристотель. Указ. соч. С. 141.

Сама по себе нацеленность научного познания на истину может быть сведена к таким постулатам: 1) истина есть высшая познавательная ценность; 2) истина есть предельная цель познания; 3) истина принципиально достижима в познании; 4) достижимость истины обусловлена валидностью методов познания; 5) все это гарантируется коллективным контролем.

Данный кодекс, представ самоочевидным и естественным компонентом проекта научного познания, был, в свою очередь, лишь эпистемологической выжимкой из содержательно более богатых разработок проблемы истины в классических учениях.

И именно кодекс истины, указывающий на то, ради чего производится научное знание, наделяет его статусом всеобщего и необходимого, что особо подчеркивал И.Кант. Архитектоника (в кантовском смысле данного понятия) 42 науки состоит в следовании ключевой идее истины. Причем стоит отметить, что И.Кант главной целью науки считал достижение всеобщего блаженства, 43 что можно рассматривать своеобразной кантовской метафорой истины в ее универсальном смысле.

Представления о всеобщности истины, сути, одновременно означали и тождество с представлениями о ее объективности. Следует отметить, что сами представления об объективности возникают несколько позже - когда феномен науки уже приобрел свою определенность общественной деятельности и в культуре, когда вполне оформилось и самосознание субъектов научной практики, когда были артикулированы нормы академических уставов. Но во трактовках истины, складывавшихся всех истории философской мысли, так или иначе угадывается особая интенция, которая и трансформировалась затем идею объективности познания и знания.

Учения об истине в своей совокупности выражали собой поиск идеала (в общем-то, не только познавательного, но и

⁴² Кант И. Указ. соч. С.486.

⁴³ Там же. С. 496.

идеала жизни), в котором воплощалось нечто непреходящее, нечто общезначимое и *вечное*.

Идея устойчивости истины (как качества научного знания) прослеживается и в проектах науки эпохи Нового времени, и в установках субъектов научной практики, когда актуально добывавшееся знание стало мыслиться как приближение к окончательной и достоверной картине мира. Согласно таким представлениям, по справедливому выражению М.Мерло-Понти, «настоящее есть набросок вечного, равно как вечность истинного есть лишь возвышение настоящего». 44

Модус вечного истине был обязателен, В своеобразной компенсацией рассматривался неизбежного недостатка, которым обладало индивидуальное всякое человеческое бытие, а именно конечности (фрагментарности, ограниченности), что данной доктрины ДЛЯ адептов обусловливало (неполноценность) недостаточность индивидуального познания и знания.

То есть стремление к истине в данном контексте было своеобразной попыткой победы над смертью, преодоления ее коллективными усилиями. Эта интенция в преобразованном виде была унаследована коллективным субъектом научной практики.

По авторитетному мнению Е.А.Мамчур, хотя истинность и объективность [научных теорий] выступают лишь «кантовским регулятивным принципом познания», но без него «сама научная деятельность потеряла бы смысл». И даже если как таковое понятие истины самими учеными не употребляется, «идеал достижения истины в научном познании работает». 45

Среди ключевых социокультурных предпосылок, существенно повлиявших на становление проекта научнопознавательной деятельности, следует признать духовные достижения эпохи Возрождения. Гуманисты — эти, по словам

⁴⁵ Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям современной эпистемологии) М.: Иф РАН, 2004. 242 с. С. 225.

⁴⁴ Мерло-Понти М. Феноменологя восприятия /Пер. с фр. под ред. И.С.Вдовиной, С.Л.Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 603 с. С. 451. ⁴⁵ Мамика. Е. А. Обдектирически науки и редуктирически изуки и редуктирически.

Л.М.Баткина, носители особого благородства, «отождествляемого с личной доблестью и знанием», были страстью интеллектуального творческого честолюбие гуманистов, самовыражения. Духовное обращавшееся в тщеславие и сопровождавшееся склоками и оскорблениями друг друга, тем не менее парадоксально свидетельствовало об их групповой общности, и, несмотря на немногочисленность и разбросанность их по Европе, они в конце концов в XVI в. «почувствовали себя гражданами единой "республики ученых"». 46

Гуманисты показали пример самоорганизации в корпорацию на основе «чистой» идеи – идеи человека-творца, доказав ее неисчерпаемость. По словам того же Л.М.Баткина, они объединились «вокруг некоторого идеализированного социально-культурного представления, вокруг сознательной духовной ориентации», ⁴⁷ породившей, как следует добавить, принципиально новые явления во всех сферах общественной жизни. Культ творчества обеспечивал особую атмосферу в обществе, которое способно стало принимать новое во всех его проявлениях.

Возникшие в XVI в. в Италии сообщества гуманистов – любителей философии, литературы, искусства – были названы академиями (своеобразная дань тогдашней моде на Платона). Постепенно среди их участников выделяются те, кто стал активно заниматься проведением публичных опытов с природными явлениями. В большей степени они стремились продемонстрировать свои творческие способности в сфере постижения природных тайн. К числу таких деятелей можно отнести членов «академий» в Риме (ранняя Академия деи Линчеи, 1603-1630), Неаполе (Академия таинств природы, 1560), во Флоренции (Академия дель Чименто, 1657-1667). Их участники, а в числе их в свое время был и Галилей, поддерживали определенные связи с другими пионерами

 $^{^{46}}$ См.: Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М.: Наука, 1978. 199 с. С.28 – 29.

⁴⁷ Там же. С. 31.

любительской исследовательской деятельности в Европе (в Париже и Лондоне, в первую очередь). 48

Известно, что взаимное идейное влияние оказали друг на друга представители этих первых любительских сообществ. Это имеет отношение и к Ф.Бэкону, который считается создателем практически первого вполне конкретного проекта организации деятельности когнитивной и социальной одновременно, т.е. организации научной деятельности.

Надо отметить, правда, что из великого множества зародившихся в эпоху Возрождения новых духовных феноменов не все «прижилось» в новоевропейской культуре. Известный исследователь так называемого долгого средневековья Жак Ле Гофф, имея в виду в частности и это, не случайно отметил, что блистательным. «ренессанс является феноменом поверхностным». 49

Среди позднего Возрождения, илей сыгравших решающую роль в обосновании науки, следует отметить, безусловно, идею господства над природными силами, кроме человеческой творческой свободы того, идею И также обусловленную ими идею социального прогресса.

Важной мировоззренческой предпосылкой научного познания следует также считать поставленную в этот же период проблему поиска границ между явлениями сверхъестественными (чудесами) И естественными (объяснимыми). особенно ставшую актуальной послереволюционной Англии и находящуюся в соответствии с протестантской доктриной «прекращения чудес». 50 Постановка

⁴⁸ Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Середина 17 середина 18 в. Л.: Наука, 1974. 275 с. С. 20 – 31.

⁴⁹ Ле Гофф Ж. В поддержку долгого средневековья //Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. /Общ. ред. С.К. Цатуровой. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. 440 с. С. 31-38. C. 32.

См.: Дмитриев И.С. Чисто английская наука (природознание в посткризисном социуме) //Наука и кризисы. Историко-сравнительный

этой задачи сыграла свою роль в конституировании научной деятельности, прежде всего, конечно в самой Англии, но также и за ее пределами.

Не случайно проект научного познания, созданный англичанином Ф.Бэконом, был признан наиболее убедительным. Он подчеркнул главное назначение деятельности научного сообщества - стремление к познанию «причин и скрытых сил вещей и расширение власти человека над природою, покуда всё не станет для него возможным». ⁵¹ Представленный его воображением «Дом Соломона» - прообраз будущих академий наук – был вполне сознательно выбран ориентиром для организации научных сообществ в Европе в XVII – XVIII вв. Следуя бэконовскому идеалу полезности знания («что в действии наиболее полезно, то и в знании наиболее истинно», 52 первые академики стали постепенно вволить свою деятельность соответствующие этому правила. Известна заветы Ф.Бэкона одного из основателей ориентация на Парижской академии наук – знаменитого X.Гюйгенса.⁵³

Первые академии наук (типа Лондонского королевского общества, Парижской академии) ставили своей целью (открыто, правда, не провозглашаемой) преодоление зависимости от консервативной университетской учености исключительно богословского характера, оторванной от активных практических новоевропейского устремлений человека. Академии первоначально были любительскими обществами, созданными на их собственный страх и риск. Их деятельность при этом позволила отказаться от традиционного пути проб и ошибок в приобретении знания, которым шло человечество до сих пор. Кроме продемонстрировали, того, научноони как

. .

очерк. Редактор-составитель Э.И. Колчинский. СПб: Дмитрий Булавин, 2003. С. 26 - 121.

⁵¹ Бэкон Ф. Новая Атлантида /Бэкон Ф. Соч. в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 483 – 518. С. 499, 509.

 $^{^{52}}$ Бэкон, Ф. Новый Органон / Бэкон Ф. Соч. в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 5 – 214. С. 82.

⁵³ См.: Копелевич Ю.Х. Указ. соч. С. 96.

исследовательская деятельность становится профессиональной, как дилетанты преобразуются в ученых. Пример Роберта Бойля в этом плане особенно показателен.⁵⁴

Несмотря на то, что бэконовский проект, казалось бы, получил поддержку, и первые академики вполне определенно заявляли о приоритете экспериментальной деятельности, тем не менее рационалистические установки, ставшие доминантой в культуре эпохи Просвещения, неизбежно скорректировали общую диспозицию основателей научно-познавательного предприятия.

В негласной конкуренции эпистемологических проектов верх все-таки одержал проект Р.Декарта, хотя он проработан был преимущественно в методологическом отношении и не имел особого социального контекста. Для Декарта важнее было обосновать единство наук на основе математики, которая, «не будучи зависимой ни от какого частного предмета, объясняла бы все то, что может быть обнаружено в связи с порядком и мерой». 55

Хотя, надо сказать, что и Ф.Бэкон в своей утопической модели общества, предусматривавшей основанием общественного блага науку, исходил из того, что человеческая мысль, нацеленная на решение проблем, ведет к единству человеческого духа и природы. Его задачей было основать «в человеческом духе священный храм по подобию мира. Что достойно существовать, то достойно быть познанным, ибо наука есть изображение бытия». 56

Философские поиски Нового времени в целом осуществлялись в весьма широком проблемном поле, унаследованном от Ренессанса. Они развертывались, в общемто, не вокруг самого по себе проекта научного познания. Это

⁵⁴ См.: Касавин И.Т. Роберт Бойль и начало эмпирического естествознания //Философия науки. Вып. 10. М.: ИФ РАН, 2004. С. 86 – 117.

⁵⁵ Декарт Р. Правила для руководства ума /Декарт Р. Соч. в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1989. С. 77 – 153. С. 90.

⁵⁶ Бэкон Ф. Новый Органон... С. 70

были попытки создать универсальную философию, оптимистичную по общему настрою и не имевшую прямой и однозначной отсылки к божественному промыслу, т.е. в основном на базе деизма и часто с использованием установки на двойственность истины (как у Ф.Бэкона).

Весьма образную и в целом убедительную характеристику интегральной программы новоевропейской философской мысли дал уже в свое время Э.Гуссерль. Он подчеркнул, что истоком ее и всех линий ее развития являлся идеал универсальной философии, предполагавший и возможность соответствующего этой философии истинного метода, с чем в совокупности связывалось преодоление всякого скептицизма. Возможность преодоления последнего отождествлялось с возможностью достижения истины.

Первоначальное воодушевление в связи с чрезвычайно завышенным (по справедливому мнению того же Гуссерля) идеалом универсальной философии обусловило «и страстный порыв к образованию, и энтузиазм в осуществлении философской реформы системы воспитания и всех социальных и политических форм существования человечества», т.е. собственно эпоху Просвещения. 58

Как ни парадоксально, результатом этих тенденций стало отделение в XIX в. так называемой позитивной науки от философии, что существенно сказалось на судьбе обеих духовных систем. И особенно сказалось в том, что складываются устойчивые попытки принизить статус философии как универсальной познавательной системы.

В некотором смысле такой исход оказался следствием тенденции к преодолению унаследованного от средневековья учения о двойственной истине. Для научного познания с его принципами и в его сложившихся к тому времени формах эпистемический дуализм был уже неприемлем. Не исключая

⁵⁷ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию (главы из книги) //Вопросы философии. 1992. С. 136 – 176. С. 142 – 143.

⁵⁸ Там же. С. 140 – 141.

наличие тайн и еще непознанного в мире, научное познание в лице его первых агентов — членов академического сообщества — устремилось на поиск как раз таки $e\partial$ иной истины.

Такой поворот был неизбежен в силу органичного для науки в ее классической стадии фундаментализма, который, в свою очередь, был свойственен изначально философии. Как справедливо отмечено, «фундаментализм является главнейшим (и, конечно, существенным) признаком философии как таковой, позволяющим отличить ее от безответственной философской (софистической по существу) риторики». 59

По большей части интеллектуальная конкуренция науки с философией (как, впрочем, и с религией) проходила именно по линии отстаивания своих преимуществ как фундаментального познания. Надо отметить, что научное познание имело шансы на свое утверждение в культуре европейского общества не больше, чем другие духовные практики, типа магии, каббалистики, герметико-алхимической эзотерики.

Становление проекта научного познания в его зримых очертаниях оказалось возможным в постренессансной и постреформационной общественно-исторической ситуации, когда определенные перемены уже состоялись, многое обновилось под натиском интеллектуальных, религиозных и социально-политических движений. Важным общим итогом всего этого явилась и постановка проблемы веротерпимости и постепенное утверждение в общественном сознании настроений терпимости вообще — терпимости не только к иным символам веры, но и также к иным суждениям.

Религиозные искания были характерны для всех великих мыслителей Нового времени. Наиболее яркий пример тому – искания И.Ньютона, сыгравшие не последнюю роль в его

⁵⁹ Антаков С.М. Трансцендентально-логические модальности в исследовании оснований научного знания //Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия Социальные науки. Нижний Новгород, 2004. № 1. С. 356 – 367. С. 361

научных достижениях. 60 Пересмотр религиозных догм был неизбежен. Более того, это было также время, когда возник атеизм, спровоцированный движением Реформации и абсолютно немыслимый еще за полстолетия до нее.

О том, что атеистическая «струя» обнаруживала себя в интеллектуальных поисках позднего средневековья, свидетельствует развернувшаяся уже в начале XVII в. ее критика, одним из лидеров которой стал Р.Декарт. ⁶¹ Для него борьба с атеистами являлась одновременно борьбой со скептицизмом и релятивизмом.

К зарождению атеизма были в известной степени причастны и Т.Гоббс, и Б.Спиноза, и особенно Д.Юм. Сам спор двух альтернативных идеологических позиций стал одним из истоков проекта научного познания как оптимистического в отношении достижения истины.

Важнейшим аспектом религиозного обновления в Европе позднего средневековья стало и утверждение новых этических представлений. Их влияние на рождение научного познания и как проекта, и как собственно практики не случайно были и предметом остаются специального внимания исследователей. Так, например, известный исследователь науки Л.М.Косарева в свое время посвятила этой теме большую часть своих работ. По ее авторитетному мнению, утверждению духа научного особенно способствовали познания антиаристотелевские настроения в антисхоластические И обществе позднего Возрождения, которые, в свою очередь, были тесно связаны с интересом к эпикуреизму и стоицизму.

_

 $^{^{60}}$ См. подробнее: Дмитриев И.С. Религиозные искания Исаака Ньютона //Вопросы философии. 1991. № 6. С. 58-67.

⁶¹ См. его «Размышления о первой философии...», а также «Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше "Размышлений"...» и др. работы. В них Декарт обстоятельно и последовательно стремится опровергнуть доводы атеистов, подтвердив тем самым факт существования уже сложившейся системы атеистических идей.

Этические идеалы эллинизма стали востребованными в связи с их индивидуалистской направленностью. 62

В таких условиях становится возможным и соперничество альтернативных позиций миропознания. Неслучайной на заре научной деятельности была достаточно острая полемика между представителями разных исследовательских программ. Имеется в виду, например, борьба ньютонианства с картезианством. Обстоятельную характеристику существа полемики Ньютона с последователями Декарта дал, например, А.Койре в своем известном очерке «Ньютон и Декарт». 63

К числу особых предпосылок возникновения проекта науки, предпосылок, относящихся к общим тенденциям развития духовной культуры, было складывавшееся в эпоху Возрождения представление о ненаследуемости профессиональной деятельности. Оно в значительной степени определило духовный (творческий) подъем этой эпохи, объективировавшись во множестве великих достижений. Их создателями были те, чье величие не определялось уже формально-сословными установлениями. В этом был заключен серьезный потенциал для легитимизации научной практики, которая позже обрела не только социальное одобрение, но и статус особой элитарности в системе традиционных элитарных образований европейского общества.

Если говорить о социокультурных обстоятельствах, способствовавших становлению единой науки, то не последнюю роль здесь сыграли общественно-политические настроения в одном из ведущих центров европейской науки — в Германии. Физик и историк науки П.Галисон об этом пишет так: «Современный дискурс об объединении науки возник в

-

 $^{^{62}}$ См.: Косарева Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. 360 с. С. 74-116.

⁶³ См.: Койре А. Ньютон и Декарт //Койре А. Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий). Пер. с фр. /Общ. ред и предисл. А.П.Юшкевича. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 204 – 266.

немецкоговорящих странах в середине 19 столетия. Именно там, в гуще политической борьбы за объединение Германии, идея единства науки была возведена на пьедестал научно-философского идеала». 64

Надо отметить и то, что эпистемологический проект в его поливариантности и трансформациях всегда влиял на формы и направления самой научной деятельности, на профессиональное самосознание представителей научного сообщества. Их взаимная координация не могла не остаться без внимания исследователей. Например, признанный специалист в области эпистемологии и философии науки В.А.Лекторский обращался к обстоятельному анализу конкретных случаев «воздействия теоретико-познавательной концепции на ход развития науки», а в частности, анализу влияния идей Ф.Бэкона, Р.Декарта, И.Канта на различные обстоятельства деятельности научных сообществ. 65

Не последним обстоятельством в организации деятельности научного сообщества стали и политические процессы в Англии. В частности, зарождавшийся британский парламентаризм с его нормами дискуссий наложили свой отпечаток на характер отношений между первыми членами научного сообщества. 66

В рамках процессов секуляризации и либерализации общественной жизни, обусловивших поиски социальных идеалов и путей их достижения, все большую определенность получает именно проект науки (научного познания). Философия Нового времени не только выразила в себе данные настроения и

.

 $^{^{64}}$ Galison P. Introduction: The context of disunity. In The Disunity of Science. Boundaries, contexts, and power / Ed. by P. Galison and D. J. Stump. Writing Science Series. Stanford, Stanford University Press, 1996. Pp. 1 – 33. P. 3

⁶⁵ См.: Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Издательство «Наука», 1980. 358 с. С. 299-300.

⁶⁶ См.: Менцин Ю.Л. Лаборатория и парламент (У истоков современной политической культуры Запада) //Вопросы истории естествознания и техники. 1993. №4. С. 3 - 15.

процессы, но и стала призывом, освященным именами самых выдающихся ее представителей, к практическому воплощению всемирно-исторического проекта. В результате был запущен процесс самоорганизации научного сообщества, который в ретроспективе предстает вполне естественным, закономерным, и даже логичным.

1.2. Проблема критериев научности: объективность и судьба научного познания

Научное познание вырастает из целого ряда духовных тенденций в развитии европейской цивилизации и занимает в ней свое место как специфическая практика. В ее сфере были выработаны особые идейные, методологические и аксиологические нормы, стандарты, ориентиры, образцы, то есть то, что названо основаниями науки. ⁶⁷ Блок этих оснований, как отмечает В.С.Стёпин, «определяет стратегию научного поиска, систематизацию полученных знаний и обеспечивает их включение в культуру соответствующей исторической эпохи». В их перечне выделены три главных компонента: идеалы и нормы исследования, научную картину мира и отдельно — философские основания науки. ⁶⁸

Согласно представленному В.С.Стёпиным подходу, идеалы и нормы определяют общую схему метода деятельности, будучи эталонами, на которые все ее участники ориентируются. ⁶⁹ Следует отметить при этом, что в рамках всех форм социальной практики эталоны играют значимую роль, а сам по себе выбор эталона, как справедливо подчеркивал К.Мангейм, есть характерное свойство человеческого разума. ⁷⁰

⁶⁷ Здесь стоит пояснить, что имеются в виду идеалы и нормы собственно научной сферы, а не исторически предшествующие ей представления, установки, идеи, о которых речь шла в первом параграфе.

⁶⁸ Стёпин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высш. шк., 1992. 191 с. С. 120 – 121.

⁶⁹ Стёпин В.С. Философская антропология... С.125 – 126.

⁷⁰ Мангейм К. Структурный анализ эпистемологии: Специализированная информация по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплексные исследования»: К XIX Всемирному философскому Конгрессу /Сокр. пер. и предисл.

К научному познанию это относится в первую очередь и в самой полной мере.

В соответствии с идеалами и нормами объяснения, как справедливо утверждает В.С.Стёпин, «вводятся онтологические постулаты науки», а возникновение и функционирование идеалов и норм имеет в снятом виде (и, надо добавить, неизбежно) социальную детерминацию. Научная картина мира испытывает «непосредственное влияние мировоззренческих установок, доминирующих в культуре некоторой эпохи», а именно воздействие аналогий и ассоциаций из разных сфер творчества, включая обыденное сознание и производственный опыт. 71

Что касается философских оснований, то, по мысли В.С.Стёпина, они обеспечивают включение научного знания в культуру. ⁷² Можно также заключить, что они же способствуют универсализации научного знания — через них происходит корреляция результатов научной деятельности с господствующим мировоззрением. ⁷³ Это не только обосновывающие постулаты, но идеи и принципы, делающие возможной саму «эвристику поиска». ⁷⁴

Однако помимо означенных оснований следует выделить особые конституирующие научное познание принципы. Они служат своеобразной гарантией его «самости» по отношению к другим познавательным системам, другим способам К духовного освоения мира. Принципы научного познания, к числу которых следует отнести первую В объективность и рациональность, а также и обусловленные ими (эксплицированные из них) системность, открытость, доказательность и др., репрезентируют его сущностные черты. своеобразными Будучи комплексными смысловыми

Е.Я.Додина; Рос. акад. наук, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при президиуме РАН. М.: ИНИОН, 1992. 38 с. С. 12.

⁷¹ Стёпин В.С. Философская антропология... С. 131.

⁷² Там же. С. 132.

⁷³ Там же. С. 133.

⁷⁴ Там же.

операторами рефлексивных актов, они символизировали переход от любительства к профессиональной — научной — познавательной деятельности. Речь идет, по сути, о критериях научного познания, позволившим отличать его (в известной мере, отграничивать) от простого любопытства, от всего многообразия сознательных и бессознательных когнитивных актов, совершаемых непрерывно и являющихся атрибутами любого взаимодействия человека с миром.

Имея в виду именно такие принципы, П.Бурдье подчеркивал их интерсубъективность и особую роль как факторов, придающих осмысленность действиям участников практики. Ориентация на обозначенные принципы позволяет производителям (субъектам, акторам) научной практики как в процедурах поиска, так и в процедурах оправдания, т.е. доказательства, обоснования и организации результата реализовывать главную функцию научного познания и знания — функцию объяснения.

Научное познание уже на уровне проекта мыслилось как способ получения знания-объяснения, – знания, раскрывающего тайны природы, а значит, обеспечивающего власть человека над ней. 76 Коллективная убежденность в таких свойствах научного получения определяла возможностях его европейских исследовательские устремления первых академиков. Объяснение стало некой трансформацией средневековой экзегетики, стало комплексом

-

⁷⁵ Бурдье П. Указ. соч. С. 134.

⁷⁶ Сам по себе феномен объяснения представляет проблему. Ее исследованию посвящена, например, известная книга А.А.Печенкина, который дал анализ исторически менявшихся подходов к объяснительным установкам. В частности, автор выявил этапы эволюции форм научного объяснения: от первоначального способа выяснения механизма явлений, затем перешедшего в форму сведения к привычному, далее преобразованного в логическое рассуждение и, наконец, доведенного до моделирования явлений. См.: Печенкин А.А. Объяснение как проблема методологии естествознания (история и современность). М.: Наука, 1989. 207 с.

формированию особых смыслов. В отличие от средневекового аналога, это уже были секуляризированные и демистифицированные смыслы, то есть смыслы, понятные и открытые для всех.

С другой стороны, объяснение выступило и аналогом мероприятий и их результатов, следственных которые квалифицированного выступали предметом судебного разбирательства, определяющего их признание непризнание. То есть объяснение в этом своем качестве подобия юридической практике с ее отработанными веками нормами и правилами – стало важным фактором легитимизации научного познания и знания в общественном мнении.

Однако при всех аналогиях объяснение имеет и специфику, которая определяет его значимость именно как функции и процедуры научного познания. Речь идет о так называемых эссенциалистских установках объяснения, обеспечивающих выход познания в сферу сущностей, или того, что глубинно властвует над сферой явлений, органично определяя их связи. Все это, в свою очередь, неизбежно обусловливает сообразность научного познания с платформой эпистемологического реализма (анализу эпистемологического реализма посвящена III глава данной работы).

Современная наука предстает в разных аспектах своего бытия: в когнитивном, институциональном, коммуникативном, социокультурном. Во всех своих ипостасях она обусловлена действенностью принципов, которые, казалось бы, являются предписаниями лишь для познавательных действий. Данные когнитивные предписания (познавательные принципы) выражают себя также и в качестве институциональных и коммуникативных норм, и в качестве значимых культурных смыслов

Это связано с тем, что сами эти принципы имеют вненаучную (наднаучную) природу. То есть они рождаются вне сферы самой науки и до ее институционализации как некие предварительные условия ее самоорганизации. Они не выводятся из самой научной практики и их смысловые пределы,

как справедливо подчеркнул А.Н.Уайтхед, невозможно адекватно определить, если оставаться только в их границах, не выходить за их рамки, не выходить в сферу принципов более общего характера. 77

Такие установления, безусловно, не могли возникнуть в отрыве от других норм (нравственных, эстетических, религиозных, профессионально-практических), определявших специфику всех сложившихся в обществе практик. Данные императивы не только конституировали научную деятельность, но и обусловили необходимую для нее рефлексивность. Субъект научного познания неизбежно вынужден соотносить свои действия с обязательными установлениями, что стало показателем и своеобразной гарантией его профессионализма.

Фактически научная деятельность на протяжении ее институциональной истории всегда развертывалась в известном поле самоограничения, или точнее сказать, саморегулирования и самоконтроля ее участников в отношении собственных действий, возможностей и результатов последних. Происходило непрерывно то, что можно назвать самокоррекцией научной сферы, что существенно отличало и отличает ее от других сфер творческой активности человека.

Известно, границы такой, например, что деятельности, как художественное творчество (искусство) на протяжении последних двух веков все более размывались в череде постоянных рождений новых жанров, течений, стилей, выразительных средств – вплоть до крайностей полного интегрирования с другими сферами или отказа от каких бы то ни было системных установок. Наука же в целом сохраняла свою определенность, демонстрируя более или менее четкое системообразующим следование идеям-принципам, обусловливавшим свободу творчества в ней.

Сознательная ориентация участников академических сообществ на фундаментальные принципы сделала возможным

⁷⁷ Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии /Пер. с англ. / Сост. И.Т.Касавин. Общ. ред и вступ. ст. М.А.Кисселя. М.: Прогресс, 1990. 718 с. С. 282.

включение научного познания в систему духовной культуры. Имея в виду эти обстоятельства, И.Кант писал: «То, что мы называем наукой, возникает не технически, ввиду сходства многообразного и случайного применения знания in concreto к всевозможным внешним целям, а архитектонически, ввиду сродства и происхождения из одной высшей и внутренней цели, которая единственно и делает возможным целое, и схема науки должна содержать в себе очертание (monogramma) и деление целого на части (Glieder) согласно идее, т.е. а priori, точно и согласно принципам отличая это целое от всех других систем». 78

Как справедливо указывает Т.Б.Длугач, «Кант первый осмыслил науку как объективно оформленную структуру (в отличие от Бэкона, Гоббса, Локка и других, исходивших из индивидуального познания)». ⁷⁹ Кант начал рассуждать именно о принципах научного познания, он «хотел ответить на вопросы о «началах» науки и научного познания, о критериях науки, о возможности обоснования всеобщего и необходимого знания и т.п.». ⁸⁰

И.Кант самым решительным образом ставит проблему контролируемости (рефлексивности) познания. При этом он имеет в виду познание в его всеобщих и необходимых (т.е. объективных) формах, а значит, научное познание. Основной инстанцией такого познания выступает разум с способностью действовать из принципов. Кант признавал при этом единство человеческого разума, что в общем-то у него было равнозначным объективности.

фундаментальных принципов системе научного познания объективность следует признать ключевым. Здесь важно не отождествлять понятия объективности и объектности. Объектность - полное соответствие знания объекту, как отмечают исследователи, видимо, мало достижима (в квантовой механике особенно), а объективность может быть соблюдена;

 $^{^{78}}$ Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с. С.487. 79 Длугач Т.Б. Иоганн Готлиб Фихте //Ценности и смыслы. 2012. № 4(20). C. 43 – 53. C. 44.

⁸⁰ Там же.

не-объектный характер описания не мешает объективности этого описания ⁸¹

Представления об объективности формировалась, как справедливо отмечено, из уверенности в возможности достичь соответствия описания мира его действительным свойствам. 82 Объективистский императив в самом общем смысле означает требование исключать из познания и знания всё, связанное с особенностями познающего субъекта, и добиваться описания и объяснения объекта (то есть внеположенного субъекту фрагмента бытия) самого по себе.

Такое представление об объективности согласовывалось с особенностями так называемой классической (ньютонианской, механистической) научной парадигмы. Данная парадигма предусматривала убеждения в однозначной явленности (очевидности для обнаруживаемых Bcex) характеристик, а также признание его независимости от познающего субъекта. На обоснование и утверждение такого регулятора познавательной деятельности было потрачено немало усилий эпистемологов, начиная с эпохи Нового времени.

эпистемологии и философии науки Чаще всего в системообразующим принципом научного познания признают рациональность, связывая именно с ее параметрами различие эпох в истории этого феномена. Как подчеркивает Е.А.Мамчур, «для западной философии науки критерии научности и есть стандарты рациональности». 83 Но наука как над- и кросснациональное, также как интегративное культурное a образование сформировалась в целом благодаря тому, что европейская рациональность оказалась способной быть гибкой и выйти за свои «конфессиональные» пределы. Думается, не

Мамчур Е.А. Еще раз о концепции эпистемологического релятивизма //Полигнозис. 2009. № 4. С.43-53. С. 46.
⁸² См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог

человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 312 c. C.57 – 58.

⁸³ Мамчур, Е.А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). М.: ИФ РАН, 2004. 242 с. С.89.

рациональность сама по себе, а особенно в период становления науки, определила «лицо» последней.

рационального мышления вырабатывались и Нормы закреплялись в духовной культуре еще до становления современного научного познания и за пределами научной деятельности. Они имеют достаточно длительную историю в рамках философской и богословской мысли.

В широком смысле рациональность представляет собой действенность разума как инстанции, где господствуют принципы (или, как называл это И.Кант, начала и высшие максимы). Именно такие начала и максимы должны, по Канту, лежать «в основе самой возможности некоторых наук и применения всех наук». 84

Следует также иметь в виду, что сама по себе рациональность выступает как надцелевая характеристика интеллектуальной активности, в том числе и познавательной. В совокупности проявлений своих она есть инструментальная способность человеческого духа, которая может быть приложена к различным целям и в различных сферах – в научном познании, в художественном творчестве, практике социально-коммуникативной, политической, обыденной жизни, в поведенческих актах и др.

Рациональность и свободное миропознание, а также и свободное приобщение к знаниям не всегда сообразованы друг с другом. Нельзя не признать, что «сама античность - вовсе не царство просветительского рационализма». 85 Рациональность многозначна, как многозначен сам разум.

Рациональность может быть осмыслена как исторически развертывающийся феномен, как феномен, воплощающий в себе набор социокультурно обусловленных правил по экономному расходованию физических и интеллектуальных сил. Признавая «рациональность - это многообразие что TO.

 $^{^{84}}$ Кант И. Критика чистого разума... С. 496. 85 Касавин И.Т. Роберт Бойль и начало эмпирического естествознания //Философия науки. Вып. 10. М.: ИФ РАН, 2004. С. 86 – 117. С. 87.

интерсубъективности понятий и суждений», ⁸⁶ ее следует рассматривать консолидирующим фактором любой социальной практики, обеспечивающим коммуникацию и взаимодействие в ней.

А.С.Панарин, характеризуя рационалистические системы Просвещения, относил их к рационалистическим утопиям. ⁸⁷ С этим нельзя не согласиться, хотя с некоторой оговоркой. Рациональность, будучи интерсубъективным феноменом, является именно *представлением о порядке и желанием этого порядка*, без чего в общем-то трудно представить какую-либо совместную деятельность.

В некотором смысле рациональность предстает, если воспользоваться известной метафорой и методологическим приемом, особым посредником, называемым «черным ящиком», с помощью которого индивидуальное преобразуется в коллективное. Причем здесь имеется в виду не простое следование неким стереотипам, речь идет о достижении оптимального (принимаемого в качестве общего правила) соответствия действий и результата.

Интересно, что для И.Канта управление разума нашим знанием состоит в его способности *строить систему* (а любая идея есть, по Канту, прежде всего, система), в этом, собственно, и состоит назначение разума. 88

Рациональность, достроенная до степени научной (в ипостаси научной) представляет собой ориентацию на поиск пропорции, равновесия между порядком мира (постулируемым порядком) и порядком суждений о нем. Рациональность тем самым предопределила утверждение объективности в качестве базового принципа научного познания, т.е., можно сказать, легитимизировала объективность как научный принцип. Во всяком случае, научная рациональность заключает в себе не

_

⁸⁶ Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М.: б/и, 2002. 352 с. С. 10

⁸⁷ Панарин А.С. Смысл истории // Вопросы философии. 1999. № 9. С. 3-21. С. 7.

⁸⁸ Кант И. Критика чистого разума... С. 486.

только установки на интеллектуальный порядок, но и на беспристрастность (на пределе – бесстрастность). Данный смысловой оттенок рациональности вполне определенно просматривается уже в рамках античных традиций.

Рассуждая, в частности, об этом Ст.Тулмин, например, пишет, что «...единственным значением истины, согласно Сократу, было значение «продолжения разговора», причем продолжения разговора в таких терминах, которые в принципе не дискриминируют ни одну из партий ни в одном из спорных вопросов. Следовательно, с самого начала проблема рациональности была эквивалентна проблеме сохранения человека «открытым разуму». Это означало установление как беспристрастного форума (курсив автора – О.К.), или суда разума, перед которым все люди находились в одинаковом интеллектуальном положении, так и беспристрастных методов и процедур, одинаковое действие которых все они могли одинаково признать». 89 Здесь вполне справедливо указывается такой необходимый аспект рациональности, обнаруживаемый уже в ее самых ранних формах, который в тенденции неизбежно обусловливает последующее становление идеала объективности.

В свою очередь, В.Н.Порус еще более определенно говорит о том, что «классическая традиция европейской гносеологии, идущая от Аристотеля и Декарта, полагает объективность идеалом знания». Отмечая два смысла этого идеала — совпадение знания с объектом и устранение из него всего субъективного, — автор подчеркивает, что второй смысл объективности «был тесно связан с представлением о греховной, "испорченной" природе человека, которая тяготеет над его познавательными устремлениями. Но человеческий дух, божественный по своему происхождению, способен все же

 $^{^{89}}$ Тулмин Ст. Человеческое понимание /Пер. с англ. З.В.Кагановой. М.: Прогресс, 1984. 328 с. С. 59

⁹⁰ Порус В.Н. Эпистемология: некоторые тенденции //Вопросы философии. 1997. № 2. С. 93 – 111. С. 95.

преодолевать природное тяготение и возноситься к Истине, воплощенной в идее-объекте» 91

Установки объективности явились атрибутом собственно научной деятельности в эпоху Нового времени. До формирования науки такие установки не могли востребованы ни в одной другой сфере интеллектуальной деятельности. При этом надо отметить, что еще в эпоху схоластики «понятие объективности (изначально субстантивированное) вводится в философский оборот». 92

С его введением начинается поворот метафизики к проблемам познания (гносеологический поворот), происходит узаконивание вещи (существующей как нечто внешнее) в качестве познаваемого, а, значит, и соответствующего этому статуса познающего. Модель основного познавательного отношения (субъект-объект) и идея объективности имели общие истоки. Не случайно, «в схоластическом звучании понятий, связанных с объективностью, присутствует "конструктивная двусмысленность", говорящая о возможности и необходимости видеть основание объективного как в актуально существующей вещи, так и в существующем актуально интеллекте». 93

Предпосылки к принятию установок объективности в познании сложились еще в условиях общества Ренессанса, когда начала формироваться идея выведывания тайн природы у нее самой. Можно отметить, например, большой вклад в ее обоснование и практическое воплощение Роджера Бэкона, Жана Буридана и др. В XVI веке идея эта не могла не получить поддержку в кружках гуманистов, хотя она и не являлась главным ориентиром их творческих порывов. Однако важен был сам позитивный настрой в отношении открытого коллективного исследования природы без оглядки на старые авторитеты и «прислуживавшую» представлениям догматическим

⁹¹ Там же.

Шиповалова Л.В. Научная объективность в исторической перспективе. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2014. 50 с. С. 36.

⁹³ Там же. С. 37.

формальную логику.

В XV — XVI вв. по крайней мере становится вполне допустимой возможность установления истины не только логическим путем, но и с помощью фактов. Эти условия позволили позже Φ .Бэкону от имени ученых нового образца твердо заявлять: «...Мы подвергаем проверке то, что обычная логика принимает как бы по чужому поручительству».

Значение принципа объективности и обусловленного им эмпирической проверяемости требования знания было подчеркнуто в девизе учрежденного в 1660 г. Лондонского Королевского общества: Nullius in verba! («Ничего со слов!»). Следование преодолеть ему позволило зависимость исследовательской деятельности от многих умозрительных теорий, от противоречивших друг другу метафизических суждений о мире, которые были «освящены» великими именами Аристотеля или отцов церкви.

Утверждение данного принципа обусловило возможность объединения эмпирической и теоретической деятельности, формирование научной методологии, системной организации знаний о мире, что собственно и определило возникновение науки — специализированной познавательной деятельности в интересах общества в целом. Безусловно, он означал упорядоченное движение исследовательской мысли к вполне достижимому, как тогда (в XVII – XVIII вв.) казалось, идеалу – к Истине в ее универсализме и общей значимости.

Начало разработки идеи объективности можно обнаружить у Ф.Бэкона, а также у Р.Декарта, хотя само понятие в его смысловой определенности и в отношении именно научного познания стало применяться приблизительно в середине XIX в. На это обращают внимание авторы известной книги с одноименным названием Л.Дастон и П.Галисон. Они подчеркивают, что это понятие как бы переопределяется в это

 $^{^{94}}$ Бэкон Ф. Новый Органон... С. 72.

время вместе и в смысловой оппозиции с понятием субъективности. 95

Надо отметить также, что идея объективности не могла не вырастать вместе с развертыванием самого проекта научного Считается, что ee смысловые параметры познания. определялись влиянием эмпиризма и развитием (успехами) собственно экспериментальной деятельности. Однако, как уже указывалось, установки рационализма сыграли не менее важную роль в формировании представлений об объективности как научного принципе познания. Точно также само происхождение науки, подчеркивают специалисты, в равной вполне убедительно выводится ИЗ указанных альтернативных программ. 96

Вклад Френсиса Бэкона в решение данной проблемы состоит в том, что, он указал на необходимость исключения из познавательного процесса слепой веры в авторитеты, а также антропоморфных установок, всяческих предубеждений и произвола в использовании понятий (знаменитые «идолы»). Тем самым он обосновал важнейшие аспекты объективности как позиции, которая предполагает выход за пределы сугубо индивидуальных проявлений, исключение всего конкретно субъективного с его предпочтениями, ориентациями, желаниями, страстями.

подчеркнув различие Декарт же, между вешью протяженной и вещью мыслящей, сделал еще один шаг в построении идеала объективности – заявил о том, что познание есть выход из сферы мысли в сферу иного для нее, в сущностно иную сферу. Он выразил особую убежденность в достижимости этого. Объективность у него предстала, таким образом, не учитывать требованием существующую только человеческой мыслью и ее предметом границу, но и признавать возможность ее преодоления.

⁹⁵ Daston L. and Galison P. Objectivity. N.Y.: Zone Books, 2007. 501 p. P. 206.

⁹⁶ Gillispie Ch. C. *The Edge of Objectivity:An Essay in the History of Scientific Ideas*. N.J.: Princeton University Press, 1960. 562 p. P. 152.

Следование идеалу объективности в познании позволило построить в течение довольно короткого исторического времени (не более века) всё колоссальное и многофункциональное здание новоевропейской науки, довольно быстро ставшей атрибутом общественной жизни и истории в масштабах человечества.

Постановка проблемы объективности знания существенно и напрямую повлияла на многие другие эпистемологические и общефилософские проблемы: проблемы связи сущности и явления, отношений субъекта и объекта, истинности знания, возможностей и способностей человека в освоении мира и др. Параметры объективности во многом оказались созвучными с нормами организации буржуазного общества, включая нормы (буржуазной же) демократии, которые нацелены согласование индивидуального и коллективного начал жизни.

Интересно, что возникала наука параллельно альтернативными ей способами познания и духовными системами, такими как идеи и практики герметизма, магии, алхимии, кабалистики, оккультизма. Они вполне равноправно в то время пробивали себе дорогу в качестве видов духовного творчества, альтернативных традиционному богословию. Более того, известно, что в творчестве многих деятелей Ренессанса эти духовные практики часто сочетались. Даже И.Ньютон прибегал к отдельным элементм таких практик. На вопрос о том, почему науке удалось «победить» в споре с ними, однозначно вряд ли возможно ответить. ⁹⁷ И еще более интересно и удивительно, что

Данная проблема хотя и получила серьезное философское и историко-культурное осмысление, но нельзя сказать, что споры относительно причин и условий выхода науки в интеллектуальные лидеры по отношению к иным формам духовно-творческой (познавательной в том числе) деятельности эпохи Возрождения закончены. В этой области внимания заслуживают труды: Thorndike L. A History of Magic and the experimental Science. 8 vol. N.Y.: vol. 1-2, The Macmillan Company, 1929; vol. 3-8, Columbia University Press, 1934-1958; Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция /Пер. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 528 с.; Йейтс

наука вполне вписывалась на протяжении более двух столетий в другие ключевые интеллектуальные тенденции европейской культуры: классицизм, романтизм, модернизм.

Как представляется, во многом это было обусловлено действием фактора объективности. Дж.Холтон, например, ставит этот фактор на первое место в картине мира, характерной для модерна. Он подчеркивает также, что «"воля к объективности" составляет самую суть подлинной науки».

Самой серьезной проблемой в становлении первых научных сообществ было наличие теоретических (точнее, мировоззренческих) разногласий среди их членов. Во многом это было продолжением схоластических традиций. О разногласиях свидетельствуют многочисленные данные по истории Лондонского королевского общества и Парижской академии наук. 99 Преодоление порочного круга схоластической

Ф. Розенкрейцерское Просвещение /Пер. А.Кавтаскина. М.: Алетейа, Энигма, 1999. 496 с.; Косарева Л. М. Проблема герметизма в западных исследованиях генезиса науки //Вопросы истории естествознания и техники. 1985. № 3. С. 128-135; Косарева Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. 360 с.; Касавин И.Т. Спутники и попутчики науки (Средневековье и Новое Время) Предисловие //Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I-XIV вв. /Сост. и общ. ред. И.Т.Касавина. М.: Ин-т филос. PAH, 1996. 445 c. C. 9 – 18; *Визгин В.П.* Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки нового времени //Философско-религиозные истоки науки /Отв. П.П.Гайденко. М.: Мартис, 1997. 319 с. С. 88 – 14; Касавин И.Т. Роберт Бойль и начало эмпирического естествознания //Философия науки. Вып. 10. М., 2004. 249 с. с. 86 – 117 и др.

⁹⁸ Холтон Дж. Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26 – 58. С.48.

⁹⁹ См.: *Койре А.* Ньютон и Декарт // Койре А. Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий). Пер. с фр./Общ. ред и предисл. А.П.Юшкевича. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 204 – 266; *Копелевич Ю.Х.* Возникновение

формалистики, придание научным дискуссиям содержательного характера стало возможным благодаря научным принципам, объективности в особенности. В них выразился коллективный дух научной деятельности.

Это отразили первые уставы научных академий. Еще до их официального учреждения Φ .Бэкон, как подчеркивает П.П.Гайденко, «одним из первых понял, в чем общественное предназначение науки», и то, что последняя не должна быть «частным делом отдельных ученых и небольших научных сообществ». 100

Правда, не все представители современного научного сообщества так однозначно оценивают вклад Ф.Бэкона в разработку проекта науки, в понимание коренных задач научной деятельности. Так, Ф. фон Хайек называет его предтечей «демагогов от науки», которые «слепо подражали научным методам, а не следовали духу науки». 101 Такая позиция проистекает из усилившегося в конце XX в. желания многих представителей научного сообщества усмотреть причины нарастающего кризиса науки якобы ee излишней идеологичности. Идеологичность же, в свою очередь, видится в следовании принципам, или несколько точнее – в догматизации принципов со стороны тех, кто пытается установить монополию на лидерство в определенных областях научной практики. Данную позицию особенно ярко (и особенно провокационно) выразил «анархист» П. Фейерабенд.

Известно, что в принятом в 1699 г. Уставе Парижской академии уже предусматривались процедуры коллективной оценки индивидуальных результатов деятельности ученого. Несколько иначе обстояло дело в Лондонском королевском

научных академий. Середина 17 - середина 18 в. Л.: Наука, 1974. 275 с. и др.

 $^{^{100}}$ Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 376 с. С. 148.

 $^{^{101}}$ Хайек фон Ф.А. Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблении разумом /Пер. с англ. Е. Николаенко. М.: ОГИ, 2003. 288 с. С. 30.

обществе — там с момента избрания И.Ньютона президентом разногласия чаще всего решались в пользу его авторитетного мнения. Надо отметить, правда, что сам Ньютон, как известно, для себя сформулировал своеобразный принцип научной добросовестности — «гипотез не измышляю», означавший необходимость строгого соответствия теорий экспериментальным данным.

Создатель классической механики был абсолютно уверен, что сам он в построении выводов неуклонно и точно следовал данному девизу. Хотя в дальнейшем развитии естествознания ньютоновские выводы и понятия обнаружили во многом свою умозрительную природу, но в XVII — XVIII вв. они сыграли необходимую и неоспоримую парадигмальную роль для науки, по сути позволив ей состояться как коллективному миропознанию.

Некоторые исследователи (например, Л.Дастон и П.Галисон) отмечают, что ценность установок объективности в научно-познавательной деятельности самими ее участниками и эпистемологами в полной мере была осознана только к середине XIX в. 102. С этим в целом можно согласиться, если объективность рассматривать как эпистемологический концепт, ставший предметом специальной интерпретации. Если же иметь в виду то, что можно считать «духом объективности», то, безусловно, он, что называется, витал в атмосфере научных поисков и научных дискуссий, обусловливая характер нарождавшейся классической науки.

Представления об объективности условно можно разделить на два типа – реалистский и позитивистский.

Для первого характерно понимание науки как сферы деятельности, результаты которой — знания — предназначены быть объяснением, то есть должны открывать некие неочевидные, сущностные характеристики объектов, или, иначе, — тот уровень бытия объектов, на который сфокусирована и который стремится репрезентировать теоретическая мысль.

¹⁰² Daston L. and P. Galison. Objectivity. P. 98, 371.

Этот сущностный слой познаваемого мира собственно и был означен понятием *объективной реальности*. С объяснением здесь предписывалось согласовывать все остальные функции научно-познавательных операций и их результатов, а именно описание, систематизацию, прогнозирование явлений, процессов, событий и т.п. действительности.

Для позитивистского же истолкования объективности в целом характерно признание за научным познанием и знанием лишь дескриптивной и классифицирующей функций.

С учетом различий двух подходов и следует оценивать утверждение Л.Дастон и П.Галисона, которые объективность связывают именно с фактором визуализации познавательных результатов. Объекты познания в таком случае соотносятся не с теоретическим построением, а с наглядными репрезентациями, по сути, с некими художественными изображениями. При всей значимости визуального аспекта в человеческом познании все же нельзя сводить к нему содержание научного знания, а главное, к этому не сводятся познавательные цели. Знание в статусе научного отличается от обыденного, художественного, теоретичностью, личностного Т.П. своей обеспечивающей область неочевидного выхол В (ненаблюдаемого) - того, что связывается с возможностью объяснения.

Теоретическое, а не эмпирическое (фактическое) знание предстает фокусом, в котором собственно и выражен коллективный характер научной деятельности. Хотя нельзя не признавать безусловной необходимости согласования эмпирического и теоретического компонентов в научном познании. Развитие теорий помимо этого определяет саму историю науки как в ее эволюционных, так и революционных проявлениях.

Свой вклад в обоснование объективистских установок научного познания внес, как уже указывалось, и Р.Декарт. Во многом именно ему принадлежит заслуга построения последовательно критического отношения к умозрительным постулатам Аристотеля, и признания в противовес им

продуктивности процедуры сомнения в познании. Все это можно рассматривать необходимым контекстом обоснования принципа объективности.

Как известно, Декарт отстаивал позиции рационализма в При этом, как Ф.Бэкон, познании. И ОН доказывал необходимость получения знания практического назначения, или, как это названо им, «практической философии». При помощи такой философии, как пишет Декарт, «зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем различные ремесла наших мастеров, мы могли бы, как и они, использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владетелями природы». 103

Более того, Декарт зарекомендовал себя (в отличие именно от Бэкона) весьма серьезным экспериментатором, оставив след в развитии многих естественных дисциплин, а также математики. Но, с другой стороны, основным способом достижения указанной цели французский философ видел не эксперимент с его опорой на активность органов чувств, а организационную деятельность разума. Разум же Декартом гарант истолкован как коллективности действий, имеющий познавательных приоритет перед субъективностью восприятий.

В связи с моделью Декарта отдельно стоит остановиться на такой особенности складывавшегося комплекса научного познания и знания, как его математизация. Как подчеркивают специалисты, «в истории рациональности существуют великие мечты, к числу которых относится идея унификации всего рационального знания на основании общего метода или общей науки. Уходя корнями в арабскую математику с её идеалом "универсального алгоритма," в Европе времен Р.Декарта и

 $^{^{103}}$ Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках /Декарт Р. Соч. в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1989. С. 250 – 296. С. 286.

 Γ . Лейбница эта мечта стремится обрести плоть Всеобщей Математики (Mathesis Universalis)». 104

Сама по себе математика традиционно отождествлялась и части отождествляется бесстрастным большей c по (беспристрастным) и всеобъемлющим разумом - т.е. в его как полноценного гаранта объективности. свойствах случайно, именно математическое доказательство протяжении всей истории теоретической мысли стало иметь приоритет перед всеми другими способами доказательных процедур.

Посредством математики стало возможным утвердить полученный в познании результат именно как научный, апеллируя к научному сообществу как коллективному и высшему арбитру (разуму), причем такая апелляция несла одновременно и глубокий этический смысл. 105 Несмотря на то, что представления о математике исторически менялись вместе с трансформацией и расширением ее функций как метанаучной системы, 106 она всегда сохраняла и сохраняет этот свой статус.

Наиболее приемлемым для целей классической науки (естествознания, по преимуществу) стал, как известно, вариант априористско-аксиоматической математики, обоснование которого связывают в первую очередь с именем Г.Галилея, справедливо причисляемого к отцам-основателям всемирно-исторического научного проекта.

. .

 $^{^{104}}$ Драгалина-Черная Е.Г. Формальные онтологии: Аналитическая реконструкция. Автореферат дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000. 38 с. С. 3.

 $^{^{105}}$ См.: Бажанов В.А. Математическое доказательство как форма апелляции к научному сообществу //Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVIII. № 2. С. 36-54.

¹⁰⁶ Известны, например, три формы осмысления сущности роли математики в научно-познавательной сфере: априористская в обосновании И.Канта, конвенционалистская А.Пуанкаре, интуинционистская Д.Гильберта, лингвистическая Л.Витгенштейна, структуралистская Н.Бурбаки, операционалистская Ж.Пиаже и др.

Математика стала своеобразным формальным прототилом интеллектуальной деятельности, организованной и осуществляемой в непрерывном соотнесении с некоторыми принципами, т.е. в непрерывной рефлексии. Фактически математика (как теоретическое знание) была на протяжении всей своей истории комплексом, равнозначным философии. Разница между ними состояла в том, что философия осмысливала всеобщее через призму человеческого участия в неоднозначность, многообразие нем (отсюда ee построений), а математика неокончательность ориентирована на всеобщее само по себе, на формально Формальное здесь мыслится как упорядоченное, универсальное и универсально приложимое, т.е. предельно обще- и надчеловеческое. Занятиям математикой, таким образом, не могла не сопутствовать убежденность в том, что с их помощью можно однозначно решать человеческие проблемы и унифицировать все знания.

этом плане уместно привести, казалось противоположные мнения о математике. Однако, как ни парадоксально, они указывают в равной мере на данную ее особенность. Имеются в виду точки зрения Ф.Ницше и Б.Рассела. Ф.Ницше подчеркивал, что через применение математики в науках мы желаем «установить этим наше человеческое отношение к вещам. Математика есть лишь средство высшего и общего человековедения». ¹⁰⁷ По мнению же Б.Рассела, который имел в виду, прежде всего, логическую природу математики, последняя есть выход в сферу не просто истины, а истины как красоты в ее предельно строгом и высшем смысле, 108 т.е., по сути, – суперчеловеческом смысле. Правда, позже (особенность Рассела как философа состояла именно в изменчивости его убеждений) он говорил о математике как

1

¹⁰⁷ Ницше Ф. Веселая наука //Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 491 – 719. С. 619.

 $^{^{108}}$ Russell B. The Study of Mathematics //Russell B. Mysticism and Logic: And Other Essays. Cambridge: Longmans, Green & Company, 1919. 234 p. Pp. 58-73. P. 60.

абстрактном «словесном знании», которое в ходе своей истории утрачивает таинственность и величие. ¹⁰⁹ Но эта характеристика нисколько не снизила планки «общечеловечности» математики.

Математика выполнила величайшую историческую миссию как линия развития теоретической мысли, не связанной идеологическими обязательствами, в отличие от философии, которая не может быть предельно деидеологизированной системой. С другой стороны, философия здесь имеет то преимущество, что открывает неизмеримо больший простор для поиска человеческих смыслов, для обоснования идеалов, для выражения интегральности человеческого духа и его ориентированности на действие.

Все это показала история проекта научного познания, а также и судьба его воплощения в «материю» общественной жизни (его объективации), т.е. развертывание научной практики в многообразных формах, в специфике различных обществ.

В целом, как показывает анализ эпистемологических моделей Нового времени, принцип объективности (хотя и в латентном, т.е. понятийно неозначиваемом виде) был обоснован и признан ключевым для научного познания в равной мере представителями и эмпиризма и рационализма.

Воплощение (объективация) проекта «научное познание» пространство, в культуру интеллектуальное вообше выразилась В учреждении себе не только самих ПО академических центров, но главным образом - в тесной связи между теми, кто был искренне (бескорыстно) заинтересован в секретов природы. Об разгадывании ЭТИХ свидетельствует вся история становления европейских научных академий. По крайней мере, переписка между первыми членами чрезвычайно интенсивной. академий была способствовало тому, что ученые неизбежно стали следовать установкам объективности, а сама наука утвердила себя как наднациональная духовная система. Причем в этом последнем

 $^{^{109}}$ Рассел Б. История западной философии: в 2 т. Т. 2. М.: Миф,1993. 445 с. С. 346.

ее качестве наука превосходит все традиционные социальные институты и элементы культуры.

Несколько иначе в период становления науки выразилось значение принципа рациональности. Он обеспечил науке статус, равноценный другим духовным системам, узаконил ее в ряду образцов интеллектуальной деятельности того времени, наряду с философией и богословием. В европейском обществе, как известно, наука вписалась в рационалистические тенденции культуры времени. Возможность Нового науки специфической сферы общественной деятельности обеспечена укреплением в сознании новоевропейского человека установок на внеисторичность, бесстрастность, объективность разума. Она стала общественным институтом, главной задачей которого было определено постоянное получение, организация и хранение особого знания. Это знание, как полагалось, должно было сохранять вневременную значимость, не должно зависеть от культурно-национальных и иных особенностей субъекта познания, могло быть принято и понято любым носителем разума. Уверенность в достижимости такого знания выступала движущей силой развития научной практики и обретения наукой впоследствии статуса универсального эксперта принятии различных решений.

Интересно, что объективность начавшей В представала своеобразным науке становление аналогом божественного всевидения и всеведения, точнее - общевидения общеведения. Исследователь мыслился наблюдателем, находящимся вне объекта (а если предельно – вне мира), подобно высшему Творцу. Причем наблюдатель понимался как активное начало, в отличие от пассивного объекта (мира), на который нацелено его внимание. Эту особенность науки И.Стенгерс. 110 подчеркивают, например, нижолидП.И И Представления теоретических «читаемы» ЭТИ вполне В

¹¹⁰ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 312 с. С. 55-56.

построениях и методологических канонах классического естествознания.

Нормы объективности в научном познании претерпевали вместе с развитием последнего существенные исторические изменения.

Обычно выделяются три эпохи в истории научного познания, чаще называемые типами научной рациональности – классическая, неклассическая и постнеклассическая (концепция В.С.Стёпина). Опираясь на данный вполне оправдавший себя и ставший общепринятым подход, следует признать, что вместе с параметрами рациональности неизбежно трансформировались и установки объективности.

Классический тип объективности предстает, как уже указывалось, неким стремлением достичь предельного соответствия знания тому, что есть объект сам по себе. Имелся в виду любой объект, а на пределе — весь мир. Причем, постулировалась возможность достижения предельной очевидности (наблюдаемости, ясности) того, что исследуется в объекте. Это тип объективности может быть назван универсалистским.

Классическая объективность диктовала и универсальность методов познания, что в условиях становления науки было также чрезвычайно важным. Методологические установки в целом определялись признанием необходимости добиваться соответствия свойств объекта и приемов его исследования, то есть всякий метод должен был выступать аналогом объекта познания, а в конечном счете – природы в целом.

Установки рациональности здесь были тождественны требованиям беспристрастности (что роднило их с нормами объективности), а также одновременно необходимости следовать в объяснительных процедурах универсалистским конструкциям классической механики.

Во многом именно в связи с осмыслением значимости принципа объективности в научном познании и знании развивается философский позитивизм и его модификации в конце XIX – первой трети XX веков, а потому характерным для

него стал феноменализм. Рациональность понималась его сторонниками чем-то производным объективности, ОТ способностью, возникающей на основе опыта. О.Конт особо отмечал необходимость отказа от умозрительной логики, основным правилом новой, утверждавшейся им положительной логики должно стать установление связи любого суждения с которых научная сила определяется наблюдаемостью. 111 Неопозитивизм и его идейное продолжение аналитическая философия -В целом сохраняли приверженность этой контовской позиции.

Неклассическая наука начала XX в. как следствие научной революции дает уже несколько иное понимание объективности. ней приоритетными становятся такие аспекты, контекстность знания, ссылка на условия и методы его получения, а также на специфику познавательной цели - это идейный набор так называемой копенгагенской интерпретации. Признается бесплодность стремления исчерпывающе познать объект сам по себе. Утверждается представление об объекте (мире) как процессе – т.е. направленных изменениях, в которых свою роль играют средства познания (воздействия) на объект, т.е приборов. Таким образом, познание осуществляется в поле неопределенностей, случайностей. учетом обстоятельств соблюдение объективности познания ставится в зависимость не от наблюдаемости самой по себе, а от статистики наблюдений. Такую объективность вполне можно назвать статистической.

Неклассическая рациональность также трансформируется, начиная включать в себя целевую составляющую, и связанную с ней установку на многовариантность описания и объяснения мира.

Происходят и соответствующие методологические сдвиги. Неклассическая наука диктовала отношение к методу уже не как к аналогу объекта познания, а как к аналогу, прежде всего,

¹¹¹ Конт О. Дух позитивной философии. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 162 с. С. 19.

65

исследовательской цели. Причем, признавалось, что метод может корректироваться в связи с изменением этой цели.

Неопозитивизм стал своеобразной реакцией на революционные преобразования В науке. неопозитивизм ярко продемонстрировал значение рефлексии в научном познании, поскольку его лидерами были сами его субъекты. Членами так называемого Венского кружка были во многом представители научного сообщества - математики, физики, экономисты, искренне желавшие разобраться в том, каков он путь к объективной истине.

Функция науки объяснять факты рассматривается уже не столь значимой, главным считается ее назначение описывать факты как можно точнее, придавать суждениям (описаниям) предельное соответствие этим фактам с помощью выверенных логических процедур и «точного» использования языка. Таким образом, наука согласно представлениям неопозитивистов должна быть ориентирована на поиск не столько знаний, сколько отработки должных форм их организации.

Хотя неопозитивизм и оказал определенное влияние на мировоззренческие и методологические позиции ученых начала в., однако из них продолжали сохранять XX многие классические («ортодоксальные») представления о научном познании. К ним, например, можно отнести В.И.Вернадского, который утверждал, что научное знание отличается от других видов знания тем, что «не зависит ни от эпохи, ни от общественного и государственного строя, ни от народности и языка, ни от индивидуальных различий». 112 А.Эйнштейн, как известно, также отличался своей верностью классическим традициям в понимании задач и особенностей научной деятельности и ее результатов.

Интересно, что и непримиримые оппоненты отца теории относительности считали необходимым соблюдение принципа объективности, правда, вводя в него некоторые коннотации. В частности, для Н.Бора объективность представала достижимой в

¹¹² Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991, 271 c. C. 166.

неразрывной установлениями связи принципа дополнительности, с признанием включенности действий субъекта (с его средствами и методами) в бытие познаваемого объекта. Он говорил при этом об объективности именно как о независимости описания от субъективного суждения. 113 И уж более Н.Бор никогда не отказывался от наследия классической физики, при обозначая ЭТОМ четко объяснительные возможности.

Постнеклассический научно-познавательной ТИП постепенно результате деятельности складывается комплексного влияния многих обстоятельств. Имеются в виду усложнение геополитической и экологической обстановки в увеличение разного рода рисков человеческого существования, изменение в связи с этим роли науки в обществе (она рассматривается как сфера поиска решений ключевых человеческих проблем) и др. Для новой научной парадигмы характерными становятся представления о нестационарности, вероятностном развитии, открытости и сложности всех систем и мира в целом.

Познание рассматривается диалогом с природой, в результате которого уже не может быть получено однозначных ответов, как это предполагалось классической наукой. «Успех» научно-познавательной современной определяется не столько правильно поставленным «вопросом» к природе, сколько оптимальной интерпретацией «ответа» и оценкой последствий, которые все это будет иметь для общества. Соответствие научного знания фундаментальным ценностям человеческого бытия становится существенным отношению описывающему ПО К объясняющему его аспектам. Наука не перестает быть деятельностью по получению важного для всех знания, однако она все менее выражает себя как система самодостаточная и автономная от других социальных процессов. Поэтому

¹¹³ См.: Бор Н. Воспоминания об основоположнике науки о ядре и дальнейшее развитие его работ //Избранные научные труды. В 2-х т. Том 2. Статьи 1925-1961. М.: Наука, 1971. С.545 – 590. С. 576.

требования объективности выступают все более как требования общезначимости.

Объективность предстает не просто научным принципом, а *суперстратегией научного познания*. Таковой ее можно считать и потому, что она единственно соединяет в себе неразрывно и методологические, и онтологические основания научно-познавательной деятельности.

Объективность при этом неизменно диктует определенный уровень ответственности в отношении к познаваемому, что определяет и рефлексивность, и необходимую критичность, и должную аксиономичность познавательных действий. Тем самым нормы объективности фокусируют в себе также взаимообусловленность когнитивного и социального компонентов научного познания.

Рациональность, также сохраняя свою роль как принцип научного познания, принимает обусловленные современной эпохой формы. Можно сказать, что на смену рассудочной рациональности приходит то, что называется рациональностью разумной. Установки современной научной рациональности предстают как совокупность правил оптимального преломления проблем человеческого бытия в познании и знании, они утрачивают ориентацию на предельную беспристрастность. Более того, в системе рациональных норм допустимыми становятся нормы личностной убежденности и страстности.

Специфическим параметром рациональности становится ее коммуникативность. С учетом чрезвычайно возросшей роли коммуникации и информации в жизни современного общества корректируются и установки рациональности. Поскольку в коммуникации важно достижение некоторого компромисса, рациональность приобретает весьма гибкие параметры, учитывающие ситуативность различных вариантов решения исследовательских задач. 115

Нормы постнеклассической науки диктуют новое отношение и к методам познания, которые становятся особо

¹¹⁵ Порус В.Н. Рациональная коммуникация... С. 57 - 70.

¹¹⁴ Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. С. 132.

организованными формами управляющего воздействия имеющий связи c ЭТИМ множество путей трансформации. Метод рассматривается не столько способом открытия или доказательства, сколько создания реальности, новых связей человека и мира. Познание предстает диалогом с природой, в результате которого уже не может быть однозначных ответов, как это предполагалось наукой. образом классической Таким «успех» научнопознавательной деятельности определяется не столько правильно поставленным «вопросом» к природе, оптимальной интерпретацией «ответа» и оценкой последствий его воплощения в практику человеческой жизни.

Соответствие научного фундаментальным знания ценностям человеческого бытия становится едва ли не более значимым, чем традиционно выполняемые ИМ функции описания, систематизации, объяснения и прогнозирования явлений и процессов мира. В.С.Стёпин в связи с этим подчеркивает, «постнеклассический что ТИП научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций, но и с ценностноцелевыми структурами». 116

Однако это не означает, что объективное знание как следствие коллективных познавательных усилий научного сообщества в их историческом развертывании должно мгновенно и напрямую давать конкретные ответы на конкретные и, конечно, злободневные для общества вопросы.

Разумеется, их обойти современное научное познание не может, но оно при этом не может не руководствоваться своими собственными принципами и собственной логикой бытия. Участники этого процесса имеют обязательства в первую очередь перед Истиной в ее общечеловеческом смысле, каким бы утопичным ни казалось желание достичь ее.

¹¹⁶ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с. С. 633 – 634.

Такова сверхзадача научного познания как всемирноисторического проекта, и отказ от нее самоубийственен для науки, если иметь в виду необходимость сохранения ее идентичности, сохранения ее определенности по отношению к иным духовным системам. Главное же состоит в том, что научное познание в лице коллективного и индивидуальных субъектов – организованного научного сообщества – не может не быть озабочено своим самосохранением, сохранением границ того силового поля, источником которого является твердое ядро научных принципов.

1.3. Принципы научного познания и идеал справедливости

Идеал-проект научного познания не мог не корреляцию определенную co многими значимыми социальными идеалами и духовными исканиями, без которых немыслима человеческая культура вообще. Таковыми могут считаться модели совершенного устройства общества - то, что получило выражение в многообразии социальных утопий, а служащие ДЛЯ основанием них определенные Утопия нравственные представления. есть утвердившийся (ставший традицией) в культуре западного общества жанр осмысления социальной действительности через призму желаемого и должного. Как способ творчества утопия вполне естественна для человека, осознавшего, что возможна не только адаптация к наличному бытию, но и преобразование мира в сторону совершенствования, в сторону его устройства в согласии с самой человеческой природой (так или иначе понимаемой).

Со всей очевидностью утопизм является характерной и необходимой чертой человеческого мировосприятия, порой определяя сам тип сознания, а также его когнитивные особенности. Без этого фактора вряд ли возможно было творчество как раскрытие того, что можно называть человеческой подлинностью.

Необходимо отметить, что кипоту выступала первоначально «как деятельность коллективного воображения по эксплуатации старых мифов, но затем, начиная с эпохи Просвещения, утопические рассуждения становятся доминирующим способом видения будущего, предшествующие традиционные пророчества, предсказания и астрологию». 117 Утопии Нового времени в единстве с основными культурными тенденциями становятся демистифицированными, секуляризованными, сциентистскими.

Нельзя, конечно же, не признать справедливым утверждение, что «"утопия", "утопический" используются в современном языке, скорее, не как понятия, а как *epitheta opprobria* (бранные эпитеты), что является вполне объяснимой реакцией на кризис системы, претендовавшей на построение нового мира и формирование нового человека». Во многом все утопии являлись анализом кризисного общества и поиском возможностей его спасения. Проект науки (научного познания), как уже указывалось, являлся компонентом утопических учений.

В когнитивном плане утопизм есть проявление «потребности человека в своем воображении выйти за рамки не только действительного, но и возможного», 119 [8, с. 182], без чего немыслима была бы его творческая активность.

Социальные утопии всегда выражали конкретные чаяния эпохи, в которой создавались, а также определенные социально-политические предпочтения авторов. Это относится, например, к иерархической утопической модели Платона и к альтернативной ей эгалитаристской модели Т.Мора.

Однако утопические построения не могли не иметь некоторого инвариантного компонента – идеи, обосновывающей

._

¹¹⁷ Быданов В.Е. Сциентистский утопизм в России и историцизм позитивистской эсхатологической идеологии //Философский век. Альманах. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. 430 с. С. 28 – 34. С. 30.

 $^{^{118}}$ Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания //Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71 – 81. С. 71.

¹¹⁹ Заладина М.В. Неомифологический и утопический типы сознания //Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы V всероссийской научно-практической конференции с международным участием (18 – 20 октября 2012 года). Иваново: ОАО «Изд-во «Иваново»», 2012. С. 181 – 182. С. 182.

саму необходимость совершенствования социума. И эта идея должна носить безусловный характер, относиться к неоспоримым ценностям. Имея в виду именно это, В.Е.Быданов подчеркнул, что главным образом «утопия обозначает социальную справедливость и счастье, которые нигде не существуют». Идеал справедливости преимущественно и пытались конкретизировать авторы утопических учений.

Этот идеал занимает особое место в ряду социальнонравственных ориентиров. Он получил, в свою очередь, и специфическую экспликацию в фундаментальных установках научной деятельности.

Глубинная связь представлений о справедливости и принципов, которые были утверждены в практике научного познания, вполне прослеживается в реальной истории науки, служит своеобразным оправданием ее существования, несмотря на все возникавшие в связи с этим проблемы.

Справедливость, находясь как понятие в этимологической связи с понятием правды, относится к числу самополагающихся (самих по себе разумеющихся) феноменов. Такие феномены предстают некой базовой интуицией, обусловленной социальностью человека и интерсубъективными истоками его жизненного мира.

Представления справедливости 0 возникают развиваются постольку, поскольку возникают и развиваются человеческие отношения, а значит, постольку, поскольку существует человеческое общество. Они с необходимостью встроены в систему жизненных идеалов, образовывающих (формирующих) личность, обусловливая ее включенность в социальные связи и процессы, в различные социальные практики. В теориях справедливости на протяжении всей истории разработки этой проблематики можно наблюдать своеобразную оппозицию двух, казалось взаимоиключающих идеалов - приоритета общего блага, или

¹²⁰ Быданов В.Е. Сциентистский утопизм в России... С. 31.

блага всех (идеал Античности) и приоритета блага личной свободы (идеал Нового времени).

справедливости определяла Проблема развитие философской мысли в такой же степени, как и базовые проблемы философской классики (бытия, субстанции, истины, блага и др.). При этом для античности характерной была разработка категории справедливости преимущественно в нравственном смысле, имеющем отношение в большей степени к качествам личности, чем к социальным нормам. Гегель, например, рассматривая особенности справедливости у Платона, отмечает, что в этом варианте «она именно и есть та добродетель, которая сообщает силу другим добродетелям, умеренности, мужеству и мудрости, силу, дающую им возможность возникнуть и поддержать свое существование после того, как они возникли». 121

В эпоху Нового времени категория справедливости в большей степени представала как социально-политическая. При этом происходило то, что можно назвать взаимной настройкой идеала справедливости и проекта научного познания. Интересно отметить, что в данном проекте удивительным образом находили координацию два образа справедливости — античный и новоевропейский.

В соответствии с общим духовным настроем Нового времени начинает усиливаться внимание к проблемам оптимального общественного устройства, в которых наука, или в более широком смысле некая рациональная духовная инстанция, стала рассматриваться одним из обеспечивающих его факторов.

свидетельствуют Вначале, как многие эпизоды становления европейских академий, серьезно к нему мало кто относился, немногие верили в него как долгосрочное предприятие. В момент становления академии представляли собой любительские сообщества, созданные на собственный Однако сложившиеся благоприятные страх И риск.

,

¹²¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн.2.- СПб.: Наука, 1994. 423с. С. 198.

экономические и политические обстоятельства (Реформация, становление буржуазных отношений, возвышение светской власти) позволили академиям стать органичной частью новоевроейского общества. Трудно сказать, было ли это случайностью. Но то, что наука могла бы стать иной, вполне допускается.

Научно-познавательные процедуры выстраивались на базе установок и норм рациональности, которые, как уже отмечалось, вырабатывались в философии, юриспруденции, теологии, и которые преобразовывались в то, что стало затем рациональностью научной.

Рациональность как базовое свойство (некая предрасположенность) интеллектуальной активности человека обеспечила возможность выработки принципов любой совместной деятельности, а также и понимания их как безусловных и объективных феноменов, как правил-требований, случайно необходимых ДЛЯ соблюдения. поэтому He рациональность выступила основанием всех исторически сложившихся в обществе практик. Приобретая в их рамках некоторую специфику, рациональность сохраняет то, что можно назвать общей интенцией к продуцированию и соблюдению общих правил, а также к признанию их безусловной ценностью как условия для участников достичь взаимопонимания оптимального взаимодействия.

Рациональность, в свою очередь, имеет определенные смысловые корни и в представлениях о справедливости. По крайней мере, они предполагают в ее содержании беспристрастность, а значит, общепризнанность, общеприемлемость (по сути – объективность).

Как подчеркивает Ст.Тулмин, со времен Сократа справедливость стала мыслиться не как следование воле сильного, но как соответствие неким общим (рациональным) принципам. Более того, «в качестве теоретической проблемы исследование "беспристрастной рациональной точки зрения" было одним из исходных пунктов всей традиции западной

философии». ¹²² И философы показывали образцы того, «как можно решать социальные и политические разногласия, обращаясь к общим принципам, а не прибегая к голому насилию». ¹²³

Данная традиция сохранила свою значимость и в учениях о справедливости, в частности, в концепции одного Дж.Ролза, получившей особую известность. Он в контексте своей базовой доктрины политического либерализма отмечает, что теория справедливости должна быть наиболее значимой частью более широкой теории рационального выбора. Справедливость как идея имеет вполне очевидные рациональные корни. Она репрезентирует установки рациональности в сфере морали. В связи с этим она предстает интегральным нормативом, имеющим отношение ко всем видам практик, включая научное познание.

Дж.Ролз, что особенно важно для задач нашего исследования, утверждает также (и здесь с ним нельзя не согласиться), что идея справедливости в качестве своеобразного каркаса имеет, в свою очередь, понятие *честности*. 125

Последнее уже напрямую отсылает к важнейшему принципу научного познания – объективности.

В отличие от норм рациональности, требования объективности, как уже указывалось, не могли быть востребованными напрямую ни в одной другой интеллектуальной практике до и вне научного познания.

Стремление преодолеть старые устои, в рамках которых знание было уделом избранных, прочно утверждается в общественном сознании. Это делает возможным становление новых, характерных именно для науки, познавательных норм —

.

¹²² Тулмин Ст. Человеческое понимание /Пер. с англ. З.В.Кагановой. М.: Прогресс, 1984. 328 с. С. 58.

¹²³ Там же. С. 59.

¹²⁴ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. 513 с. С. 30.

¹²⁵ Ролз Дж. Справедливость как честность //Логос. 2006. № 1 (52). С. 35-60. С. 47.

открытости, общепонятности, посюсторонности, непредвзятости. Все это тесным образом связало в научном познании требования объективности и рациональности.

Проект «Наука» практически реализовывался сознательными усилиями подвижников – учредителей и членов первых европейских научных академий, бескорыстие заинтересованность которых в разгадывании искренняя секретов природы были обусловлены и тем, что вначале они не систематического вознаграждения получали деятельность. Таким образом, нормы этой деятельности неизбежно приобретали почти сакральный характер. В европейской культуре была создана особая традиция со строгими правилами, которой, по выражению «научного анархиста» П.Фейерабенда, и были переданы основные права в области познания. 126 Предназначением науки как уникальной социально-когнитивной практики стал поиск Истины, что было выражением безусловного и общего блага, что и было заключено в ее принципах.

Утверждение принципов любой практики, ИХ последующая действенность обусловлены своеобразием так называемых стартовых условий. Имеется в виду то, что в некоторой становления сферы деятельности закладывалось ее «инициаторами» в качестве ее регулятивов и норм. Эти лица неизбежно, как отмечает Дж.Ролз, «должны прежде собраться вместе, чтобы обдумать, как сформировать эти практики в первый раз», «выявить те принципы, на основании которых должны оцениваться... сами практики». 127 Они должны иметь «приблизительно сходные потребности и интересы, или потребности и интересы, тем или иным образом дополняющие друг друга, так что между ними возможно плодотворное сотрудничество; и допустим, что они достаточно равны по силе и способностям, чтобы гарантировать, что в

 $^{^{126}}$ Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания: Пер. с англ. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с. С. 39-40.

¹²⁷ Ролз Дж. Справедливость как честность. С. 41.

нормальных условиях никто из них не сможет доминировать над другими». 128

Такие - «принципы оценивания» принципы используются участниками как нечто должное «при критике организации их общих дел», ¹²⁹ и «каждый знает, что он связывает себя этим принципом на будущее», каждый заранее должен принять твердое обязательство по его поддержанию. 130 Эти обязательства могут быть приняты, безусловно, только на началах добровольности.

Удивительно точно Ролз, не имея даже в виду конкретно научную деятельность, указал на те обстоятельства, которые способствовали становлению научных академий. В частности, он подчеркивает: «Процедура, по которой предлагаются и принципы, представляет ограничения, принимаются тем, которые имеют условиях аналогичные место существования нравственности, в результате чего рациональные незаинтересованные личности действовать разумно». 131 То есть принципы одновременно есть и границы практики и мера свободы для ее агентов, поскольку они придают определенность действиям участников.

Принципы научного познания, на которые ориентироваться их члены, не могли не нести в себе эти установки, выражавшие одновременно и когнитивный, и социально-нравственный смысл. На это, собственно, указывал в свое время и Р.Мертон, заслугой которого явилась «четкая основополагающих ценностей экспликация науки принципов идеальных соответствующих ИМ научной деятельности, а также непоколебимая уверенность в их действенности». 132 Мертона, Для как известно, сама

 $^{^{128}}$ Там же.

¹²⁹ Там же. С. 45.

¹³⁰ Там же. С. 46.

¹³¹ Там же. С. 42.

¹³² Мирская Е.З Р.Мертон и этос классической науки //Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФРАН, 2005. С. 11 – 28. C. 27.

возможность науки определялась ее специфическим этосом. Сходные идеи, как известно, высказывал и М.Вебер. 133

Следование идеалу объективности в познании позволило построить в течение довольно короткого исторического времени (не более века) всё колоссальное и многофункциональное новоевропейской науки. Постановка проблемы объективности познания и знания существенно и напрямую другие гносеологические повлияла на многие общефилософские проблемы. Благодаря ориентации научного сообщества на указанные нормы наука утвердила себя как наднациональная духовная система. Причем, качестве она превосходит последнем ee традиционные социальные практики.

Принципы и нормы, закрепленные в той или иной формулировке уставами первых научных академий, явились своеобразными обязательствами нарождавшейся науки как когнитивного и социокультурного предприятия перед человеческим обществом, человеческим миром. Все это предполагало и предполагает своеобразную и постоянную «поверку» действий научных субъектов. Научно-познавательная деятельность не может не быть «системой с рефлексией». 134

Понимание не только задач конкретного исследовательского плана, но и интегрального смысла своего участия в научной практике является необходимостью для того, кто называется ученым. Роль смыслового ориентира выполняют определенные образцы организации действий и мыслей, задаваемые наиболее авторитетными акторами, которые, в свою очередь, репрезентируют базовые научные принципы, пусть не всегда в явной и строгой форме, но, по крайней мере, в

 $^{^{133}}$ Вебер М. "Объективность" социально-научного и социально-политического познания //Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с. 134 Кузнецова Н.И. Научная рефлексия как объект историко-научного

¹³⁴ Кузнецова Н.И. Научная рефлексия как объект историко-научного исследования //Проблема рефлексии. Современные комплексные исследования. Новосибирск: Наука. 1987. С. 213-221. С. 213.

некоторой общей интенции. Главным показателем последней является мотивация к научному труду.

История научного познания подтверждает это. Показателен в этом плане пример А.Эйнштейна, для которого основным мотивом исследований было открытие тайн природы и который считал, что «мотивация людей, приходящих служить науке, различна, но без тех, кто пришел туда ради бескорыстного искания истины, невозможна коллективная деятельность ученых». 135

При всех трансформациях научное познание не может «поступиться» своими принципами инвариантами, позволяющими ему сохранять достойные цивилизационные позиции. По крайней мере, трудно найти другую сферу деятельности, которая бы могла в такой же мере, как наука, объединять в решении человеческих проблем творческопоисковые усилия людей в масштабах, совпадающих с человеческим миром. Важнейшим аспектом данной всемирноисторической функции, а по сути, миссии научного познания как социально-когнитивной практики является, наряду с поиском Истины, его способность специфически выражать идеал справедливости, развертывая и углубляя последнего. В этом аспекте научное познание интегрирует культурные смыслы, поступаясь не илентичностью.

¹³⁵ Кузнецова Н.И. Научная рефлексия как объект... С. 219.

ГЛАВА II

ИДЕЯ СУБЪЕКТА В ЭПИСТЕМОЛОГИИ: ПАРАДИГМАЛЬНОЕ И АНОМАЛЬНОЕ В ПРОЕКТЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

2.1. Проект научного познания и субъект как эпистемологическая проблема

Анализ принципов научного познания как критериев его идентичности предполагает особый контекст, связанный с проблемой познающего субъекта. Обращение к ней важно, поскольку субъект-объектная модель принята в качестве своеобразного эталона в эпистемологии, общей гносеологии и философии науки.

Проблема субъекта, будучи магистральной в проектах научного познания, имеет прямую соотнесенность с научными принципами, а в особенности с принципом объективности. Хотя, как уже отмечалось, принципы эти вырастали из других, вненаучных, корней. Надо сразу отметить, что образ субъекта приобретает в связи с этим весьма парадоксальные черты, так как объективность в известной мере есть установка на обезличенность действий.

Не случайно, исходя именно из такого понимания объективности, М.Полани протестовал против нее. Он утверждал, что бесстрастная и обезличенная наука утрачивает самостоятельную ценность. 136 Более того, он признавал именно

¹³⁶ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии /Пер. с англ. Под ред. В. А. Лекторского и В. И. Аршинова. М.: Прогресс, 1985. 343 с. С. 207.

в связи с установкой обезличенности ошибочность самого объективистского идеала. 137

Конечно, такая категоричность в оценке идеала объективности не может быть принята. Но, безусловно, в отношении субъекта научного познания действие установок объективности требуется прояснить.

Проблема субъекта познания имеет глубокие корни в истории философской мысли, хотя «выросла» она не из интерпретаций самого понятия (оно использовалось в ином смысле, не имевшем к человеку непосредственного отношения), а из некоторых идей, символизировавших собой усиление анропологических тенденций в классической философии. Эпоха Возрождения стала своеобразным пунктом насыщения классической мысли человеческой проблематикой, создав предпосылки для специальной разработки последней в разных отношениях, а также и для становления философской антропологии в ее самостоятельном статусе.

антропологии в ее самостоятельном статусе.

В этом плане линии эпистемологии и антропологии как самобытных комплексов философского творчества проистекают из общего исторического поворота в судьбе философии. В известном смысле их пересечение сыграло эмерджентную роль в становлении проекта научного познания, при этом, несмотря на лидирующее положение эпистемологии, она создала возможности для самоопределения антропологии за пределами других комплексов. И в этом большую роль сыграла разработка проблемы эпистемологического субъекта. Образ такого субъекта был элиминирован из целостного концепта человека.

Становление образа такого субъекта шло параллельно с

Становление образа такого субъекта шло параллельно с утверждением установок индивидуализма в общественном сознании и во всех сторонах жизни европейского общества. Причем надо отметить, что к обоснованию самих принципов индивидуализма был причастен именно Дж.Локк, 138 которого

¹³⁷ Там же . С. 209.

 $^{^{138}}$ Ф.Хайек его считает родоначальником идеи «истинного индивидуализма». См.: Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок /Пер. с англ. О.А.Дмитриевой под ред. Р.И. Капелюшникова.

можно считать и одним из авторов конструкта эпистемологического субъекта. Довольно часто индивидуализм как принцип (методологический, а в общем-то идеологический) напрямую рассматривается как основание субъективистских установок в исследовательской практике, особенно в сфере социогуманитаристики.

Если иметь в виду уже сложившееся в эпистемологии, а также и общей гносеологии понятие субъекта познания, то оно стало ассоциироваться не с образом человека, а с набором неких качеств, которые в совокупности указывают на некую человеческую активность в отношениях с чем-либо внешне данным (объектом). В основе такой активности мыслится целесообразность и целеустремленность, обусловленная, в свою очередь, суверенностью носителя цели. Указанные черты образуют своеобразный инвариант образа субъекта.

Как уже было отмечено (см.: «Введение»), субъектобъектная модель в теории познания (гносеологии) возникает в единстве с процессом автономизации этой области от общефилософских построений и под влиянием научного познания, также начавшего утверждаться в системе практик новоевропейского общества.

Проблема субъекта познания становится актуальной в эпистемологии с момента обоснования модели активной познающей инстанции Р.Декартом.

Понятие субъекта, надо сказать, встречается еще у Аристотеля, но в особом смысле. В античности, как известно, оно разрабатывалось не в связи с гносеологической или антропологической проблематикой, но в русле онтологической мысли, а также логики. Как уже отмечалось ранее (см. Введение), гносеология не обрела того, что можно считать основным кругом ее проблем, включая проблему субъектобъектного отношения, вплоть до эпохи Нового времени. В

 139 Хайек фон Ф.А. Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблении разумом /Пер. с англ. Е. Николаенко. М.: ОГИ, 2003. 288 с. С. 40 – 54.

Челябинск: Социум, 2011. XXVIII+394 с. (Серия: «Австрийская школа». Вып. 24). С. 2.

философии Платона, которая, как подчеркивал А.Ф.Лосев, немыслима без онтологизма, 140 понятие субъекта не могло быть отнесено к человеку, поскольку последний не рассматривался самоопределяющимся началом. И вообще «в философии древних греков проблемы познания не стояли на первом плане». ¹⁴¹ Кроме того, еще не возникло и представления о внеположенности познаваемого. А поскольку «человеку как субъекту ничего не противостоит, поэтому нет и субъекта». 142

Человек представал как результат своеобразной сборки не просто неоднородных элементов, а, по сути, антиподов – души и тела, для которых временное соединение считалось движением к абсолютному и окончательному разделению. Это движение, которое, по мысли Платона, совпадало с рациональным («припоминанием»), абсолютное познанием лидерство приписывалось душе. Тело, рассматриваясь как темница («гробница») души, тем самым лишалось какого бы то ни было статуса в познавательных действиях.

Субъектностью (в том смысле, который предполагает активно-целевое познающее начало) могла наделяться лишь душа. Однако даже в отношении последней это было проблематично, ибо душа представала, хотя и некой сущностью, но лишенной индивидуальности. Возникает вопрос: насколько она имела в данной концепции внутреннюю потенцию к познанию? Познание, по Платону, содержательно выступает приобщением к высшему эйдетическому миру, воссоединением с ним. В таком процессе (в идеале) все ориентировано на окончательное «освобождение» от телесных оков. Здесь нет

¹⁴⁰ Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т. 2. Часть вторая. Высокая классика (Платон), или эстетика объективноидеалистическая. М.: Фолио; АСТ, 2000. 848 с. С. 630.

идеалистическая. М.: Фолио, АСт, 2000. 848 с. С. 650.

141 Причепий Е.Н. Становление проблемы субъекта и объекта в древнегреческой философии //Субъект и объект как философская проблема Киев: "Наукова думка", 1979. С. 13-54. С. 13.

142 Ильин А.Н. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры). Омск: «Амфора», 2010.

³⁷⁶ c. C. 8.

субъекта и объекта самих по себе — они совпадают, не предполагается непрерывного расширения познавательного горизонта и целевого многообразия в познании, а тем более в части прироста практических (прикладных) знаний.

Даже если субъектом «назначить» именно бессмертную часть души, все же такой субъект не мог бы иметь установку на познание как обновление интеллектуального багажа, как стремление ко все новому знанию, поскольку изначально и вечно существует некое приуготованное знание — «чистая», всеобъемлющая, вечная, благая и прекрасная Истина. Надо лишь определенным (диалектическим) образом подстроиться к интенциям бессмертной и обезличенной духовной инстанции. Обретаемое таким образом знание не является собственностью человека (души). Это знание не создается человеческим творчеством, оно безусловно и не соотносимо ни с какой индивидуальностью, субъективностью. Напротив, субъективность-то и мешает познанию, приближению к Истине.

Гегель не случайно в свое время оценил как недостаток греческой философии отсутствие в ней идей субъективности и субъективной свободы. 143

В таком представлении о познании у Платона не случайно ключевая роль была отведена математике как универсальному и (в классическом представлении) надындивидуальному познавательному инструменту.

Аристотель особым образом подхватил эту тенденцию к формализации знания и создал традицию мышления, ориентированного на построение определений с устойчивыми границами, что делало возможным создание различного рода классификаций и иерархий. Он придал рассудочную четкость и однозначность ключевым философским категориям, включая и понятие субъекта, который мыслился как субстанциальное (материальное) начало мира, а также всякое индивидуальное бытие. В данном ряду на равных позициях находились и вещи (в их формальной части), и человеческие души.

1

 $^{^{143}}$ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. II // Соч. Т. Х. М., 1932. 400 с. С. 203-204.

Аристотелевское представление о человеческой душе общую установку на несет некоторую признание индивидуальности, но установка эта проведена не последовательно - до степени признания самосознания, как это позже проявится у Декарта. Субъектом, по Аристотелю, называлось то, чему можно было дать определение через установление неких присущих ему свойств-характеристик (предикатов), т.е. существование субъекта выражено через предикаты.

В отсутствие представлений о наличии у человека своего особого самоконтролируемого познавательного поведения невозможно было становление категории субъекта познания, за которым мыслился именно человек. Только позже, в связи с утверждением христианского догмата о греховности человека, возникает неизбежно и идея его автономности. Таким образом, мысль о человеческой субъективности, представшей неким «результатом искажения божественного замысла», следствием идеи разрыва с Богом, начала прорастать в религиознофилософских построениях средневековья. 144

Значимым шагом в становлении идеи субъекта стало утверждение представлений о наблюдателе во Вселенной, которые стали следствием мировоззренческих сдвигов эпохи Возрождения. Представления о наблюдателе вызревали в некоторых тенденциях развития философии, космологии и христианской теологии. Латентный период становления образа завершается наблюдателя коперниканским вселенского переворотом, когда, как убедительно показал исследовании А.П.Павленко, рождается идея человека свободно познающего (которого позже назовут субъектом), а вместе с этой идеей и собственно наука. В результате «нарождающаяся наука освобождается "для истинного постижения книги природы" от всего человеческого, от антропоморфизма, а сама природа — от антропоцентризма. Достигается идеал "чистойприроды". Цельный мир <...> античного космоса буквально

 $^{^{144}}$ Ильин А.Н. Субъект в массовой культуре... С. 8.

разрывается на наблюдателя-человека и природу-универсум». Концепт субъекта был эксплицирован из этого идейного комплекса.

Позиция наблюдателя вполне последовательно была проведена не только на отношение к миру (земному и небесному), но и на отношение к себе самому — человеку. Возникает своеобразный взгляд на себя со стороны, из чего и выстраивается понятие человека как субъекта познания.

Исследования вполне убедительно доказывают, что «в качестве исторической реальности человек как субъект, а мир как объект предстают лишь в истории Нового времени». 146

Концепт субъекта стал определять весь характер учений о познании, особенно в методологической их части. Кроме того, дискуссии вокруг проблемы субъекта серьезно влияли и на процесс самоорганизации научного сообщества.

Проблема субъекта не только приобрела парадигмальное значение для гносеологии и эпистемологии, но и находилась в русле общих духовных тенденций новоевропейской эпохи, а тенденций секуляризации, либерализации, именно индивидуализации. Нарождавшееся предпринимательство сформировало и усвоило установку на безграничность возможностей практического освоения мира, в чем личная инициатива считалась ведущей силой. Указанная установка была экспликацией протестантских этических предписаний о необходимости неустанного личного (без посредников) служения Богу через активную профессионально-трудовую деятельность. Такая деятельность рассматривалась главным средством спасения души, а успех в ней - доказательством богоизбранности. Принцип индивидуализма, культивировавшийся протестантской этикой, должен был

_

¹⁴⁵ Павленко А.Н. Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности //Философско-религозные истоки науки. М.: МАРТИС, 1997. С. 178 – 218. С. 26.

¹⁴⁶ Бряник Н.В.Историческая эпистемология и культурноисторический подход в гносеологии //Эпистемология и философия науки. 2010. № 1. Т. XXIV. С. 112 – 129. С. 116.

ориентировать человека на поиск собственных путей и способов обживания мира, таких, которые были бы действительным показателем глубоко личного приобщения к Божественным смыслам.

этом отношении постановка проблемы субъекта В означала ориентацию на поиск в познающем человеке творческого начала, непрерывно привносящего новизну в отношения с миром. Данный аспект концепта «субъект разрабатывался преимущественно познания» проблема, методологическая что продемонстрировали в своих программах Ф.Бэкон и Р.Декарт, которых следует считать инициаторами разработки собственно проекта научного познания.

Другим стимулом к постановке проблемы субъекта стала необходимость обосновать саму возможность миропознания, что в этот период означало именно возможность познания мира самого по себе. Концепт субъекта позволял абстрагироваться от всего, что препятствовало такому познанию и обозначить собственно функцию успешной познавательной деятельности, которая обеспечит правильный результат – достижение истины. Этот аспект проблемы выводил на теоретический уровень. В данной связи субъект познания представал в объясняющей и прогностической функции, он характеризовался как некая способность выходить в сферу трансцендентного. Разработка теоретического аспекта рассматриваемой проблемы не могла не предполагать обращения к классическим философским традициям, а особенно – к традициям реализма.

Но самым главным фактором, позволившим утвердиться субъект-объектной модели познания, а значит, проблематизации субъекта, была атмосфера публичности, дискуссионности, диалоговости, «многоголосности», которая зародилась еще в эпоху Возрождения и стала важным компонентом жизни новоевропейского общества. В ней и вырастал образ того, кто действует на основе общих норм и с их помощью убеждает в правомерности своих действий и их результата. В этом аспекте

субъект познания мыслился как представитель сообщества, заинтересованного в приемлемом для всех результате.

Все три аспекта постановки проблемы субъекта познания, таким образом, были обусловлены совершенно определенными социокультурными обстоятельствами. Причем указанные аспекты, что очевидно, неразрывно связаны, выступая показателями как неотделимости познания от других форм человеческой активности, так и его специфичности по отношению к ним.

проблемы субъекта обусловила Постановка И возникновение субъект-объектной парадигмальной схемы в эпистемологии. Эта схема предназначена была именно для обоснования научного познания. Понятие объекта стало в целом следствием созданных вначале представлений о субъекте, стало производным от концепции субъекта. Образ объекта стал неким способом уравновешивания образа субъекта. Кроме того, модели обусловило построение данной возникновение представлений об объективности научного познания.

И.Кант в свое время подчеркивал односторонность и рационализма (дающего лишь аналитическое знание, утверждающего абстрактное тождество), и эмпиризма (с его зависимостью от индивидуального чувственного опыта, фиксирующего абстрактное различие). Он считал, что восстановил в своей теории целостность мышления, а именно соединил в субъекте всеобщее и единичное. Для Канта познание — это не зеркальный акт, а активный двусторонний процесс, взаимодействие субъекта и объекта.

Особое место в ряду учений о субъекте познания занимает марксистская (точнее, конечно же, ленинская) теория познания. В ее рамках, как известно, человек познающий рассматривался как деятельное начало, включенное в универсальные отношения мира, а само познание аналогом всеобщего свойства мира — отражения. С такой точки зрения именно объект воздействует на субъекта, на органы чувств последнего, и в итоге формируется субъективный образ объективного мира. Проблемой марксистской философии становится согласование

созерцательной сущности познания (познание как отражение) и деятельностной концепции человека. Ведь согласно 11-му тезису о Фейербахе, все дело заключается в том, чтобы изменить мир.

Для современного человека субъект-объектная модель является само собой разумеющейся, естественной и не только для размышлений о познании, но и о любой человеческой деятельности. Так, К.Ясперс в этой связи отмечает, что основополагающим состоянием мысляшего существования является разделение на субъект и объект. 147 Caм Ясперс, как известно, обстоятельно критиковал субъектобъектную модель. Так он подчеркивал, что «бытие в целом не может быть ни объектом, ни субъектом, но должно быть "Объемлющим", которое проявляется в этом разделении. Совершенно очевидно, что бытие не может быть предметом (объектом). <...> Предмет – это определенное бытие для Я. <...> Объемлющее не превращается само в предмет, однако проявляется в разделении Я и предмета. Само оно остается планом (Hintergrund): проясняясь безгранично задним явлении, оно, однако, всегда остается Объемлющим». 148

С понятием субъекта со всей очевидностью не связаны все размышления о человеке, поскольку оно всегда указывало лишь на определенные выражения человеческого существа. При этом «субъектный» аспект считался самым значимым в том, что человеческому «Я». Однако собственно относится антропологическая проблематика не может совпадать с проблематикой субъектности и субъективности эпистемологии.

По словам Л.А. Микешиной, назрела настоятельная необходимость преодолеть субъектно-объектную парадигму в философии познания. В XX в. появилось много когнитивных практик, осуществился их синтез, т. е. диалог разных философских традиций, который поможет снять упрощенную

¹⁴⁷ Ясперс К. Введение в философию /Пер. с нем. Т. Шитцовой под ред. А.А. Михайлова. Мн.: Пропилеи, 1989. 198 с. С. 17. ¹⁴⁸ Там же.

редукцию теории отражения, и тогда субъект может предстать как *целостность*, в единстве всех своих качеств. ¹⁴⁹

Авторы современных эпистемологических концепций зачастую отказываются от использования данной категории, но это приводит к утрате системообразующего элемента философии познания, к утрате целеполагающей инстанции познавательной деятельности.

Л.А.Микешина, развивая свою концепцию, обосновывает особую интегральную область — философию познания, с точки зрения которой оказывается возможным представить эту сферу человеческой активности во всем многообразии аспектов. На платформе философии познания, по ее мнению, создается возможность обратиться «не к абстракции субъекта, но к целостному человеку познающему».

Соглашаясь с такой установкой на целостность человека, нельзя не отметить, что понятие субъекта все же не очень корректно было применено к познавательной деятельности, т.е. к познанию за пределами науки. Образ субъекта познания был эксплицирован из новоевропейских моделей научного познания. Конечно же, человек в своем индивидуальном миропознании и самопознании выступает многогранно (хотя и не всегда целостно), но в научном познании он все же вынужден ограничивать свою многогранность, следовать правилам и нормам этой сферы познания. Любой профессионализм предполагает подобное «самоограничение».

Другое дело, что необходимо отказаться от упрощенных моделей субъекта. В этом плане значительным эвристическим потенциалом обладают многие современные эпистемологические течения. При этом необходимо признать нетождественность субъекта познания (познающего человека) и субъекта научного познания (ученого-профессионала), а потому

¹⁴⁹ См.: Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с. С. 49–57.

¹⁵⁰ Там же. С. 13.

невозможность построить модель, объединяющую их характеристики.

Надо иметь в виду, что история проблемы субъекта в большей или меньшей степени реконструируется с учетом современного уровня ее постановки и осмысления. В определенной мере такой презентистский уклон неизбежен в логических реконструкциях процесса развития мировой философии, что обусловлено тем, что любая проблема актуализируется в контексте конкретной эпохи. Это не может не относиться и к проблеме субъекта.

Субъект в проектах научного познания — это набор норм для человека науки, выстраиваемых из ее изначально постулируемых принципов. Субъект-объектная модель познания вызревала не в недрах того, что можно назвать общегносеологической мыслью, а в связи с идеалами и нормами новоевропейской классической науки.

Претензии критиков предъявляются к модели, не предназначенной объяснять человека в его целостности. Субъект-объектная модель, созданная в связи с проектом науки, может быть оценена только с учетом этого обстоятельства. Эта модель может быть подвергнута переосмыслению только в связи с осмыслением трансформаций самой научной сферы.

2.2. Становление модели субъекта в новоевропейской философии и проблема обоснования научного познания

Тождественность понятий субъекта и человека как некой стороны познавательного отношения узаконил, как известно, Р.Декарт. Автор «Правил для руководства ума» в рассмотрении вопроса о том, что такое познание и каковы его границы, предложил сначала разделить на две части всё, что его касается, поскольку «он должен быть отнесен или к нам, способным к познанию, или к самим вещам, которые могут быть познаны», а каждая из этих частей вопроса требует отдельного рассмотрения. Оказалось важным не только построить образ познающей сущности, но и обосновать наличие другой стороны познавательного отношения — объекта.

Помимо разведения субъекта и объекта в познании, Декарт, как известно, утвердил разделенность разума и тела в самом человеке. Разум при этом был онтологизирован. По сути, у Декарта отношения субъекта и объекта предстали как онтологические, что было отголоском классических традиций. Здесь интересно отметить, что Декарт, «разделяя» человека на душу и тело, признавал тем не менее его индивидуальность, в отличие Платона, мыслившего, OT как известно, ЭТУ разделенность более радикально, значит, сам познавательный процесс безлично. Декарт обозначил тему познающего субъекта как узловую в только наметившихся тогда интеллектуальных тенденциях по построению проекта научного познания.

Сам Декарт, употребляя понятие «наука» (чаще во множественном числе – «науки»), видимо, вкладывал в него все-

 $^{^{151}}$ Декарт Р. Правила для руководства ума /Декарт Р. Соч. в 2-х т. Т.1. М., 1989. С. 77 – 153. С. 104.

таки традиционный, характерный для античной и средневековой классики смысл. Для него наукой было именно научение, или совокупность действий, позволяющих из свода построить новое знание. Убеждает в этом даже название одного из ключевых его трудов, посвященного изложению «научного» метода - «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» (курсив автора – О.К.). Более того, Декарт характеризует сами сложившиеся на тот период «науки» (дисциплины) как нечто *онтологически* определенное. Например, перечисляя их, он указывает, что они могут быть недостаточно надежны. 152 Он признает наукой знания, только абсолютно несомненные, т.е., по сути, имеющие божественную природу, ¹⁵³ подчеркивая, что они не могут быть враждебны Священному писанию. ¹⁵⁴ Субъект Декарта поэтому выражает собой способность усматривать по особым правилам то, что неизменно, вечно, общезначимо, безупречно.

Ф.Бэкон несколько раньше, когда создавал свою модель (научного) познания, обозначил специальные требования к человеку познающему, при этом, правда, не употребляя понятие «субъект». Он рассуждал о возможности для человека привести познавательный процесс в соответствие с устройством природы. Бэконовский эмпиризм (то, что названо автором «наш путь») 155 в общем-то означал утверждение не столько однозначного приоритета экспериментально-практического компонента познании, сколько необходимости оптимальной координации чувственных (эмпирических) и мыслительных (теоретических) операций. Бэкон предлагал «возложить добрую надежду на более тесный (чего до сих пор не было) и нерушимый союз этих

¹⁵² Декарт Р. Размышления о первой философии... /Декарт Р. Соч. в 2-х т. Т.2. М., 1994. С. 3-72. С. 18.

¹⁵³ Декарт Р. Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше "Размышлений"… /Декарт Р. Соч. в 2-х т. Т.2. М., 1994. C. 73-417. C. 113.

¹⁵⁴ Декарт Р. Возражения некоторых ученых... С. 199. 155 Бэкон Ф. Новый Органон //Бэкон Ф. Соч. в 2-х т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1978. C. 5 – 214. C. 73, 75 и др.

способностей – опыта и рассудка», 156 призывал думать не об умалении чувства, а помощи ему, не о пренебрежении разумом, а об управлении им. 157

Ф.Бэкон признает, что при ЭТОМ В познании индивидуальные способности (например, глазомер твердость руки), конечно же, играют важную роль, что там всегда есть место случайности как в размышлениях, так и в практических действиях. 158 Но путь подлинного открытия [истины] состоит по Бэкону в том, чтобы в познании при помощи определенных правил уравнивались дарования разных людей, 159 то есть стирались когнитивные различия восприятий, и достигалось единство познавательных действий. В результате совпасть достоверность такого познания должны доступность. 160

 Φ .Бэкон утверждал также, что «искусство открытия может расти вместе с открытиями», 161 верил, что все умственные изъяны, как и телесные недостатки, поддаются исправлению через соответствующие упражнения. 162 Со всей очевидностью достигнуть такого результата, по его мысли, можно, прежде всего, через контроль со стороны человеческой индивидуальной воли.

В бэконовском замысле такое наделенное определенными полномочиями, а также и ответственностью противопоставляется тому, что подлежит познанию (природе). Познающая инстанция здесь как бы настраивается, подобно музыкальному инструменту, на лад природы, или (используя другую метафору) стремится установить с ней доверительный диалог.

¹⁵⁶ Там же. С. 57.

¹⁵⁷ Там же. С. 75.

¹⁵⁸ Там же. С. 73.

¹⁵⁹ Там же. С. 73.

¹⁶⁰ Там же. С. 79.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические. Бэкон Ф. Соч. в 2-х т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 349-482. С. 465.

Научное познание в представлении Бэкона должно быть изначально сопряжено с практическим действием именно потому, что его результат предназначен для успешной практики по покорению природного мира (то, что названо автором «наша цель»). ¹⁶³ Его эмпиризм противовес столько есть не рационализму, сколько догматизму ограниченности И умозрительного знания. Человеку, таким образом, вменялось сбалансировать в познавательном действии эмпирическое и рациональное.

В итоге строился проект не только организации эффективного (обеспечивающего господство над природой) процесса познания, но и создания образа целенаправленно и ответственно действующего познающего лица. Бэконовский познающий субъект должен был занять некую нейтральную позицию, из которой он сознательно элиминировал бы всё, что относится к индивидуально-специфическому, и в которой он, по сути, выступал бы от имени всего рода. Достичь такого самоконтроля, конечно же, не каждому по силам, а потому, по мысли Бэкона, ученый (служитель Дома Соломона) неизбежно должен принадлежать к ограниченному числу избранных – к элите.

Декарт же исходил из равнозначности и общности человеческих познавательных способностей. Он видел в познающем человеке-субъекте прежде всего мышление, саму по себе познавательную активность, и, конечно же, активность рациональную — превосходящую природно-телесные свойства носителя. В этом плане человек (разум) наделялся некими сущностными чертами абсолютного характера, которые, безусловно, были вне человеческой чувственности (телесности).

При этом данные черты, по мысли Декарта, как бы это не показалось парадоксальным, фокусировались в самосознании, понимаемом как индивидуальное самоопределение человека. В итоге субъект у него предстал рефлексивным мышлением самим

 $^{^{163}}$ Бэкон Ф. Новый Органон... С. 77.

по себе. Для Декарта субъект как «мыслящая вещь» тем самым и отличается от других вещей материального мира.

Декарт напрямую, в отличие от Бэкона, не призывал человека упражнять свои познавательные способности. Он учил быть внимательнее к тому, что, как он был убежден, заложено Богом в человеческом разуме, который один лишь способен к постижению истины. 164

Декарт пытался, как и Бэкон, найти способы преодоления заблуждений и предрассудков — некоторого несовершенства познающего разума, сформулировав «правила для ума», или правила метода. В отличие от Бэкона, он считал, что человеку (его разуму) для успешного познания достаточно овладеть такими готовыми правилами, которые обеспечат должный результат. По большей части он диктовал эти правила мышления, тогда как Бэкон именно рассуждал о новом пути к истине — о пути, сопряженном с принятием ответственных решений.

Декарт характеризовал познавательные способности разума, обращаясь к собственному опыту его употребления, тем самым имея в виду прежде всего и именно себя субъектом познания. Бэкон же в качестве познающей инстанции мыслил не себя и не безличного носителя разума, но личность, заботящуюся об общем благе, то есть выразителя интересов общества, а еще точнее, особой корпорации, предназначенной служить высшим общественным интересам.

Несмотря на, казалось бы, серьезные различия, декартовская рационалистическая и бэконовская эмпирическая концепции выстроили образ субъекта, который осуществляет, пусть по-разному, непрерывный контроль над своей познавательной активностью. И Декарт, и Бэкон подчеркивали в человеке познающем инструментальное и нормативное, а не всеобъемлюще смысложизненное. Человек в их проектах выступал как инструмент познания от имени рода.

¹⁶⁴ Декарт Р. Правила для руководства ума. С. 113.

Таким образом, в этих концепциях была обоснована специфика не познания во всей его полноте, а именно *научного познания*, для участника которого рефлексия становится обязательной. Она начинает рассматриваться своеобразным критерием принадлежности к сообществу ученых.

В эпоху Нового времени складывается образ субъекта как некой человеческой активности, направленной на нечто внешнее, представляющее интерес. И Бэкон, и Декарт, а также и многие их современники в целом имели в виду идеал познавательного процесса, т.е., как уже говорилось, научное познание.

Все характеристики декартовского субъекта познания (он, по сути, и стал эталоном для последующих разработок) относились к носителю интереса научного. Декарт в общем-то и стремился познание в целом поднять до уровня научного.

Главное внимание мыслители Нового времени уделяли тем параметрам субъекта, которые касались методологической стороны его активности. Главное для субъекта — выбрать правильный метод, гарантирующий, как считалось, получение истины для всех. Для Декарта идеалом человека познающего являлось то, что выражает не столько индивидуальное Я, сколько безусловное в человеке. Благодаря его усилиям, было создано представление о чистом разуме как гаранте истинного знания. В таком разуме все ясно, отчетливо, понятно.

Субъект Декарта есть познающая сущность – субстанция, «мыслящая вещь» – уже противопоставлена тому, что подлежит познанию, т.е. материальному миру.

Такая позиция (оппозиция) субъекта вытекала из принципа сомнения, лежащего, по Декарту, в основе самосознания, и, как следствие, — познания. Сомнение выполняет дистанцирующую функцию в отношении того, что лежит за пределами мышления, разума. Субъект, таким образом, неизбежно должен выражать себя как рефлексивное мышление.

Дж.Локк, будучи создателем первой *теории познания* (общей гносеологии), использует в ее рамках уже как нечто само собой разумеющееся идею разделения субъекта и объекта.

Так, в «Опыте о человеческом разумении» он писал: «В то время как я познаю посредством зрения, слуха и т. д., что вне меня есть некоторый физический предмет — объект данного ощущения, я могу познать с большей достоверностью, что внутри меня есть некоторое духовное существо, которое видит и слышит». 165

У Локка человек, в первую очередь, наделен способностями к восприятию внешнего мира, а потому предстает сугубо эмпирическим (точнее, можно было бы его назвать *сенситивным*) субъектом. Локковский субъект имманентен тому, что он познает. Более того, такой субъект создает себя благодаря тому, что познает, так как для него познание есть способ приспособления к природе.

В этой связи Локк подчеркивает, что целью познания является «знать не всё, а то, что важно для нашего поведения». 166 Он утверждает также, что, рождаясь с одинаковыми способностями к познанию, люди развивают их по-разному. 167 а также обоснованно считает, что страсти создают некоторые сложности для разума в познании. 168

Именно Джон Локк, пойдя дальше Ф.Бэкона и Р.Декарта, стал вполне определенно разводить познание вообще и познание специализированное, т.е. научное, в рамках которого «каждый имеет столько, сколько он действительно знает и понимает», 169 то есть обладает определенной (отраслевой, дисциплинарной и др.) компетентностью. Все, что находится за этими пределами, следует принимать на веру. В этом плане познающий человек (неспециализированный познающий индивид), по Локку, есть нечто более конкретное и многообразное. Все это тесно было увязано с локковским общегносеологическим тезисом о наличии

6

 $^{^{165}}$ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении //Локк Дж. Соч. в 3-х т. Т.1. М.: Мысль, 1985. 621 с. С. 356.

¹⁶⁶ Там же. С. 94.

 $^{^{167}}$ Локк Дж. Об управлении разумом // Локк Дж. Соч. в 3-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1985. С. 202-440. С. 205-211.

¹⁶⁸ Там же. С. 276.

¹⁶⁹ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. С. 151.

у познаваемых вещей первичных и вторичных качеств, которые обусловливают различия в познавательных результатах.

Тем самым Локк обозначил особую тенденцию в дальнейшем развитии дискуссий о субъекте познания, а именно тенденцию к его антропологизации, что стало характерной чертой уже современных теорий познания.

Понятие «объект», как следует из его работ, стало уже вполне привычным в философском обиходе. «Обрисован» также и источник познавательной активности (субъект), хотя специально и не поименован в качестве такового.

В своей теории познания Локк исходил из сугубо натуралистических принципов, а потому создал образ того, что было позже названо эмпирическим субъектом. Последний представлен у Локка не в ипостаси активно и целенаправленно действующего, а в качестве ведомого природными порывами существа, ¹⁷⁰ для которого познание есть способ приспособления к природе. В этой связи Локк подчеркивал, что целью познания является «знать не всё, а то, что важно для нашего поведения». ¹⁷¹ Он наделил субъекта изначальными рецептивными свойствами, вполне, как ему представлялось, пригодными для миропознания.

И.Кант, хотя и отмечает различия между познанием вообще и научным познанием, имеет в виду в первую очередь именно последнее. В кантовской концепции идея Декарта о разделенности субъекта и объекта доводится до логического предела, из чего и следует неустранимая противоречивость результатов познания.

С другой стороны, Кант «открыл» для субъекта особый простор в познавательных устремлениях, в построении картины мира. Для И.Канта познающий человек творит реальность усилиями разума, «выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под

 $^{^{170}}$ На это указывает, например, И.С.Нарский. См.: Нарский И.С. Джон Локк и его теоретическая система //Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т. 1.с. $3-76.\ C.\ 26.$

¹⁷¹ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. С. 94.

высшее единство мышления». ¹⁷² Но границами этого выступают возможности априорных форм человеческого сознания.

Априористская концепция И.Канта, по признанию его самого, выросла под прямым влиянием идей Д.Юма. В свою очередь, Юм основное внимание обращал на причины идей, указывая возникновения V человека co определенностью на различие объектов и идей, на то, что процессы природы и смена идей – это разные феномены. 173 Шотландский философ предостерегал также: «...Если даже истина вообще доступна человеческому пониманию, она, несомненно, должна скрываться в очень большой и туманной глубине; и надеяться на то, что мы достигнем ее без всяких стараний, тогда как величайшим гениям это не удавалось с помощью крайних усилий, было бы, признаться, порядочным тщеславием и самонадеянностью». ¹⁷⁴

Д.Юм, как и Дж.Локк, рассуждал о познании как процессе получения знаний о внешнем мире. Образ науки как *научения* стал достоянием прошлого. Кант, разумеется, также исходит из представления о науке как разработке знаний в соответствии с некоторыми целями, как неком процессе – пути «на все времена и в бесконечную даль». ¹⁷⁵

Научное знание, по Канту, – это творческое синтетическое знание, имеющее при этом необходимость и общезначимость. Его предметом является не вещь сама по себе, а опыт – совокупность чувственных форм, которые активно создает субъект. Но опыт этот организован с помощью априорных форм

 $^{^{172}}$ Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с. С. 218.

¹⁷³ См.: Юм Д. Исследование о человеческом познании /Д.Юм. //Сочинения в 2 т. Т. 2 /Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; примеч. И.С.Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. М.: Мысль, 1996. 799 с. С. 3 — 144. С. 47.

 $^{^{174}}$ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая//Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 1 /Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; примеч. И. С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. М.: Мысль, 1996. 733 с. С. 53 - 656. С. 55.

 $^{^{175}}$ Там же. 14 - 15.

созерцания – пространством и временем, а также априорными формами рассудка – логическими категориями. Они и позволяют субъекту придать реальность внеположенному познаваемому объекту.

Если для Дж.Локка нет проблемы посредника между объектом и субъектом в познании. Он, как отмечалось, полагает непосредственную данность объекта в восприятии субъекта, то для И.Канта необходимым становится уже обоснование такого посредника – априорных форм.

Если для Декарта стороны познавательного отношения – субъект и объект – были осмыслены онтологически, то Кант вышел именно на эпистемологический уровень их анализа.

Субъект, по Канту, должен знать о вещах раньше, чем они им восприняты. Это, с его точки зрения, подтверждается и эвклидовой геометрией и ньютоновской механикой. Кантовский субъект — трансцендентальный, абсолютный и анонимный, в отличие от субъекта в модели Декарта, который все-таки индивидуален как воплощение способностей самого создателя модели. Анонимность субъекта в кантовской модели означала то, что субъект выступал от имени всего рода, должен был выражать в себе то общее, что характерно для человека в познавательной функции.

В поддержку кантовской модели (она непрерывно критических находилась и находится в центре многих рассмотрений) можно сказать, что выведенные в ней априорные формы являются экспликацией (или аналогом) в научном познании того, что является изначальными эволюционно обусловленными аспектами когнитивной активности человека. Имеются виду интенциональность, целесообразность, коммуникативность, парадигмальность, прагматичность, проективность, конструкционность и другие, включая рефлексивность. А в основе всего этого комплекса, безусловно, лежат базовые жизненные потребности, жизненные инстинкты, непрерывно и многообразно развертывающиеся в онтогенезе.

Кант, обосновывая свою модель научного познания, не мог не иметь в виду то, что укоренено определенным образом в

самой структуре человеческого сознания, и что позволяет состояться науке как миропознанию *коллективному*. Коллективность здесь означает не столько *интерсубъективность*, 176 сколько то, что присуще человеку, исходящему из своей причастности к *общему* и ответственности за него.

При этом И.Кант подчеркивал односторонность и рационализма, дающего лишь аналитическое знание и утверждающего абстрактное тождество, и эмпиризма с его зависимостью от индивидуального чувственного опыта и фиксирующего абстрактное различие. Он считал, что тем самым восстановил действительную целостность мышления, соединил в субъекте всеобщее и единичное.

Единство чувственности и рассудка, по мысли Канта, выражается в процессе подведения явлений под категории рассудка. В итоге и создается суждение, способность к совершению которого так детально исследовал немецкий философ. Синтетическое суждение возможно, по его концепции, только на основе деятельности разума, который обладает способностью творчески соединять структуры мышления и чувственный опыт.

Познание в кантовской модели — это не зеркальный акт, а активный процесс, взаимодействие субъекта и объекта, где разум выступает своеобразным модератором. По Канту, разум функционирует в двух ипостасях теоретического (определяющего) и практического (воплощающего). Как ценностно-целевая и действующая инстанция (так называемый практический разум) он не адекватен самой объективной реальности, они с ней разносущностны. Из этого следует проблематичность познания, противоречивость его результатов.

¹⁷⁶ В том смысле, который вкладывал в это понятие Э.Гуссерль. См.: Гуссерль Э. V. Медитация. Раскрытие сферы трансцендентального бытия как монадологической интерсубъективности // Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В.И.Молчанова. М.: Академический проект, 2010. 229 с. С. 116 – 192.

Проблема субъекта, таким образом, именно в постановке И.Канта стала своеобразным рубежом между классическими и неклассическими учениями о познании. Она же свидетельствовала о том, что эпистемология «состоялась» как новое поле интеллектуального творчества, в рамках которого был выстроен проект особой практики – практики социально-когнитивной, или научного познания.

Упреки в адрес создателей моделей познающего субъекта со стороны приверженцев классических (онтологизированных) систем стали неизбежными, непрерывно усиливаясь на протяжении XIX — XX вв. Достаточно точно смысл подобных упреков выразил Н.А.Бердяев: «Немецкий идеализм подменил проблему человека, как познающего, проблемой субъекта, трансцендентального сознания (Кант), Я, не индивидуального и не человеческого Я (Фихте), мирового духа (Гегель). Поэтому познание перестало быть человеческим познанием, оно стало божественным познанием, познанием мирового разума или духа и познающий перестал быть человеком». 177

Негативизм в отношении субъект-объектной модели, а особенно в отношении концепта «субъект» достигает пика тогда, когда возникает кризисная ситуация в самой научной практике, а вместе с ней поднимается постмодернистская волна в западной философии и культуре. Претензии остаются те же – в модели субъекта якобы утрачена целостность человека. Постмодернизм, утверждавший принципиальную идейную «всеядность», справедливо называют идеологическим врагом современных признанных философских школ, и в целом Западной Рационалистической Традиции.

¹⁷⁷ Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Размышление ІІ. Субъект и объективация //Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с. С. 244

¹⁷⁸ Анализу этих позиций уделила большое внимание Л.А.Микешина. См.: Микешина Л.А. Философия познания... Сс. 158-192, 226-258.

¹⁷⁹ Юлина Н.С. Деннет о вирусе постмодернизма. Полемика с Р.Рорти о сознании и реализме / Н.С.Юлина //Вопросы философии. 2001. № 8. С. 78 – 92. С. 92.

Все претензии к концепту познающего субъекта не только не корректны, но и беспочвенны. Образ субъекта рождался вместе с проектом научного познания как его системообразующий элемент. Субъект конструировался для целей именно научного познания. На человека в научной практике накладывались определенные ограничения, а также обязательства в соответствии с принципами, обеспечивающими получение особых результатов — знаний в интересах общества в целом.

2.3. Субъект и научное познание в гносеологии В.С.Соловьева

Концепция субъекта познания — модель человека, участвующего в познавательных отношениях с миром — стала атрибутом учений о познании, начиная с эпохи Нового времени. В ходе развития эпистемологии, конечно же, происходило смещение некоторых акцентов, уточнялись «детали», но в целом построения классиков — Ф.Бэкона, Р.Декарта, И.Канта — выступали в качестве своеобразной парадигмы для осмысления познавательных проблем, а в особенности — проблем научного познания.

Русская философия XIX в. в этом плане не стала исключением, хотя сфера гносеологии не была в ней определяющей. В философской системе Владимира Соловьева эта проблематика, казалось бы, не играла решающую роль, но свою модель познающего субъекта, преломившую в себе некоторые указанные европейские традиции и выразившую одновременно специфику его творческой мысли, он сумел создать.

Учение Соловьева о познании нельзя рассматривать в отрыве от целостности универсального философского построения русского философа, от идей Всеединства и Богочеловечества, от Софиологии и учения о нравственности. Одновременно нельзя не признать наличия у него оригинальной собственно гносеологической доктрины, проработанной и согласованной во всех основных аспектах.

Онтологизированность и внутреннюю системность соловьевской гносеологии особенно подчеркнул в свое время $B.\Phi.Эрн$, который уделил специальное внимание ее анализу. 180

¹⁸⁰ См.: Эрн, В. Гносеология В.С.Соловьева //Сб. статей о В.Соловьеве. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1994. С. 167–257.

Но важным является также и то, что теория познания В.С.Соловьева (или, как он сам это называл, его диалектика) имеет не только онтологический, но и ярко выраженный антропологический настрой. Антропология его, в свою очередь, также обладает своей спецификой. Она получила неоднозначную оценку исследователей.

Довольно радикально ее охарактеризовал, например, А.П.Козырев. По его мнению, у Соловьева фантастическая антропология, в ней «человечество "съедает" человека», она «имперсоналистична и полна геометрическими абстракциями (сфера — человечество, точка на ее поверхности — отдельный человек и пр.)». Здесь при оценке соловьевской позиции, видимо, надо иметь в виду, что в осмыслении любой проблемы Соловьев выходит на предельно универсальный уровень, что обусловлено генеральной идеей Всеединства. Это наложило отпечаток на его абстракции.

И.И.Булычев вполне справедливо назвал антропологию Соловьева постклассической трансцендентной антропологией, которая пронизана установками морали. ¹⁸² Во всех размышлениях о человеке Соловьеву действительно удалось не отступать от принципа его целостности.

Нельзя не признать, что учение о человеке Соловьева является важным этапом исторического развития философско-антропологической мысли в целом, наряду с учениями Л.Фейербаха, последователей «философии жизни», представителей немецкой антропологической школы конца XIX — начала XX вв. (имеются в виду М.Шелер, А.Гелен, Г.Плеснер и др.). Он в полной мере явился основателем соответствующей традиции в русской философии. Главное в соловьевской антропологии — это то, что человек рассматривается существом

¹⁸¹ См.: Козырев А.П. В.В.Розанов и Вл.Соловьев: диалог в поисках Другого //Соловьевские исследования. Вып. 9. 2004. С. 21-49. С. 35. ¹⁸² См.: Булычев И.И. Вл.Соловьев как представитель постклассической трансцендентной антропологии //Соловьевские исследования. Вып 4. 2002. Иваново: ИГЭУ, 2002. С. 108 – 123.

«сверхприродным», 183 «сверхживотным» способным И одухотворить и возвысить свою плоть посредством смысла — то есть ни к чему не сводимой собственной индивидуальности, выразить себя в бесконечном порыве личностных качеств. Основанием человека Соловьев, как известно, (элементов): соединение трех начал божественного, материального и собственно человеческого.

Концепция субъекта познания включила в себя все эти особенности соловьевского учения о человеке. В самом общем плане построенная В.С.Соловьевым теория познания выражает собой решение триединой задачи: осмыслить *что*, как и для чего человек познает. Эти три грани у него всегда и во всех случаях органично связаны. Это касается и построенной им модели субъекта познания.

В целом Соловьев рассматривает познавательный процесс как способ единения субъекта с объектом, а точнее единения (если использовать физический аналог — резонирования) идеи субъекта с идеей объекта. Образ объекта, по его представлению, возникает у субъекта через отнесение к определенной идее, «которая существует в нашем духе, независимо от ощущений и от мыслей», скрывается в бессознательных глубинах нашего духа. ¹⁸⁴ Субъект у него может открыть в объекте именно то, что соотносится с его собственной идеей, может понять только то, что находится в нем самом. ¹⁸⁵

В своем истинном бытии субъект существует и познает себя в неразрывной внутренней связи со всем, а через то и тем самым познает все в себе. 186 Поскольку человек познает предмет, постольку, утверждает Соловьев, этот предмет

¹⁸³ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия /В.С.Соловьев. Соч. в 2 т. /Сост., общ. ред. и вступ ст. А.Ф.Лосева и А.В.Гулыги. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47-548. С. 60.

¹⁸⁴ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал /В.С.Соловьев. Соч. в 2 т. /Сост., общ. ред. и вступ ст. А.Ф.Лосева и А.В.Гулыги. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 581-756. С.730.

¹⁸⁵ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. С.694, 729.

¹⁸⁶ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал С. 694.

«перестает быть внешним, потому что входит в формы нашего внутреннего, психического бытия». ¹⁸⁷ Истинное познание, считает мыслитель, «предполагает между познающим и познаваемым такое отношение, в котором они соединены друг с другом... существенною и внутренней связью». ¹⁸⁸ Философ также особо отмечал обусловленную этим способность человеческого духа не только следовать за фактами, но и предварять их. ¹⁸⁹

Человек как познающее существо у Соловьева выражает собой весь комплекс жизненно важных качеств. Субъект познания предстает не некой абстракцией, как у Декарта и его последователей, а в сопряженных категориях индивидуальности и личности, то есть в категориях, означающих целостную включенность субъекта в отношения с миром. Сам Соловьев, как известно, подчеркивая ограниченность картезианского субъекта, писал, что ему «придано значение как чему-то самостоятельно существующему, безотносительно к самой истине», 190 то есть как чему-то отвлеченному.

Отличается модель соловьевского субъекта познания и от кантовской. Хотя сам В.С.Соловьев и испытывал довольно серьезное влияние немецкого мыслителя, но вопреки ему, не считал непреодолимым, как это было у И.Канта, разрыв между эмпирической и трансцендентальной сторонами человека познающего. В противовес кантовскому «двусмысленному "субъекту" критицизма», 191 соловьевский субъект познания истолкован в единстве трех измерений: как индивидуальность, как личность и как природное, телесное существо.

Соловьев, особенно в своем фундаментальном труде «Критика отвлеченных начал», много внимания уделяет

¹⁸⁷ См.: там же. С. 638.

¹⁸⁸ Там же. С. 720.

¹⁸⁹ Там же. С. 586.

 $^{^{190}}$ Соловьев В.С. Теоретическая философия /В.С.Соловьев. Соч. в 2 т. /Сост., общ. ред. и вступ ст. А.Ф.Лосева и А.В.Гулыги. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 757- 831. С. 828.

¹⁹¹ Там же.

доказательству того, что чувственные восприятия, активность которых и воплощается в так называемом эмпирическом субъекте, не могут сами по себе давать истинного знания. «Чувственная достоверность, – отмечает философ, оказывается на самом деле как самая отвлеченная и бедная истина», 192 поскольку истина, с его точки зрения, не есть ощущение, не зависит от факта ощущения. 193

Характеризуя эмпирического субъекта В целом. В.С.Соловьев в работе «Теоретическая философия» указывает, что его реальность «неразрывно связана с неопределенным множеством фактов внешнего опыта в пространстве, времени и причинности и не может иметь большей достоверности, чем они». 194 Ведь, продолжает рассуждение автор, в отношении целых групп фактов, а то и всей их совокупности может возникать и возникает сомнение, так что не найдется такого серьезного мыслителя, который бы в полной мере придавал формам физического мира, веществу, «элементам И времени» характеристики безотносительной пространству, реальности. 195

Таким образом, соловьевский эмпирический субъект познания весьма относителен, условен, «ненадежен» и случаен. Его реальность зависит от реальности изменчивого и преходящего массива явлений материальной действительности, которых исчезновение возникновение И должно свидетельствовать соответственно и ინ исчезновении возникновении его самого. Эмпирический субъект, несмотря на то, что имеет непосредственное отношение к реальности, в целом пассивен; в нем состоит лишь некоторый начальный шаг к истине. ¹⁹⁶

Важно то, что человек от рождения не рассматривается Соловьевым как некая tabula rasa, то есть всякое человеческое

 192 Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. С. 600. 193 См.: Там же. С. 687.

¹⁹⁴ Соловьев В.С. Теоретическая философия. С. 790.

¹⁹⁵ См.: Там же. С. 788, 790.

¹⁹⁶ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. С. 599.

существо для философа предстает как носитель некоего смысла. Он особо выделяет способность человеческого сознания не только следовать за фактами, но и предварять их. 197 Образ объекта, по представлению русского философа, должен возникать у субъекта как отнесение к соответствующей этому образу идее, «которая существует в нашем духе, независимо от ощущений и от мыслей», скрывается в бессознательных глубинах нашего духа. 198

В отличие от эмпирически наблюдаемого человека, от человека видимой действительности, более существенен и реален, по мысли Соловьева, человек идеальный. В нас как существах идеальных заключено «бесконечное богатство сил и содержания, скрытых за порогом нашего теперешнего сознания, через который переступает постепенно лишь определенная часть этих сил и содержания, никогда не исчерпывающая целого». 199

Человек индивидуален именно как идея. «Каждое «Я» есть нечто в идее безусловно особенное и единичное...», – писал Соловьев. Он признает идеи-индивидуальности независимыми в равной мере и от чувственной реальности, и от «рассудочных отвлечений» (абстрактного мышления). В свою очередь, идеи, находя свое положительное самоосуществление через взаимодействие с другими, становятся действительностью «только в деятельности лица» (личности).

Индивидуальность есть то, что можно назвать неким тяготеющим центром человеческого существа, есть его «внутренний индивидуальный характер», 202 это «безусловное

¹⁹⁷ См.: Там же. С. 586.

¹⁹⁸ См.: Там же. С. 730.

¹⁹⁹ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве //В.С.Соловьев. Соч. в 2 т. /Сост., подг. текста и примеч. Н.В.Котрелева и Е.Б.Рашковского. Т.

^{2.} М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 5-170. С. 118.

²⁰⁰ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. С. 715.

²⁰¹ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. С. 62.

²⁰² См.: Там же. С. 55.

содержание, или идея», наполняющая личное его бытие, 203 «которою определяется существенное значение его во всем, роль, которую он играет и вечно будет играть во всемирной драме». ²⁰⁴ По Соловьеву, таким образом, индивидуальность есть некая безусловная идеальная отличительность человека, не отменяемая никогда и никакими обстоятельствами.

И субъект как индивидуальность, согласно соловьевской концепции, постигает в объекте то, что соотносится с его, субъекта, собственной идеей (индивидуальностью), познает то, что находится в нем самом. 205 В познании истины это индивидуальное «Я» становится безусловным, а всецельным. 206 Субъект тем самым преодолевает отдельности, оковы эмпирического существования и становится сверхличным. 207 Здесь происходит своеобразное «снятие» эмпирического субъекта, который должен подняться силой сверхличного вдохновения в область самой истины. 208

Как справедливо отмечено, для Соловьева главным человека окружающего внешнего отличием OT всего физического мира является «стремление познать себя и скрытое в себе Божество, разорвать оковы природы и воплотить свое величие...». ²⁰⁹ А телесность значима как то, чем можно овладеть в деле раскрытия «Я». Материальное начало в человеке (материальное его существо) необходимо как средство (орудие, инструмент) для осуществления его идеи (индивидуальности). необходимостью проходит земной Человек необходимостью выражает себя природно-телесно. Только через это, познав и осознав свою телесность, он в действительности

²⁰³ См.: Там же. С. 70.

²⁰⁴ См.: Там же. С. 55.

²⁰⁵ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. С. 694, 729. ²⁰⁶ См.: Соловьев В.С. Теоретическая философия. С. 822.

²⁰⁷ См.: Там же. С. 823.

²⁰⁸ См. : Там же. С. 822.

См.: Ионайтис О.Б. Идея сверхчеловека и теория прогресса /О.Б.Ионайтис //Соловьевские исследования. Вып. 9. 2004. Иваново: ИГЭУ, 2004. С. 285-291. С.285.

может стать подлинно духовным существом, раскрыть свою духовную сущность, достичь единения с Богом.

Главным инструментом указанного взаимодействия, в мыслью Соловьева, ΜΟΓΥΤ выступать соответствии исключительно мистические способности человека, или вера.²¹⁰ Истина как внутреннее единство всего, указывает русский философ, может быть постигнута только в акте веры. 211

По сути соловьевская модель познавательного процесса – это, как справедливо подчеркнул М.И.Ненашев, ничто иное. как диалог с Богом. 212 И Бог Соловьевым мыслится как безусловная, абсолютная личность, с которой личность человеческая только и может иметь духовную связь. 213

Личность – это особое измерение человека. Личность мыслится Соловьевым как выражение индивидуальной активности, открытости, бесконечного деятельностного порыва человека; она вносит в «Я» всю полноту отношений со всем, без чего «Я» само по себе будет лишь пустой формой.

Понятие личности вообще истолковано Соловьевым весьма многогранно. И своеобразный персоналистический подход можно обнаружить у него во многих ракурсах учения о Всеединстве, а особенно ярко - в идее Софии. Весь его универсализм последовательно персоналистичен. справедливо указывает Е.А.Плеханов, личностный характер присущ всем главным частям философии В.С.Соловьева: и христологии, и теологии, и социальной философии, а основой учения собственно его личности является 0 «персоналистическое переосмысление идей атомизма, платонизма и монадологии Лейбница». 214

²¹⁰ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. С. 724, 726, 727, 729.

²¹¹ См.: Там же. С. 726.

См.: Ненашев М.И. Принцип безусловной достоверности в «Теоретической философии» Владимира Соловьева //Соловьевские исследования. Вып. 1. 2001. Иваново, 2001. С. 89-99. С. 98.

²¹³ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. С. 67 – 70.

См.: Плеханов Е.А. «Метафизика личности» В.С.Соловьева

Личность, по Соловьеву, характеризует человека как активное, действующее и волящее существо. Личность есть одновременно «природное явление, подчиненное внешним условиям и определяемое ими в своих действиях и восприятиях». ²¹⁵ Но она также есть и «нечто совершенно особенное, неопределимое внешним образом». ²¹⁶ В ней есть некое необходимое условие — ее индивидуальность, или внутренний трансцендентальный исток. ²¹⁷ Личность (лицо) предстает носителем идеи, обладающим особыми силами для ее осуществления. ²¹⁸ «... Лицо и идея — соотносительны как субъект и объект и для полноты своей действительности необходимо требуют друг друга». ²¹⁹

Но в личности нет предопределенности и одномерности, «полнота личности человеку не дана, а задана; она осуществляет себя в стремлении, а не в состоянии». В личности для Соловьева выражено то, что характеризует человека как субъекта жизни и сознания, что «от данного переходит к искомому и, воспринимая божественное начало, воссоединяет с ним и природу, превращая ее из случайного в должное». Человек как личность «обладает возможностью совершенства, или положительной бесконечности, именно способностью все понимать своим разумом и все обнимать сердцем, или входить в живое единство со всем»; в личности как бесконечности соединены «силы представления и силы стремления и действия».

_

^{//}Владимир Соловьев и философско-культурологическая мысль XX века: Материалы Международной научной конференции. Иваново, 17 – 19 мая 2000 г. Иваново: ИГЭУ, 2000. С. 165 – 168. С. 165.

²¹⁵ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. С. 54.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ См.: Плеханов Е.А. Указ. ст. С. 166.

²¹⁸ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. С. 66.

²¹⁹ См.: Там же. С. 67.

²²⁰ См.: Плеханов Е.А. Указ. ст. С. 167.

²²¹ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. С. 40.

²²² См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С.

Активность приписывается субъекту познания как существу не отвлеченно созерцающему, но действующему, то есть именно как личности, личности творящей. «...Для истинной *организации знания*, — пишет в «Критике отвлеченных начал» Владимир Соловьев, — необходима *организация действительности*. А это уже есть задача не познания, как мысли воспринимающей, а мысли созидающей, или творчества». 223

Личность, по мысли русского философа, и означает этот творческий порыв, постоянное движение за всякие пределы. Она такая ипостась человека, которая организует и направляет трансцендентальное к трансцендентному, приводит их к тождеству.

При этом личность рассматривается не только как условие достижения истины, а, главным образом, как то, что находится в зависимости от истины. «Человеческое s, — развивает этот тезис Соловьев, — безусловно в возможности и ничтожно в действительности», и «бесконечное стремление человеческого s» к достижению безусловного содержания, всей полноты бытия можно достигнуть сначала только в сознании, то есть человек «должен coshamb его как идею в ceshamb прежде, чем «noshamb его как действительность she ceshamb».

Важно отметить, что, по Соловьеву, осуществление этой бесконечности, или приведение совершенства в действительность обусловлено взаимодействием со всем и со всеми, личность не может и не должна быть отделена от других. Обособленность пагубна для личности, поскольку лишает ее и совершенства и бесконечности. 225

И мистические способности человека, без которых невозможен выход к истине, обусловлены, как считает небезосновательно автор, во многом развитием рода. Собственно к такому выводу приходит Соловьев в работе

^{285.}

²²³ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. С. 743.

²²⁴ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. С. 26 - 27.

²²⁵ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С.285.

«Смысл любви». Владимир Сергеевич пишет об этом так: «Вся истина — положительное единство всего — изначала заложена в живом сознании человека и постепенно осуществляется в жизни человечества с сознательною преемственностью (ибо истина, не помнящая родства, не есть истина)». Внутренний индивидуальный характер (или идея) как некое существенное значение (или содержание) личности находится в необходимом отношении с другими идеями в неком их объединяющем центре — самой общей и широкой идее, «покрывающей» собой все остальные — идее безусловного блага или любви. 227

Человек (субъект познания) и род здесь неразделимы, что собственно и позволяет считать теорию познания Соловьева теорией *научного познания*, осуществляемого от имени всех и для всех. «Внутренний свободный синтез», «общий синтез трех степеней знания» (имеется в виду тезис о необходимости слияния трех аспектов знания — эмпирического, рационального и мистического) являются, как утверждает русский философ, основой достижения «вселенского синтеза общечеловеческой жизни». ²²⁸

Русский философ ведет речь о реализации человеком своего божественного начала (или о *свободной теургии*) в эмпирической природной и социальной действительности. При этом он, конечно, сознает, что человеку еще не удалось действительно приступить к свободному творчеству, понимает, что рассуждает в категориях должного, хотя элементы указанной задачи, как он считал, уже можно обнаружить в произведениях человеческого творчества, прежде всего, эстетического. 229

 $^{^{226}}$ Соловьев В.С. Смысл любви /В.С.Соловьев. Соч. в 2 т. /Сост., общ. ред. и вступ ст. А.Ф.Лосева и А.В.Гулыги. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 493-547. С.503.

 $^{^{227}}$ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. С. 55 - 56.

²²⁸ Соловьев В.С. Кризис западной философии (против позитивистов) /В.С.Соловьев. Соч. в 2 т. /Сост., общ. ред. и вступ ст. А.Ф.Лосева и А.В.Гулыги. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 3-138. С. 194.

²²⁹ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. С. 744.

Действительность идей (то есть воплощение идеального человеческого безусловного существа), как подчеркивает мыслитель, «несомненно доказывается фактом художественного творчества», где находит выражение «внутреннее соединение совершенной индивидуальности с совершенною общностью». ²³⁰ Человек, подчеркивает Соловьев, есть «центр всеобщего сознания природы», «душа мира», и «никакие высшие роды существ на смену ему не нужны и невозможны»; эта высшая форма бытия – человечество как всеобъемлющая форма - способна «постигать и осуществлять беспредельную полноту стремиться бытия», всю бесконечному самоусовершенствованию. 231

Свободная теософия у Соловьева объединяет в себе всю полноту знания того, что можно назвать действительной целью человеческого существования, знание, достигнуть которого можно через единение внешнего, внутреннего и мистического опыта всех, а в результате достигнуть и свободы.

В соответствии с его учением, истина предельно объединяет именно такого субъекта с объектом; предельно – значит, универсально и в самой сущности, то есть она предстает единством всего, выражением единой связи многих вещей или существ, делая из них всё. Истинным, утверждает философ, можно считать то, что общее для всех вещей, что испытывается как действительность всеми, что едино и абсолютно, в чем каждый связан со всем. ²³²

Истина должна делать человека универсальным существом. И критерий истины, с позиции Соловьева, заключен в самом таком многомерном субъекте, он через истину (в истине) получает свое объективное содержание, а вместе с тем истина в нем выражает то, чем она может быть. ²³³

В соловьевском субъекте познания, таким образом, обнаруживается удивительный синтез человеческих

²³⁰ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. С. 64, 65.

²³¹ См.: Соловьев В.С. Смысл любви. С. 502 – 504.

²³² См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. С. 612, 613, 693.

²³³ См.: Там же. С. 692.

возможностей. Они вполне соотносимы с тем, что несет в себе вся полнота бытия, точнее полнота жизни. Но при этом человек познающий, от которого неотделим человек действующий, не сводится ни к одному из своих качеств и возможностей, как не сводится полнота бытия к каким-либо его формам и даже к их сумме. Обретая себя и свое в познании, человек одновременно открывает всё, но не только для себя, но и для всех и для всего.

Последователи Соловьева еще более радикально стали решать эту проблему. Например, С.Л.Франк напрямую проводя принцип онтологизма в своей гносеологии, пытается обосновать неразрывность субъекта и объекта. Для него «субъект и объект соединены живой связью в единстве самосознающегося бытия, как живого знания или мыслящего переживания».

Таким образом, Соловьев вроде бы и не вычленяет, как это принято в классической гносеологии, собственно субъекта познания. Для него не являются руководяще-предписывающими классические (декартовско-кантовские) представления об оппозиции в познавательном процессе субъекта и объекта. Нельзя его отнести и к последователям гегельянско-шеллингианского отождествления субъекта и объекта. Влияние этих традиций тем не менее можно обнаружить в концепции Соловьева.

Здесь уместно привести весьма образное замечание А.П.Козырева о построениях русского философа: «С изящным, подчас и легкомысленным упорством Соловьев ситнезировал, сопрягал, соединял разные учения в своей "вселенской теории", предавался философской алхимии». 235 Но эта «алхимия» дала, как представляется, неожиданный и глубокий результат. Соловьев исходил из идеального проекта познания, из проекта, который создавался в рамках мировой философской мысли. Субъект познания у Соловьева, очерченный в самых существенных характеристиках, не кто иной, как представитель

²³⁴ Франк С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлечённого знания //Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека /Сост., вступ. ст., комм. И.И.Евлампиева. СПб.: Наука, 1995. С. 35–416. С. 355.

²³⁵ См.: Козырев А.П. Указ. ст. С. 27.

сообщества, называемого научным. Образ его выступает во всей определенности. Эта определенность обусловлена всем комплексом внутреннего (родовых свойств человека) и внешнего (социальной включенности) планов познавательного процесса, который предстает непрерывно открывающейся перспективой для творчества, где созидаются общечеловеческие смыслы.

2.4. Субъект познания как проблема в эволюционной эпистемологии: тенденции антропологизации модели научного познания

Одним из перспективных современных подходов в осмыслении проблемы субъекта в ее связи с проблемой построения оптимальной модели научного познания выступает эволюционная эпистемология. Эту «школу» называют также биоэпистемологией, или эволюционной теорией познания. Понятие «эволюционная эпистемология», вводится в научнофилософский обиход в 1974 г., а утверждение самой исследовательской программы (или модели анализа познания в его развитии) можно считать состоявшимся в 80-е годы XX в. разработке Активное vчастие В эволюционноэпистемологических идей принимают представители различных отраслей естествознания и, конечно же, философы. Новая исследовательская программа обеспечила построение множества вариантов интерпретации процесса познания и его результатов на основе идеи эволюции. Как отмечают сами представители школы, их духовными предшественниками были Р.Декарт, Г.В.Лейбниц, И.Кант, У.Джеймс, Э.Мах, и даже А.Бергсон.

Эволюционно-эпистемологическая программа предстает, как отмечает Л.А.Микешина, системой, «открывшей многие новые сферы и особенности предметно-деятельностных механизмов в познании» и показывающей, что «человек принадлежит природному миру и должен рассматриваться наряду с другими его составляющими», системой, стремящейся «преодолеть традиционную предельно абстрактную... концепцию познания».

²³⁶ См.: Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с. С. 39, 40.

Для сторонников эволюционно-эпистемологического идея направления ЭВОЛЮЦИИ выступает объяснительным принципом в построении всех аспектов теории познания, а также и ключевого концепта – познающего субъекта. Эволюция отождествляется развитием человека как вида его познавательных способностей и ростом производимых им знаний о мире. Более того, все живое рассматривается как видовое разнообразие именно когнитивных приспособительных практик, а также тенденций их изменения. Признается соотносительность факторов внешнего воздействия и изменений организме познавательном инструменте. Субъект как мыслится живым инструментом познания.

Познавательная активность человека с позиций эволюционно-эпистемологической платформы предстает как многонаправленный способ выживания человеческого рода. Тем самым познание во всех его проявлениях (включая и научное) получает широкую антропологическую интерпретацию. В этом ключе обосновывается не просто идея роста познавательного потенциала человека, а идея естественной активности человека в познании, обусловливающей все другие формы его активности и перспективы существования. Все это делает рассматриваемую платформу одним из вариантов обоснования научного познания как познания от лица человеческого рода.

Программа эволюционной теории познания заметно отличается не только от классической гносеологии, но и от большинства эпистемологических программ. Однако она имеет и связи с некоторыми фундаментальными традициями.

Это относится, например, к теории отражения, хотя как объяснительная конструкция она была существенно ограничена. Именно так можно трактовать важнейшую идею основателя биоэпистемологии К.Лоренца: за всеми восприятиями мира лежит некое соответствие их реальности, существующей вне нас. ²³⁷ Он исходил из того, что познавательные способности человека имеют естественное происхождение и реальны в той

²³⁷ См.: Лоренц К. Эволюция и априори //Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 1994. № 5. С. 11 – 17. С. 11.

же степени, в какой реален сам внешний мир. ²³⁸ Здесь вполне очевидна реалистская ориентация эволюционно-эпистемологического направления, которую, в свою очередь, можно считать идейным «спутником» проекта научного познания (Подробнее о реализме пойдет речь в главе III).

Еще более определенно мысль о соотносительности двух сторон познания высказал немецкий представитель школы Г.Фоллмер: «Субъективные и объективные структуры соответствуют друг другу таким образом, что только совместно и делают возможным познание». ²³⁹ И более того, такое согласование и обеспечивает выживание человека. ²⁴⁰

Тем самым подчеркивается ключевая роль не неких отражательных процедур (видимо, в определенной мере имеющих место быть), а взаимосогласования природной среды и познающего ее человека. Человек не столько отражает, сколько выражает степень своих природных и социальных способностей по построению собственной жизненной ниши (мира).

В модели К.Лоренца можно выделить особо положение о присущей человеку *уверенности в соответствии* его познавательных способностей внешнему миру. Главная идея австрийского этолога — идея эволюционно сформированного у человека доверия собственным органам чувств, или врожденного умения отделять свои внутренние состояния от образа внешнего мира.²⁴¹

_

²³⁸ Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. /Пер. с нем. А.И.Федорова, Г.Ф.Швейника. М.: Республика, 1998. 393 с. С. 260.

²³⁹ См.: Фоллмер Г. Мезокосмос и объективное познание //Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 1994. № 6. С. 35-55. С. 36.

²⁴⁰ Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. Пер. с нем. М.: Русский Двор, 1998. 165 с. С.131.

 $^{^{241}}$ Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. Опыт естественной истории человеческого познания. М.: Республика, 1998. 493 с. С. 251.

Продолжая эту общую для эволюционной эпистемологии мысль, американский представитель школы Кай Хахлвег (Каі Hahlweg) определяет познание как обретение человеком состояния устойчивости в отношениях с миром. Он пишет: восприятия ясно обнаруживает «Уже механизм устойчивости существенно необходимость создания неустойчивом мире», а далее уточняет, что устойчивость не является чем-то данным, «ее приходится конструировать». 242 Познание в понимании этого автора предстает уже процессом взаимодействия с миром, а в историческом развитии возрастающей способностью управления взаимодействиями с миром. 243

Рассуждая в логике собственно эволюционизма, представители рассматриваемой платформы признают общий прогресс познания и познавательных способностей человека, признают важнейшим фактором этого прогресса естественный отбор, но без какого бы то ни было заранее заданного, а тем более окончательного, результата.

Так, Г.Фоллмер прямо заявляет, что рассматривает результатом эволюции, то есть приспособления к внешней среде, не только органы чувств, но и сами функции восприятия и познания. 244 Он подчеркивает, что любое приспособление организмов к окружению «не бывает идеальным», но «не может быть также и плохим». Это относится и к познанию, а в фоллмеровской концепции – к достижению субъективных познавательных структур объективными C структурами. Соответствие ≪должно быть адекватным выживанию», изоморфия но «полная не нужна невозможна».

.

²⁴² См.: Хахлвег Кай. Системный подход к эволюции и эволюционной эпистемологии //Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М.: «Логос», 1996. 400 с. С. 179-198. С. 187.

²⁴³ См.: Там же. С. 189.

 $^{^{244}}$ См.: Фоллмер Г. Мезокосмос и объективное познание. С. 42.

²⁴⁵ См.: Там же. С. 42, 43-44.

Сходным образом рассуждает и Кай Хахлвег, который, в свою очередь, строит свою версию эволюционной эпистемологии на базе учения К.Х.Уоддингтона — известного английского эмбриолога и генетика. К.Уоддингтон установил на основе обстоятельных исследований, что окружающая среда как бы сотрудничает с генотипом и определяет специфику фенотипа. В 1940 г. он ввел понятие креода как структурноустойчивого пути развития живых систем; в 50-е годы изучал специфические механизмы так называемого стабилизирующего отбора.

Опираясь на данные идеи, Кай Хахлвег очень осторожно пользуется понятием прогресс, считая некорректным его применение в неантропологическом смысле, то есть за пределами развития собственно рода Homo sapiens. ²⁴⁶ По его мнению, говорить стоит о прогрессе физиологических, анатомических и поведенческих возможностей индивидов, но из этого еще не следует, что данный вид обладает большей выживаемостью по сравнению с другими. «...Если мы хотим понять познавательный прогресс, — пишет Кай Хахлвег, — мы также должны принять во внимание род окружающей среды, благоприятствующей познавательным возможностям». ²⁴⁷ Таким образом, нужно учитывать, что окружающий мир сам активно участвует в отборе релевантных характеристик вида, включая характеристики познавательной активности.

Человек в этом плане превосходит все другие виды тем, что формирует особо организованную сферу познания – науку, и ее прогресс, по определению Кая Хахлвега, есть «совершенствование когнитивной компетенции вида Homo sapiens», а точнее его способности управлять своими взаимодействиями с миром. 248

Сходным образом рассуждает и австрийский представитель биоэпистемологии профессор Эрхард Эзер (E.Oeser), который называет науку механизмом выживания

²⁴⁶ См.: Хахлвег Кай. Указ соч. С. 178, 180, 181.

²⁴⁷ Хахлвег Кай. Указ соч. С. 181.

²⁴⁸ Там же. С. 180, 189.

второго порядка, опирающимся на выработанные эволюцией реактивные схемы и обеспечивающим виду более успешную деятельность. 249

Определенной спецификой обладают в данном отношении взгляды К.Поппера – одного из самых ярких последователей эволюционного подхода в философии познания. В ранних своих работах он, как известно, уже использовал дарвиновскую идею отбора применительно к описанию и объяснению роста объяснительный научного знания. Позже потенциал эволюционной теории он расширил, применяя его познавательной деятельности в целом. Познание он стал рассматривать способность организма как адаптироваться во внешнем мире, способность испробовать мир для выживания, искать в нем лучшего способа жизни. 250

Из концепции Поппера, надо заметить, индивидуальность субъекта не выводится, она остается *как бы* за скобками. Тем более, его принято считать автором весьма экстравагантной концепции «третьего мира», или концепции знания без субъекта. Это, однако, не стало для Поппера препятствием к построению модели особой инстанции, определяющей познание, – человека познающего, или субъекта.

Допуская, как и все биоэпистемологи, предрасположенность познавательных структур человека к структурам объективного мира, К.Поппер тем не менее не считал ее гарантией получения достоверного знания. Поэтому он и предлагал заменить понятие истины понятием правдоподобности. 252

_

 $^{^{249}}$ См.: Эзер Э. Динамика теорий и фазовые переходы //Вопросы философии. 1995. № 10. С. 37-44. С. 41.

²⁵⁰ См.: Поппер К. Теоретико-познавательная позиция эволюционной теории познания. С. 23.

²⁵¹ Подробнее см.: Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с. С. 108-152.

²⁵² См.: Поппер К.Р. Объективное знание. С. 58-66, 104-105, 142-143 и др.

Так, восприятия Поппер рассматривает как такие тропинки знания, которые могут приводить и к заблуждениям, поскольку они не являются «фотографиями», а определяются интерпретациями субъекта в соответствии с его целями и интересами. ²⁵³ Для него познавательная деятельность предстает движением в поле предположений, которые субъект постоянно пытается столкнуть с действительностью, «затем улучшить их, сделать их ближе к действительности». ²⁵⁴

Признавая процесс приобретения знаний неким природным (биологическим) процессом, Поппер подчеркивает принципиальное отличие между тем, как это происходит на уровне простейших организмов и на уровне человека. «...Различие между Эйнштейном и амебой (...) заключается в том, что Эйнштейн сознательно стремится к устранению ошибок. ... Амеба же не может критиковать свои ожидания или гипотезы... (Критике доступно только объективное знание...)». 255

Для него познавательная деятельность предстает движением в поле предположений, гипотетических суждений, которые субъект постоянно пытается столкнуть с действительностью, «затем улучшить их, сделать их ближе к лействительности». 256

Здесь обнаруживается удивительная перекличка попперовской модели с позицией Соловьева, который считал чувственные данные недостаточным знанием. Чувственное восприятие, указывал он, не может «схватить никакого действительного предмета». 257 Причем то же самое он говорил и

²⁵³ Поппер К. Теоретико-познавательная позиция эволюционной теории познания. С. 22.

²⁵⁴ См.: Там же. С. 24 – 25.

²⁵⁵ Поппер К.Р. Объективное знание. С. 34.

²⁵⁶ Поппер К. Теоретико-познавательная позиция эволюционной теории познания. С. 24-25.

²⁵⁷ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал /В.С.Соловьев. Соч. в 2-х т. /Сост., общ. ред. и вступ ст. А.Ф.Лосева и А.В.Гулыги. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 581-756. С. 726-727.

о логическом познании. Во всяком действительном познании, по мысли Соловьева, мы имеем нечто большее, чем только ощущение или понятие. 258

В модели К.Лоренца, в свою очередь, можно выделить особо положение о присущей человеку уверенности соответствии его познавательных способностей внешнему миру. Главная идея австрийского этолога – идея эволюционно сформированного у человека доверия собственным органам чувств, или врожденного умения отделять свои внутренние состояния от образа внешнего мира. 259

Для Поппера познавательная деятельность предстает движением в поле предположений, которые субъект постоянно пытается столкнуть с действительностью, «затем улучшить их, сделать их ближе к действительности». 260

таком же ключе рассуждает и австрийский представитель биоэпистемологии профессор Эрхард Эзер, который называет науку механизмом выживания второго порядка, опирающимся на выработанные реактивные схемы и обеспечивающим виду более успешную деятельность. 261

Наиболее разработанной концепцией эволюции научного знания в рамках рассматриваемого блока эволюционноэпистемологических идей является, безусловно, концепция К.Поппера. Его схема привлекла к себе самой пристальное внимание, получив и должное признание и достаточную порцию критики. Известная формула Поппера

$$P_1 \to TT \to EE \to P_2$$
,

которой автор предлагает рассматривать утверждение научных теорий как результат их отбора в ходе устранения

²⁵⁸ См.: Там же. С. 717-718.

²⁵⁹ Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. С. 251.
260 Поппер К. Теоретико-познавательная позиция эволюционной теории познания. С. 24-25.

Эзер Э. Динамика теорий и фазовые переходы //Вопросы философии. 1995. № 10. С. 37 – 44. С. 41.

ошибок. 262 Если логически продолжить мысль Поппера, то рост научного знания предполагает участие субъекта как некой обезличенной критической инстанции. Однако, и это важно отметить, в функции критики концентрированно и выражается человеческая способность к рефлексии. «Обезличенность» попперовского субъекта есть оборотная сторона необходимой рефлексивности субъекта научного познания, который контролирует собственные познавательные действия.

Отдельно следует остановиться на осмыслении эволюционными эпистемологами проблемы априорного знания.

К.Поппер говорит о жизненной необходимости априорного знания и дает его характеристику в духе своей концепции. Всем теориям познания Поппер категорично противопоставляет тезис: «Все знание по своему содержанию априорно, собственно априорно генетически». В этом плане он даже критикует дарвиновские идеи естественного отбора и борьбы за существование.

Приспособление для него и есть форма априорного знания. Раз жизнь существует, значит, в нее должно быть встроено знание. «...В жизнь, — пишет К.Поппер, — с самого начала должно быть встроено предвосхищение условий окружающей среды на довольно длительное время», и, конечно, «условия окружающей среды должны быть относительно стабильными». Здесь надо отметить, что К.Поппер, по сути, отождествляет природную эволюцию и совершенствование познавательной деятельности.

Наличие априорного знания признавали и К.Лоренц, и Г.Фоллмер и другие биоэпистемологи. Так, К.Лоренц говорит о феномене гештальт-восприятия как образа-конструкции,

•

²⁶² Поппер К. Эволюционная эпистемология //Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. /Сост. Д. Г. Лахути, В.Н.Садовского и В. К. Финна; пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 464 с. С. 58.

²⁶³ См.: Там же. С. 18.

 $^{^{264}}$ Поппер К. Теоретико-познавательная позиция эволюционной теории познания. С. 20.

параметры которого задаются исходными особенностями центральной нервной системы, а также об априорности определенных мыслительных операций, а все вместе они, по выражению ученого, «несут в себе печать истории и произошли под воздействием отбора».

При этом не все представители биоэпистемологической школы единодушны в интерпретации того, что есть само по себе априорное знание и, соответственно, насколько в этом плане обнаруживается реминисценция идей И.Канта. Но, во всяком случае, человек от рождения не рассматривается представителями этой школы как tabula rasa, заключая в себе изначально некий интеллектуальный потенциал, некое начальное знание. 266

 Γ . Фоллмер подчеркивает важную конструктивную роль субъекта в познании, определяемую изначально заданными познавательными структурами. Он признает априорное знание, но не совсем в кантовском смысле. Именно а priori, с точки зрения Фоллмера, лежит в основе того, что мы *надеемся* приблизиться к вещи-в-себе. 267

Такая установка передается генетически и не зависит от любого индивидуального опыта. Но в целом, как справедливо подчеркивают специалисты, фоллмеровское априорное знание состоятельно только в пределах так называемого мезокосмоса, ²⁶⁸ то есть в пределах мира, соразмерного параметрам человеческой телесности и возможностям непосредственного естественного (обыденно-практического) бытия человека.

К.Поппер утверждает, что «всеобщее знание наличествует раньше, чем текущее, особенное знание»; это всеобщее знание предстает у него как знание законов природы, которое, однако,

²⁶⁵ См.: Лоренц К. Эволюция и априори. С. 16-17.

²⁶⁶ К.Поппер однозначно говорил, что «теория tabula rasa» абсурдна. См.: Поппер К.Р. Объективное знание. С. 75.

 $^{^{267}}$ Фоллмер Г. Мезокосмос и объективное познание. С. 44-45.

 $^{^{268}}$ См.: Круглов А.Н. О происхождении априорных представлений у И.Канта //Вопросы философии. 1998. № 10. С. 126-132. С. 129.

не самодостоверно, не осознано. ²⁶⁹ Такое знание носит, согласно его представлениям, характер предугадывания, ожидания, предвосхищения, предположения. Оно, в общем-то, по природе своей бессознательно и безусловно, а значит выступает неким аналогом веры.

Нельзя не признать эвристический потенциал модели эволюционной эпистемологии в отношении человеческого чувственного познания. Сложнее обстоит дело с возможностями данной модели в отношении познания научного. Ведь адаптированность познавательных способностей человека к соразмерным с ним внешним явлениям еще не гарантирует аналогичной адаптированности к тому, что есть «большой мир» (Вселенная, Космическое целое, Мироздание), а также и несопоставимый с ним «малый мир» (необозримый и невидимый мир так называемых элементарных частиц).

Признание неклассической наукой различий в физическом устройстве «трех миров» (микро, макро и мега размеров) серьезной трудностью для предстает эволюционноэпистемологической модели субъекта. Последний в логике такого подхода должен признаваться Верховным Творцом, изначально замыслившим разномасштабные вещи и процессы и признать ними извне. Или следует наблюдающим 3a субъекта пределами несостоятельность познания за мезокосмоса.

Еще более загадочным становится то обстоятельство, что человек всегда выходит за пределы непосредственного чувственного опыта, конструируя различного рода универсалии. Очевидная *избыточность* человеческих познавательных способностей также не вполне укладывается в объяснительные рамки биоэпистемологии.

Научное познание рассматривается как некая качественно более высокая ступень приспособительных способностей вида Homo sapiens в форме познавательной деятельности. Но ни в одной из концепций эволюционной эпистемологии не дается

130

_

²⁶⁹ Поппер К. Теоретико-познавательная позиция эволюционной теории познания. С. 20, 24.

удовлетворительного объяснения различиям этих способностей на уровне индивида и на уровне сообщества. Хотя в целом и признается действие разных механизмов на этих уровнях.

Если можно согласиться с тезисом о соответствии субъективных познания структур внешним природным условиям, то встает вопрос: как быть с изменениями науки? парадигмальных структур Как объяснить негарантированную многонаправленность, истинность коллективного познания? Означает ли это, что коллективные выступают структуры познания менее адаптивными? Постановка данных вопросов вытекает из общей логики самой эволюционной теории познания.

отечественных представителей Среди эволюционнонаправления эпистемологического следует отметить И.П.Меркулова, который разрабатывал проблемы взаимосвязи культурной эволюции генетической И человеческих структур.²⁷⁰ Благодаря познавательных человеческой когнитивной эволюции, по его утверждению, возникли «новые социальные факторы естественного отбора», а с другой *«культурная* стороны, эволюция оказывает сильное селекционное давление на биологическую (когнитивную) эволюцию человеческих популяций». ²⁷¹ Человек мыслится здесь как существо, не просто сочетающее в познавательной деятельности природные и социокультурные (надприродные) черты, но определяющее в силу этого ход глобальной эволюции.

рассматриваемого представители целом все направления наделяют познающего человека преимущественно родовыми, а не индивидуальными характеристиками. Но нельзя одновременно отметить продуктивность не биоэпистемологической программы вообще, поскольку она позволяет видеть в познающем субъекте активное начало,

 $^{^{270}}$ См.: Меркулов И.П. Эволюционирует ли человеческое сознание? //Философия науки. Вып. 12. М.: ИФРАН, 2006. С. 45 – 69.; Меркулов И.П. Эволюционная эпистемология: история и современные подходы //Эволюция, культура, познание. М.: ИФРАН, 1996. 167 с. С. 6-21.

нацеленное на поиск новых возможностей взаимодействия с миром.

Человек признается наиболее эффективным вариантом развития познавательного поведения в природе. Причем речь идет о человеке и в индивидуальном и видовом выражении. В последнем случае имеется в виду главным образом научное познание и знание. Развитие научной деятельности рассматривается как эволюция коллективных форм познания в контексте вселенского эволюционного процесса.

пелом необходимо отметить высокую идейную продуктивность Эволюционная данной программы. эпистемология, выражая собой тенденцию к антропологизации современной эпистемологии, может считаться своеобразным фокусом проблем, имеющим отношение к различным областям (онтологии, философии философского знания познания, философии и методологии науки и др.).

Данная эпистемологическая платформа воплощает собой также и систематически возрождающуюся тенденцию к построению «подлинно» научной философии. Во всяком случае, здесь представлена попытка единения естествознания и философии через идею эволюционизма, соединенную, и в этом состоит особая заслуга эволюционно-эпистемологической школы, с принципом человекоразмерности.

ГЛАВА III

ПРОЕКТ И ПРАКТИКА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

3.1. Генезис эпистемологического реализма и принципы научного познания

Для научного познания, как и для всякой исторически сложившейся практики, необходимостью является непрерывное самоопределение собственной В границах ниши. обусловлено своеобразной конкуренцией между разными областями творческой деятельности, рамках В которых осуществляется непрерывный выход в «новое», что часто является специфической экспансией на другие области.

Особенно важным это становится для научной практики в ситуациях парадигмальной неустойчивости, **VCЛОВИЯХ** «кризиса оснований». В поддержку ее состоятельности и легитимности выступают сопутствующие ее «твердому ядру» научным принципам - идейные компоненты, которые, в свою очередь, можно рассматривать в качестве ее «защитного пояса». данном отношении использование известной модели И.Лакатоса с устоявшимися понятиями твердого ядра и защитного пояса гипотез, вполне оправдано. И.Лакатос, как известно, определял твердое ядро как некоторый несгораемый комплекс неопровержимых положений, принятых по решению сторонников программы и обусловливающих ее сохранение. ²⁷² Более того, сам Лакатос рассматривал всю науку как большую научно-исследовательскую программу. ²⁷³

К числу таких идейных коннотатов научнопринципа познавательных принципов, а в особенности объективности, следует относить особую линию развития философской мысли эпистемологический реализм, позволивший по существу и прямо поставить ключевые вопросы, и прежде всего, вопрос о том, на что, собственно, направлено познание и что должно и может быть его результатом?

Реалистские установки были вплетены в ключевые философские тренды. Имеются в виду такие из них, как (корреспондентская) классическая концепция мировоззренческий универсализм, субъект-объектная модель объективизм, детерминизм, познания. рационализм, гносеологический оптимизм, и наконец, идея прогресса научного познания. Реализм, будучи весьма широким течением (его условно можно назвать «большой реализм»), выражал себя в самых разных версиях различных философских эпох, вызывая вокруг себя споры и формирование альтернативных позиций, комплекс которых получил название антиреализма. Разногласия данных дискуссий участников В основном онтологических проблем, а точнее, того, насколько понятие онтологический, реальность имеет не только эпистемологический смысл.

Идея реальности стала фокусной точкой в осмыслении эпистемологических проблем, позволив осмыслить познание комплексно. И для научного познания с его выше отмеченной рефлексивностью концепт реальности не мог не стать регулятивным. Представления о реальности как искомом плане познаваемого бытия, где достигается сущностная ясность,

²⁷³ См.: Там же. С. 78.

²⁷² См.: Лакатос И. Фальсификация и методология научноисследовательских программ. М.: "Медиум", 1995. 236 с. С. 79, 83.

определили саму возможность для научного познания и знания выполнять уже означенную функцию объяснения.

Понятие реальности мыслилось неким эквивалентом искомого, означая то, что существует само по себе и противоположно вымышленному, фиктивному, а также и несущественному и случайному. По крайней мере, объект познания понимался как аспект реальности, включенный в ее порядок и именно в этом плане поддающийся объяснению. Реальность — это представление о необходимой степени определенности познаваемого объекта (в предельном случае — Мира в целом). Имеется в виду определенность, которая и воплощает в себе должное объяснение, то есть не допускающее многозначности, таинственности, исключенности из порядка. Концепт реальности выражал собой тот предел, с которым в целом соотносились объяснительные обязательства науки.

Истоки проблемы можно усмотреть еще в построениях Парменида, в его идее тождества бытия и мышления. Он провозглашает единство мысли (разума) и неизменного целостного бытия в истине (это все есть Одно). В истории философии весьма многообразно предстали попытки высветить в мысли то, что незыблемо и подлинно, и таким образом, снять обманчивую пелену преходящего, или чувственно данного. Именно Парменид пытался разграничить реальность и видимость, а также соответственно знание (истину) и мнение. Такой вариант онтологизации знания стал своеобразным «нулевым уровнем», с которого «стартует» реалистическая традиция.

От Парменида возможны были несколько основных линий становления моделей познавательной деятельности, где обосновывалось даже не столько то, как познавать, а именно то, на *что* собственно *должны* быть направлены познавательные действия.

Следующим шагом в генезисе идеи реальности можно считать учение Платона. Реальность в его трактовке — это в целом то, что не может быть постигнуто чувственно, а лишь умом. Платонова реальность, или мир идей, — это, в первую

очередь, предельное совершенство; у него реальность и совершенство совпадают, обладая при этом и вневременным характером. Занебесный мир идей — это бытие знания (исчерпывающего и совершенного) самого по себе, к которому человеческой душе необходимо открыть пути, обнаружить предрасположенность к нему. Истинное знание, по Платону, должно соответствовать своей идее, своему понятию. Позже, как известно, Г.В.Лейбниц, хотя и в несколько ином плане, также говорил о существовании «предустановленной гармонии» между реальным явлением и понятием.

По словам Канта, Платон «видел, что ни один предмет, который может быть дан опытом, никогда не сможет совпасть с этими знаниями, и тем не менее они обладают реальностью и вовсе не есть химеры». 274 То есть, по Платону, идея есть идеал предельное совершенство, который может быть доступен только разуму, он не имеет предпосылок в вещах, в предметах опыта. Но вещи соотносимы с ним. Кант справедливо отмечает, что Платон возвысился «от четкого наблюдения физического в миропорядке к архитектонической связи его согласно целям, т.е. идеям». 275 В сконструированной Платоном ноуменальной реальности можно обнаружить предпосылки попперианского концепта «третьего мира», а в общем-то и представлений о своеобразном мире научных истин, если принять постулат о возможности вхождения в него коллективными усилиями. Во всяком случае, варианты проекта научного познания стали ничем иным, как способами обоснования возможности с помощью рефлексивно и коллективно регулируемых действий возвыситься до идеала познания.

Платон, как справедливо отметил Б.Рассел, делает весьма важный шаг в истории философии – он «подчеркивает проблему универсалий, сохраняющую в разных формах свое значение

274 Кант И. Критика чистого разума /Пер. с нем. Н.Лосского. М.:

Мысль, 1994. 591 с. С.226. ²⁷⁵ Там же. С. 228.

вплоть до настоящего времени». ²⁷⁶ Античный мыслитель, по сути, открывает традицию спора об универсалиях. Ставя проблему соответствия единого и множественного, взаимосообразности умопостигаемого и чувственного, Платон обосновывает необходимость поиска того, что обеспечит единодушие в познавательных действиях и их результатах. Именно это и становится некой сверх-идеей для последующих построений модели (проекта) научного познания.

Здесь выражен также классический подход в отношении проблемы истины, обоснованный на поле объективного идеализма. Как справедливо подчеркнул И.Т.Касавин, элеаты, атомисты и Платон истолковывали знание в корреспондентском подходе, что являлось, по сути, продолжением верований: подобное порождается подобным, знание — это образ скрытой реальности (сейчас эта позиция сохраняется в так называемых реалистических эпистемологиях). Проблема истины — это, с позиции Платона и его последователей, проблема способности души возвышаться до уровня ненаблюдаемого, за пределы чувственности.

Аристотель также обосновывает идею общности знания, то есть знания, не зависящего от индивидуальных особенностей, или знания-предела. Реальность его, однако, перемещается в сферу единичных вещей. Сущность в аристотелевской интерпретации — это уже не Идея, а реальность, в которой бытие и становление, материя и форма едины, и которая имеет причины в самой себе, а главное, — она обладает устойчивой целевой заданностью. Платоновские и аристотелевские идеи стали истоками весьма широкой линии реализма в классической европейской философии.

Сама по себе проблема реальности получила специальную разработку в средневековой схоластической философии. Спор об универсалиях определил многие тенденции

²⁷⁶ Рассел Б. История западной философии. В 2-х т. М.: «Миф», 1993. Т. 1. 509 с. С. 147.

 $^{^{277}}$ См.: Обсуждаем статью «Знание» //Эпистемология и философия науки». 2006. Т. VII. № 1. С. 131-141. С. 138.

интеллектуальной жизни того времени. Реализм Фомы Аквинского, как считается, стал продолжением аристотелевской позиции, хотя в целом томизм был подгонкой аристотелизма под религиозную догму. ²⁷⁸ Номинализм, который в целом не следует считать непосредственным идейным истоком проекта *научного познания*, в оппозиции к средневековому реализму всетаки способствовал дальнейшему усилению обоснованности реалистской платформы.

Схоластические споры о реальности послужили стимулом к радикальной проблематизации гносеологической мысли и, как следствие, — к активным поискам новых парадигм познания. Интересно, что антипод реализма — номинализм — не стал, как показала история науки, значимым истоком таких поисков. Номиналистские установки не могли сами по себе ориентировать на раскрытие природных тайн. Однако, важно отметить, что номиналистское признание первопричинности вещей по отношению к идеям (мыслительным образам) несет в себе важный посыл объективности, хотя и не всегда явный.

Реалистская линия как основание научного познания новоевропейском рационализме Декарта, складывается В Для последних была характерна Спинозы, Лейбница. онтологизация продуктов абстрактной мыслительной деятельности, что имело определенное сходство с реализмом средневековым. Реальность предстала ИΧ подачи идеализированной (математизированной) сферой бытия, в которой организованы механические взаимодействия неких концентраций масс – материальных точек.

В этот период идея реальности по сравнению с ее схоластическим вариантом серьезно трансформируется – происходит переход от «res» (вещи) к «realitas» (реальности), т.е. вещь теряет свой прежний статус, становясь лишь

²⁷⁸ На это указывает в частности А.Койре. См.: Койре А. Аристотелизм и платонизм в средневековой философии //Койре А. Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий). Пер. с фр. /Общ. ред. и предисл. А.П.Юшкевича. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 51-73. С. 62 – 65.

«фрагментом, помещенным в геометризированное пространство». Волее того, «знаменитый спор рационалистов и сенсуалистов только тогда и мог возникнуть, когда в центре внимания философов оказались не вещи, а именно реальность». 280

Существенный вклад в осмысление данной проблемы внес И.Кант. Кантовский мир вещей есть самоопределяющаяся реальность, границы которой не совпадают с возможностями их познания человеком. Эта реальность есть нечто внеположенное человеческим действиям, включая познавательные, представая для человека в двух ипостасях — феноменов (чувственно данных явлений) и ноуменов (умопостигаемых причин явлений). Это соответствовало, по мысли философа, специфике познавательных способностей-структур человека. 281

Установки кантовского критического рационализма, предписывающие различать наши суждения о вещах и сами вещи, можно считать предпосылками современных форм реализма. Можно признать, что «благодаря Канту реализм стали воспринимать как представление о том, что в нашем опыте мы воспринимаем предметы, существование и природа которых не зависит от нашего восприятия».

Именно Кант обосновывает в качестве нормы философской мысли и особую оппозицию – реализм/идеализм. В целом в философии XIX и даже начала XX вв. данная оппозиция не была общепринятой. Так, В.Вундт в известной книге «Введение в философию» в 1901 г. в качестве альтернативы реалистическим установкам называет не

7.

²⁷⁹ Пржиленский В.И. Онтологические предпосылки познания социальной реальности. Ставрополь: Изд-во Сев-КавГТУ, 1998. 200 с. С. 42.

²⁸⁰ Пржиленский В.И. Генезис понятия реальности в новоевропейской философии //Научный альманах «Теодицея». № 3. 2012. С. 63 – 68. С. 66.

²⁸¹ Кант И. Критика чистого разума. С. 307-308.

²⁸² Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. 310 с. С. 9-10.

идеализм, не материализм и не дуализм, а фантастические установки, то есть выводит в качестве основной такую оппозицию, как «реалистичность/фантастичность». ²⁸³

Отчасти такие установки получили продолжение и в реалистских программах XX в., о которых речь пойдет ниже.

Понятие реальности в эпистемологии конца XVIII начала XIX вв. не имело содержательной четкости. Как подчеркивают специалисты, «зачастую слово "реальность" в философии той поры используется не как философское понятие, как средство апелляции к здравому смыслу. Многие философские категории вводились через понятие реальности, в то время как сама реальность определялась "остенсивно"». ²⁸⁴

Реализм и проблема реальности в XIX в. все же находились несколько в тени других течений эпистемологии и философии. Стоит, правда, отметить, что представители марбургской школы неокантианства (Г.Коген, П.Наторп) в определенной мере обращаются к проблеме реальности в связи стремлением обосновать познание как логическую конструируемость познаваемого объекта, находящуюся в неком соответствии с действительностью.

Первый позитивизм демонстрирует отказ не только от широкого и всеохватывающего проблемного поля классической метафизики, сосредоточившись на осмыслении феномена науки, но и от идеи реальности в ее общефилософском смысле. Основатели и последователи первого позитивизма предложили снять вопрос о возможности выхода субъекта в сферу очертив трансцендентного, компетенцию его эмпирического. Таким образом, субъект в версии позитивистов всегда имеет дело с феноменальным пластом бытия, который дан человеку непосредственно, не требует апелляций к умозрению.

²⁸³ Вундт В. Введение в философию /Под ред. АЛ. Субботина. М.: «ЧеРо», «Добросвет», 2001. 354 с. С. 323.

²⁸⁴ Пржиленский В.И. Генезис понятия реальности в новоевропейской философии. С.66.

В чем-то, казалось бы, такая модель научного познания была намечена в свое время Ф.Бэконом (образ «Дома Соломона» в «Новой Атлантиде»). И вся программа «великого восстановления наук» предполагала решительный отказ от построения знания из установок чистой мысли. Это, казалось бы, сближало позиции Ф.Бэкона и О.Конта. Однако, по сути, позитивизм выхолостил главное в бэконовской модели – устремленность науки на раскрытие природных тайн. Таковые были позитивизмом, в общем-то, «отменены», а проблема истины, по сути, снималась.

В науке, утверждает Конт, объяснение не главное. Объяснение есть метафизическая процедура. Все факты «нужно всегда стремиться свести к возможно меньшему количеству, не рассчитывая когда-либо, сообразно основному характеру положительного мышления, проникнуть в тайну их образования» (читай: не претендуя на их объяснение). Ведь объяснение, по Конту, — это поиск неких конечных причин, которые есть выдумка, фикция. Догму о конечных причинах он предлагал заменить принципом «условий существования». ²⁸⁶ Научная теория возможна, таким образом, именно и только как классификация.

Как справедливо отметил в свое время М.Планк, «для позитивизма не существует принципиальных загадок, темных вопросов; все для него пребывает в ясном дневном свете». ²⁸⁷ Все это свидетельствовало о *наивном реализме* позитивистской школы.

Понятие «реальность» и его производные прочно вошли в широкий обиход философии и социогуманитаристики в целом. Понятие реальности стало тождественным действительности, фактической конкретности, очевидности, а главным образом практической осуществимости, подлинности и вещественности

 $^{^{285}}$ Конт О. Дух позитивной философии. СПб.: Санкт-петербургское философское общество, 2001. 162 с. С. 31.

²⁸⁶ Там же. С. 52.

 $^{^{287}}$ Планк М. Позитивизм и реальный внешний мир //Вопросы философии. № 3. С. 120 - 132. С. 121.

чего бы то ни было. Утвердилось представление о реальности как однозначном и отчетливом состоянии материально-предметного мира, учитывая который человек достигает должной степени порядка в действиях и уверенности в своих силах.

Наивный реализм, по определению Б.Рассела, «отождествляет восприятия с физическими вещами; он считает, что солнце астрономов есть то, что мы видим». В свою очередь, как бы продолжая расселовскую мысль, американский философ науки Х.Патнем характеризовал наивный реализм как позицию, согласно которой возможно унифицированное (абсолютное) отношение субъекта к миру, по сути, одного единственного субъекта.

Достоинством такой позиции является, во-первых, ее безусловная совместимость с установками объективности (которые стали особо чтимыми в науке этого времени), а вовторых, — наличие в ней оптимизма в отношении познавательных возможностей человека. По словам Б.Рассела, вся физика исторически началась с наивного реализма, «то есть с веры в то, что внешние объекты являются в точности такими, какими мы их видим». В сухом же остатке наивного реализма как позиции, интуитивно все-таки принятой учеными в XIX в., обнаружилось нечто прямо противоположное ему — проблема неоднозначной данности мира (объекта) в знании. Позитивизм О.Конта во многом был выражением реализма наивного.

В позитивизме второй волны (Э.Мах, Р.Авенариус, П.Дюгем и А.Пуанкаре) указанные идеи получили еще более радикальное выражение, что привело его сторонников к

88

²⁸⁸ Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы /Пер. с англ. Киев: Ника-Центр; М.: Ин-т Общегуманитарных исследований, 2001. 560 с. С. 218.

²⁸⁹ Патнэм Х. Введение к книге «Реализм и разум» //Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия. /Сост. А.А.Печенкин. М.: «Логос», 1996. С. 209 – 220. С. 213.

²⁹⁰ Рассел Б. Человеческое познание... С. 213.

серьезному идейному тупику. Ведь здесь провозглашалась однослойность бытия, сведенного к явлениям сенситивной активности человека. Э.Мах провозглашает создание нового монизма, ²⁹¹ согласно которому между психическим и физическим нет пропасти, а точнее, они едины. ²⁹² Они предстают в качестве «нейтральных элементов опыта», или «мировых элементов», и в таком статусе подлежат познанию. Для сторонников второго позитивизма рассуждения о реальности, таким образом, утрачивают всякий смысл. Науке же была отведена функция регистратора среднестатистических восприятий – восприятий без носителя, восприятий самих по себе

Низведение реальности до обезличенного чувственного опыта (бессубъектного опыта) фактически означало позицию антиреализма. Все это, а также сворачивание онтологической проблематики до крайнего минимума привело к серьезному идейному тупику и в сфере эпистемологической и сфере творческой научной мысли.

Ответ на эти вызовы стал необходимым в начале XX в. Наука оказалась в известном теоретическом лабиринте в связи с обнаружившейся невозможностью строить картину мира исходя лишь из эмпирических данных, не выходя в сферу умозрения, в сферу чистых идей. И здесь неизбежно встал вопрос о границах самого умозрения.

Ответ на вызов был постепенно сформирован неопозитивистами, которые (по крайней мере, их часть) постепенно включают в обиход понятие реальности в противовес всему, что несло в себе субъективизм, идеализм, солипсизм. Об этом свидетельствует, например, участник Венского кружка Виктор Крафт, для которого, как он пишет, «объективная реальность удостоверяется не отдельным восприятием, а только закономерными связями», поясняя далее,

²⁹¹ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 304 с. С. 58.

²⁹² Там же. С. 59-60.

что она не абсолютизируется, не трансцендируется, а наделяется эмпирическим характером. 293

В целом, по мысли тех «венцев», которые обратились к идее реальности, метафизика не должна довлеть над первозданностью эмпирического материала, но способна обеспечить осмысленный поиск форм ее мыслительной репрезентации.

Неопозитивисты, а затем философы-аналитики пытались собственным примером (в большинстве ведь они были именно учеными-интеллектуалами) доказать способность науки быть воплощением творчества разума, быть сферой производства знаний-объяснений, а значит, знаний для всех, в интересах всех. Представления о реальности, на которые было возложено решение задачи по «спасению фактов» в их многомерности, сформировали устойчивый смысловой блок.

Становится ясно, что, как весьма точно определил М.Полани, ученые-исследователи в своих действиях неизменно «подчинены универсализму скрытой реальности, к которой стремятся приблизиться». 294 Другой целью аналитиковреалистов стало стремление выбить почву из-под ног релятивистов и скептиков, представлявших опасность для существования всемирно-исторического «предприятия» науки.

Тенденция к становлению реалистической позиции в сфере эпистемологии и философии науки (да и в сознании участников самой научно-познавательной деятельности), которую можно проследить с момента зарождения теоретического знания, выразила собой стремление сохранить в науке условия для теоретического творчества как такового.

В связи с переключением основного внимания европейских философов на проблемы науки реализм в начале

_

 $^{^{293}}$ Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма /Пер. с англ. А.Никифорова. М.: Идея-Пресс, 2003. 224 с. С. 191-194.

²⁹⁴ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии /Пер. с англ. Под ред. В. А. Лекторского и В. И. Аршинова. М.: Прогресс, 1985. 343 с. С. 316.

XX в. оказывается востребованным, возникают две его особые разновидности – неореализм и критический реализм.

Дж.Э.Мур первым обосновал платформу неореализма. В своей работе «Опровержение идеализма» (1903) он выступил за признание реальности в качестве независимой от человеческого сознания, внешней для последнего данности, а также открытости ее для человеческого познания. Новый реализм открыто стал противопоставлять себя в первую очередь идеализму.

Мур предлагает рассуждать с позиций здравого смысла, который без всяких сомнений побуждает признать разницу между ощущением и его источником, а одновременно признать равнозначность существования и материальных предметов и ощущений. «Какие у нас основания полагать, - спрашивает в конце своей программной статьи Мур, - что материальные предметы существуют, существование если не ИХ образом. засвидетельствовано точно таким же существование наших ощущений?»²⁹⁵

Позиция Мура, представленная, например, в его докладе «Доказательство внешнего мира», аналогична во многом позиции наивного реализма — для него реальность совпадает с миром вещей, с простой, несомненной и непосредственной данностью их в восприятиях, как данность собственных рук. Самый главный аргумент Мура в пользу данного тезиса — это аргумент о непротиворечивом выражении этой данности в обыденном языке, где и сосредоточен здравый смысл. 296

Специфическим движением неореализм становится в большей степени благодаря инициативе группы американских университетских преподавателей. В 1910 г. они выступили со своеобразным манифестом с характерным названием «Программа и первая платформа шести реалистов». Среди

0

 $^{^{295}}$ Мур Дж. Опровержение идеализма /Историко-философский ежегодник. М. Наука, 1987. С. 242-265. С. 265.

²⁹⁶ Мур Дж.Э. Доказательство внешнего мира //Аналитическая философия. Избранные тексты /Сост. Грязнов А. Ф. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 66-84.

авторов платформы были Р.Б.Перри, У.П.Монтегю, Э.Б.Холт, У.Т. Марвин и др. Неореалисты (европейские и американские) в целом обосновали проблему реальности как общефилософскую, представили новый подход к ее решению, предполагая тем самым опровергнуть и идеализм и дуализм.

Британский вариант неореализма стал одним из прямых источников аналитического направления. Среди сторонников его первоначально был и Б.Рассел. Так называемая доктрина внешних отношений неореализма, став противовесом неогегельянству с его логикой внутренних отношений, утвердила следующее: объект и субъект находятся в отношениях, физически не зависят друг от друга, но в опыте субъекта достигается их имманентность.

Данная доктрина позволила снять многие противоречия и преодолеть логические тупики существовавших на тот момент моделей познания (махизма, например). Важным было в тот исторический момент согласовать в моделях научного познания, с одной стороны, парадигмальные сдвиги, происходившие тогда в науке («научная революция»), с другой, — неизменные установки участников научной практики на поиск Истины. С учетом данного обстоятельства и в соответствии с позитивным образом науки, сложившимся к началу XX в., как указывает Н.С.Юлина, «неореалисты взяли курс на сциентизм». ²⁹⁷ Они и попытались придать некое органичное единство онтологической и гносеологической проблематике в построении модели научного познания.

Но модель оказалась весьма зыбкой — онтология и гносеология не имели в ней общего основания, что приходилось компенсировать дополнительными сложными допущениями. Ведь утверждения об имманентности объекта его образу в сознании субъекта никак не согласуются с утверждениями, что объект существует независимо от того, чем он выступает в сознании субъекта (от образа). Одновременно обнаружилось самое слабое звено в неореалистских эпистемологических

²⁹⁷ Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX век. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 600 с. С. 102-103.

моделях, а именно: невозможность объяснить, почему возникают ошибки в познании, в чем состоит источник заблуждений.

Зародившись почти одновременно и даже чуть раньше неореализма, реализм критический широко заявил о себе в начале 20-х годов ХХ в. Критический реализм не выступал столь категоричным способом противостояния с идеализмом, как неореализм. Сторонники этой линии направляли свои силы на одоление позиции наивного реализма и на полемику с приверженцами неореализма.

В американской философии критический реализм стал платформой. самостоятельной В 1920 году выходит своеобразный манифест – коллективный труд «Очерки критического реализма». В нем приняли участие весьма авторитетные философы – Д.Дрейк, А.О.Лавджой, Дж.Сантаяна, Р.В.Селларс и др. Объединило их общее стремление прояснить модель познавательных действий, вскрыть истоки различий, которые возникают у людей в познании одних и тех же объектов.

Критические реалисты решительно отказались от тезиса о прямой данности объекта в сознании субъекта. Подчеркивая это принципиальное расхождение с оппонентами из «партии» неореализма, Д. Дрейк во вступительной статье сборникаманифеста «Очерки критического реализма» пишет: «...существование намного шире, чем опыт. ...объекты существуют в себе и для себя независимо от нашего восприятия». 298 образом, построения критического Таким реализма в определенной мере восходят все к тому же кантовскому учению об априорных формах сознания, о двух ипостасях вещи в познавательном отношении. Но критические реалисты все же вначале оптимистически оценили возможности субъекта в постижении сущности вещи.

^

²⁹⁸ Drake D. The Approach to Critical Realism //Essays in Critical Realism: A Cooperative Study of the Problem of Knowledge. Ed. by Durant Drake. N.Y., 1920. P. 3 – 34. P. 5.

Вполне справедливо такая позиция была названа эпистемологическим (не онтологическим) дуализмом. Критические реалисты, пытаясь обосновать возможность для человека постигать сущности вещей, в своей модели познания вынуждены были ввести не два, а три члена: объекта, субъекта и некоего идеального посредника, изначально якобы присущего сознанию в виде качественных данных, сущности, ментальных состояний и т.п. 299

Обращение к категории сущности во многом определило предмет (главную тему) рассуждений сторонников критического реализма. Разработка этой проблемы, в свою очередь, привела к двум крайностям перерождения всего движения критического реализма: 1) в сторону материализма и 2) в сторону объективного идеализма. Таким образом, в 1930-е годы оно утратило целостность.

критического Логика развития реализма как эпистемологической платформы неизбежно должна была поставить под сомнение необходимость руководствоваться в построения установками поиска истины, познании объяснительных схем и получения объективного знания. В конечном итоге это не могло не привести пессимистическим выводам В отношении познаваемости внешнего мира, хотя сами критические реалисты прямо не декларировали такую позицию. Идейные тупики данного направления в качестве собственно реалистского тренда стали очевидны.

При заметных различиях двух рассмотренных линий реализма начала XX века тем не менее между ними просматривается и определенное идейное сходство: принцип независимости существования объекта от субъекта, тенденция к онтологизации общего в вещах, начальные сциентистские убеждения, признание в целом прогресса научного познания. Связывает их и стремление придать философии статус научности, утвердить равноценные с науками позиции

²⁹⁹ См. подробнее: Юлина Н.С. Философская мысль в США. С. 110-115.

философии как профессиональной дисциплинарно организованной деятельности. Не случайно, складывавшийся в первой трети XX в. неопозитивистский проект так называемой научной философии во многом находился в соответствии с установками реализма, хотя сами рассмотренные две его ветви завершили свое существование.

Сторонники реализма критического пытались подвести онтологический фундамент под эпистемологические построения, пробудить реализм от «догматического сна» путем введения кантовских критических установок. В свою очередь, неореализм, обозначил в эпистемологии иную тенденцию — тенденцию к онтологизации общего в вещах. Это стало новой проблемой для эпистемологического реализма, в связи с которой во многом начинает формироваться особая его линия — научный реализм, анализу которого посвящен третий параграф данной главы.

3.2. Эпистемологический реализм и онтологогносеологический идеал В.С.Соловьева: компаративистский анализ

В новоевропейскую эпоху, как уже отмечалось, проблемы познания стали лидировать в сфере философского творчества. Их разработка в целом осуществлялась уже вне прямой зависимости от проблем онтологии.

Эпистемологический реализм, в свою очередь, выступил способом единения онтологической и эпистемологической сторон обоснования научного познания. Все это обусловливало его связь с известными традициями античности и средневековья. Однако главным идейным истоком реализма как собственно эпистемологического тренда стала субъектобъектная модель познавательной деятельности, принятая в качестве своеобразного стандарта.

В русской философии XIX в., как показано на примере позиции А.И.Герцена, реализм как таковой также нашел и своих последователей и критиков. Он обнаружил себя также в контексте одной из основных традиций отечественной философской мысли - в учениях о всеединстве. В первую очередь сказанное относится к философии В.С.Соловьева, который сумел не только уловить вызовы своего времени, но и образом предвосхитить удивительным интеллектуальные тенденции. Его учение явилось одним из узловых пунктов развития философской мысли идентичности, то есть как мысли о всеобщем.

Владимир Соловьев уже в начале своего творчества особое внимание обратил на позитивизм, ставший в России в последней трети XIX в. некоей философской модой. Не мог Соловьев не откликнуться и на специфический аспект позитивистской теории познания — наивный реализм. Надо

отметить, что данный аспект их течения самими первыми позитивистами, по сути, не был достаточно отрефлексирован.

Наивно реалистские установки в целом однозначность и отчетливость состояния объекта познания. непосредственной адекватной возможность его И субъектом, совпадавшей вопринимаемости Субъект (сугубо эмпирический) познаваемостью. также унифицированно понимался предельно надиндивдуальная перцептивность сама по себе. Однако не было понятно, как он, воспринимая случайное, единичное, ситуативное, может обнаруживать регулярное, постоянное - то, что называется законами природы.

В представлении О.Конта, как известно, научное познание все-таки нацелено на открытие законов мироустройства. ³⁰⁰ Сами эти законы понимались Контом как выражения постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. ³⁰¹ Законы, по его мысли, напрямую должны выводятся из наблюдаемых явлений, что и позволяет им быть основой прогнозирования – выведения одного факта из другого. 302

Соловьева B.C. суть реализма позитивистского (наивного) его варианта - сводилась к трем положениям: 1) принятию «внешней реальности за безусловное, или подлинное, бытие», 2) пониманию соответствия нашего познания с этой реальностью как критерия его истинности и 3) признанию чувственного опыта, в котором она воспринимается, «единственным истинным познанием». 303 Особым предметом рассмотрения и одновременно предметом соловьевской критики стал первый тезис реализма, в связи с которым Соловьеву удалось обратить внимание на «болевые точки» всей позиции.

³⁰⁰ Конт О. Дух позитивной философии. СПб.: Санкт-петербургское философское общество, 2001. 162 с. С. 24. ³⁰¹ Конт О. Дух позитивной философии. С. 20.

³⁰² Там же. С. 23, 24.

Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал //Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1990. С. 581 – 744. С. 632-633.

Владимир Соловьев уже в «Кризисе западной философии» выразил к позитивизму вообще и к наивному реализму, в частности, свое откровенно критическое отношение. Для него внешняя данность, независимость объекта (в его единичной конкретности) от субъекта и возможность познания его субъектом несовместимы. Он вполне категорично замечает, что «всякий реализм, т.е. всякое признание самобытной действительности за внешним объектом, будь то объект рассудка или же объект чувственной эмпирии, одинаково бессмысленно... и есть... нелепость». 304 (Соловьев, 1990а: 42).

Следуя убеждениям и всей логике учения о всеединстве, справедливо подчеркнул С.Б.Роцинский, как направил «полемический выпад в сторону позитивистов» именно за то, что они «абсолютизировали ... частное бытие в его "внешней особенности и отдельности"», признавая его единственным предметом опыта. ³⁰⁵ Для русского философа это означало крайний релятивизм и отрицание истины. Частное бытие, доступное эмпирическому познанию, не есть сущее и, следовательно, не есть истина, ибо «сущее как истина не есть многое, а есть единое». 306 Соловьев поясняет: «...Многие вещи сами по себе не могут быть истиной, потому что если они различаются друг от друга, так что одна вещь не есть другая, то каждая в своем различии от другой не может быть истиной, ибо тогда истина различалась бы сама от себя или истина была бы не истиной, следовательно, эти вещи не могут быть самою истиной...» 307 Последняя понималась русским философом как сущее, не совпадающее с непосредственно воспринимаемым, но

 $^{^{304}}$ Соловьев В.С. Кризис западной философии (против позитивистов) //Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 3 – 138. С. 42.

³⁰⁵ Роцинский С.Б. Формирование основ онтологии всеединства //Соловьевские исследования. 2010. Вып. 3 (27). Иваново: ИГЭУ, 2010. С. 4-11. С. 7.

³⁰⁶ Соловьев, В.С. Критика отвлеченных начал. С. 692.

³⁰⁷ Там же.

соединяющее воспринимаемое с тем, что его глубинно определяет, будучи сокрытым.

Безусловно, в соловьевской гносеологии выражен глубокий онтологизм, к которому при разрешении вопросов теории познания, как отмечал В.В.Зеньковский, все русские философы, «за исключением небольшой группы правоверных кантианцев», были очень склонны. 308 В.Ф.Эрн, в свою очередь, не просто указывал на своеобразную и органичную связь онтологии и гносеологии В.С.Соловьева, а считал ее главным достоинством последнего, ибо гносеология никак не может считаться «творчеством из ничего», то есть без онтологических корней.³⁰⁹ Именно онтологическая обоснованность соловьевской гносеологии, как справедливо отмечает В.Ф.Эрн, обусловила наличие в нем перспективных идей, порой даже только пунктиров, каждый из которых настолько «гениален и вдохновенен», что «невольно заражает творческим жаром того, кто начинает в него вглядываться». 310

Анализ и критика Соловьевым позитивизма относятся не только к вполне сложившимся на тот момент идеям и принципам этого течения, включая и установки наивного реализма, но и к последующим позитивистским школам в их общем смысловом поле. Вполне обнаруживается главный пункт, в связи с которым для русского философа позитивизм оказался несостоятельным. Имеется в виду не столько сама по себе его антиметафизическая направленность, сколько откровенное пренебрежение онтологической проблематикой, а отсюда и главный его порок — отсутствие системности в позитивистских учениях. Эти недостатки, в свою очередь, неизбежно вынуждало искать для всякого выдвигаемого положения специальных

31

 $^{^{308}}$ Зеньковский, В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2001. 880 с. С.5.

^{3&}lt;sup>d9</sup> Эрн, В.Ф. Гносеология В.С.Соловьева //Сборник статей о В. Соловьёве. С. Булгакова, В. Иванова, князя Е. Трубецкого, А. Блока, Н. Бердяева, В. Эрна. Брюссель: Издательство «Жизнь с Богом», 1994. С. 167 – 264. С. 169.

³¹⁰ Там же. С. 259.

обоснований, что не могло не сказаться и на созданном позитивистами образе научного познания.

В целом, как известно, последователи позитивизма исключали необходимость универсалистской ориентации научного познания, рассматривавшуюся ими как прямое наследие догматизированного метафизического мышления, подлежащего, по их мнению, преодолению. С другой стороны, необходимо было каким-то образом обосновать целостность науки как познавательного предприятия. Потому возникла своеобразная потребность создания так называемой научной философии, которая, как предполагалось, и должна выполнять обобщающие функции. Эта тенденция обозначилась и в русской социально-гуманитарной мысли.

Вариант научной философии в конце 70-х гг. XIX в. разрабатывался, например, одним из российских последователей О.Конта В.В.Лесевичем. Он указал как на одно из главных препятствий, не позволивших самому О.Конту построить научную философию, то, что его схема наук «слишком часто перегибается в наивный реализм». Конт, как считал Лесевич, не сумел последовательно провести критический реализм, который единственно, по его мнению, и может стать основой научной философии.

Если говорить о проекте самого Лесевича в целом и о его критическом реализме, в частности, то, по сути, он предстал попыткой соединить критицизм И.Канта и учение о позитивной науке О.Конта. Об этом достаточно определенно заявлял сам автор, 312 которому так и не удалось доказать, что связь научного знания и философского умозрения органична. Причиной тому стало преувеличенное внимание Лесевича к психологической стороне познания, но при этом им полностью был «оставлен без внимания вопрос об "объекте" познания». 313 Тем самым и

³¹¹ Лесевич В.В. Письма о научной философии //Лесевич В.В. Сочинения в 3-х т. Т. 1. М.: Изд. Ю.В.Леонтович; Кн-во писателей в Москве, 1915. 647 с. С. 453 – 647. С. 634.

³¹² Там же. С. 461- 462.

³¹³ Зеньковский В.В. Указ. соч. С. 669.

реализм был сведен к нулю, а критицизм привел автора к признанию относительности и условности всякого знания.

Надо отметить, что идеал научной философии выступал одним из сопряженных с реализмом (в его разных вариантах) факторов развития эпистемологии. Так, в начале XX в. задачу построения философии на твердой почве научного знания и, казалось, достаточно фундаментально поставили перед собой неопозитивисты Венского кружка и их последователи. Важным идейным истоком этого стал неореализм. При этом, правда, сами неопозитивисты достаточно долго обходили вниманием проблему реальности саму по себе, опасаясь из-за нее глубоко «завязнуть» в метафизике.

Зарождавшийся в XIX веке эпистемологический реализм, с одной стороны, продемонстрировал невозможность для учений о познании быть полностью элиминированными от онтологической проблематики, а с другой – представлял собой альтернативу крайностям чрезмерно онтологизированных учений немецкой классической философии – учений И.Канта и Г.Гегеля. И здесь вполне можно усмотреть определенную солидарность Соловьева с такой критической установкой реализма. В противовес Гегелю, он не принимал идею предзаданности миропорядка к познанию, как не принимал и кантианское принципиальное сомнение в познаваемости его.

Соловьев пошел дальше эпистемологических реалистов XIX в. также и в том, что понимал иначе динамику и смысл человеческого познания. Безусловно, он был сторонником идеи его *некумулятивного* характера, что позволяет видеть в русском философе предшественника некоторых новейших тенденций развития эпистемологии в целом и версий эпистемологического реализма (научного реализма), в частности.

Владимиру Соловьеву удивительным образом удалось уловить в реализме XIX в. различные оттенки этого широкого течения, которые лишь впоследствии стали явными и которые он назвал видами («степенями») реализма — феноменальным,

критическим, отвлеченным, исключительным и др. ³¹⁴ При этом, однако, он не нашел им оправдания в контексте своего учения о всеединстве, органичной частью которого была его гносеология.

Соловьев, казалось бы, расходился с реалистским уклоном в эпистемологии в самом главном, считая, что он не ведет в научном познании дальше указаний на явления и их обобщений (последовательностей), и значит, не дает ответа на вопрос о том, «каким образом сущность вещей может переходить в наше познание». Русский философ подчеркивал, что «реальность познаваемого», т.е. его независимость от познающего субъекта, сделала бы, как он утверждал, невозможным познание как таковое. Именно в этом, по мнению Соловьева, заключены недостатки научного познания, мыслимого им, правда, вполне в позитивистском духе 317 — как познания сугубо эмпирического, а потому, впрочем, и подвергнутого критике.

В наивном реализме позитивистского толка, как отмечалось, отсутствовали прямые онтологические ориентиры, и этот «недостаток», в еще большей степени наследовали так называемые вторые позитивисты, отказавшись вообще от осмысления познаваемого в качестве существующей самой по себе реальности. Феноменализм второго позитивизма предстал позицией не просто критики реализма, но откровенной альтернативой ему. Одновременно махизм предстал и особой версией релятивизма с явно выраженными и антирационалистическими установками.

Все это стало проблемой не только эпистемологической, но и общенаучной, поскольку означало серьезное отступление

 $^{^{314}}$ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. С. 631 – 636, 645, 679, 681.

³¹⁵ Там же. С. 636.

³¹⁶ Там же. С. 638.

³¹⁷ Более подробно позитивистские «оттенки» гносеологии Соловьева автором рассмотрены в посвященной этой теме. См.: Куликова О.Б. Наука и философия в концепциях О.Конта (первого позитивизма) и Вл.Соловьева: современное прочтение //Соловьевские исследования. 2008. Вып. 16. Иваново: ИГЭУ, 2008. С. 74 – 91.

от самих принципов научного познания. Самое главное эмпириокритицизм Э.Маха поставил под сомнение необходимость ориентации научного познания на поиск объективной истины. Все это не могло не вызвать своеобразной защитной реакции стороны участников научноco познавательной деятельности. По сути, встал вопрос о сохранении ее идентичности, о сохранении принципов научного познания.

В атмосфере дискуссий по этим проблемам в первые десятилетия XX в. появляются две реалистские платформы неореализм и критический реализм, приверженцы которых стремились вернуть в эпистемологию, а также и в философию науки определенный онтологический контекст. Под влиянием первого, как известно, постепенно начинается неопозитивизма (логического эмпиризма), ставшего, в свою очередь, предтечей аналитической философии во всем ее проблемно-тематическом многообразии.

Сам по себе неореализм, к сожалению, не показал серьезных перспектив для существования, о чем шла речь в первом параграфе данной главы. Сторонникам его не удалось преодолеть тех «рифов», которые выросли, если можно так сказать, естественно-логически из позитивистского наивного реализма и феноменализма (плоского эмпиризма) с привитым к ним так называемым здравым смыслом Неореалисты в целом надеялись на преодоление случайностей, неизбежных эмпирическом познании, устойчивостью здравого смысла и обыденного языка.

Для Соловьева, которому судьба не предоставила возможности быть знакомым с этими реалистскими веяниями, быть решена обозначенная залача могла противоположно. Истина для него не могла быть случайным утверждением и зависеть от здравого смысла. ³¹⁸ Путь к ней лежит через умозрение, которое, будучи у него выражением необходимого и всеобщего, наделено онтологическим статусом.

³¹⁸ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал. С. 661-662.

В умозрении, по мысли автора, достигается тождественность объективности и равной обязательности для всех. ³¹⁹ Выход за пределы явлений, «допущение такой трансцендентальной способности нашего ума» уже, по мысли Соловьева, не может согласовываться с отвлеченным эмпиризмом. ³²⁰

Собственно, проблема, на которую по-своему и в свое время вышел Соловьев, и стала действительной причиной угасания линии неореализма. Но это стало стимулом к усилению позиций критического реализма в европейской и американской философии. Критические реалисты, 321 как известно, стали постулировать участие в познавательных процедурах опосредующего ментального компонента (некоей близкой кантовским априорным формам инстанции) для достижения адекватной данности объекта сознанию субъекта. Однако в связи с разногласиями участников движения по вопросу о природе этого компонента в нем очень скоро обнаружился раскол.

Неореализм и критический реализм оставили нерешенными важные эпистемологические проблемы о происхождении прогностического и объяснительного потенциала человеческого (научного, в том числе) познания. Остался без ответа и вопрос о том, как может реальность, будучи внеположенной субъекту, получать соответствующее (должное) выражение в его сознании.

Признавая соотносимость в познании идеи сущности) субъекта с идеей объекта, 322 Соловьев главным указанного взаимодействия признает инструментом мистические способности, или веру. 323 В этой связи позиция обоснованно достаточно определяется Соловьева мистический реализм или, несколько

. . .

³¹⁹ Там же. С. 665.

³²⁰ Там же. С. 656.

³²¹ Общая характеристика их платформы была дана в первом параграфе данной главы.

³²² Об этом подробнее уже говорилось в параграфе 3 второй главы.

³²³ Там же. С. 724, 726, 727, 729.

спиритуалистический реализм. Вяч. Иванов, в какой-то степени имевший в виду нечто идейно близкое, отмечает, что «Соловьев — реалист, ничего не выдумывающий, и вместе символист, потому что все в природе и душе трепещет для него близко дышащею скрытою жизнью и подает весть о сущем, прикрывшемся покрывалами божественной символики видимого мира». 325

Думается, реализм в теории познания Владимира Соловьева не столько мистического, сколько некоего оптимистически пророческого (прогностического) свойства, в соответствии с чем и отвергается скептицизм, признается его неественность как человеческой познавательной установки. А самое главное, соловьевская гносеологическая позиция в этом плане направлена против релятивизма, лишавшего познание вообще и научное, в частности, главного — быть способом успешного саморазвития человека (человечества).

того, реалистские интенции соловьевской гносеологии существенно отличаются от реализма многих, кто в русской философии наследовал проблематику всеединства. Так, С.Л.Франк, для которого был также характерен онтологизм в построении теории познания, создает особый подход, названный им самим абсолютным реализмом. Последний у него означает отождествление реальности с непостижимым, необъяснимым. 326 Проникновение сферу В такого

³²⁴ Так, в частности, его характеризует П.П.Гайденко. См.: Гайденко П.П. Метафизика конкретного всеединства, или абсолютный реализм С.Л.Франка //Вопросы философии. 1999. № 5. С. 114 – 150. С. 115; Она же. Философия всеединства В.С.Соловьева //История русской философии /Редкол. М.А.Маслин и др. М.: Республика, 2001. С. 334 – 348. С. 337.

³²⁵ Иванов Вяч. Религиозное дело Владимира Соловьева //Вячеслав Иванов. Собрание сочинений в 4 томах. Том 3. Брюссель: Издательство «Жизнь с Богом», 1979. С. 295 – 307. С. 306.

³²⁶ Франк С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии //Франк С. Л. Сочинения. М.: «Правда», 1990. 608 с. С. 183 – 559. С. 372.

непостижимого для Франка безусловно осуществимо, ибо он, отказавшись от субъект-объектной дихотомии, мыслит познание как актуализацию посредством интуиции потенциального, заключенного в человеческом «Я». Как справедливо делает вывод П.П.Гайденко, Франк считает, что «не нужно никаких усилий для того, чтобы непосредственно знать все, с чем мы вообще когда-либо встречаемся». 327 Такая позиция, по сути, есть отказ от реализма как такового. Ведь в основании любой версии реализма лежит постулат о том, что познающий и познаваемое онтологически не совпадают, котя отношения принципиально могут быть согласуемы, что уже специфически конкретизируется в каждой из версий. Со всей очевидностью, созданная Франком модель в общем-то беспроблемного интуитивного познания не могла бы устроить Соловьева.

Реалистский тренд в эпистемологии и философии науки не утратил своей значимости, трансформировавшись во второй половине XX в. в линию так называемого научного реализма. В ее рамках была обоснована возможность сущностной познаваемости мира, что позволило возродить несколько угасший в европейской философии интерес к онтологии. Это, конечно, не устранило всех проблем, связанных с разработкой линии эпистемологического реализма во всем его идейном потенциале.

Для научных реалистов фундаментальную роль стал играть сам факт успеха (прогресса) научного познания. Современный научный реализм является способом обоснования того, почему человек не удовлетворяется полученным знанием и постоянно стремится выйти за пределы достигнутого.

Владимир Соловьев оказался способным распознать данные тенденции. Для него принципиально важным было признание необходимости достижения истины ε противовес вымыслу и субъективизму, а также ее объективности и всеобщего характера. ε

 327 Гайденко П.П. Метафизика конкретного всеединства... С. 126.

³²⁸ Соловьев, В.С. Критика отвлеченных начал. С. 599.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, В.С.Соловьевым реалистского проблематизация подхода, несмотря на все критические выпады русского философа в его адрес, в целом свидетельствует, что у этого подхода есть эвристический Трансформации потенциал. значительный реализма в эпистемологических дискурсах XX в. доказывают, что познание (и, в особенности, научное) нельзя мыслить без некоторых онтологических обоснований и вне его ориентации на идеал, в качестве которого полагается истина. Концепт истины, в свою очередь, с необходимостью требовал признания не только некоего сущностного плана бытия как фокуса познавательных целей человека, но И принципиальной возможности для него выхода в сферу сущностей. Из этого следовало, что необходимо и признание субъект-объектного отношения в качестве основного в познании. Данный идейный комплекс определил востребованность реалистских принципов в эпистемологии, что вполне убедительно продемонстрировало развитие последней в XIX – XX вв. Особенно показательным в этом плане является учение о познании Владимира Соловьева, в котором не только нашли выражение реалистские принципы, но и предугаданы определенные тенденции развертывания всей широкой платформы эпистемологического реализма.

3.3. Научный реализм и проблема идентичности научного познания

Эпистемологический реализм имеет весьма длительную модификаций. становления, развития, востребованность построении моделей познавательной В деятельности (научной В особенности) нельзя случайной, учитывая то, что реализм подвергался, пожалуй, самой серьезной и многоаспектной критике, причем, с позиций, сторонники которых в любом другом отношении вряд ли могли солидаризироваться. Откровенную эпистемологическому реализму XXВ. составляют антиреализм, релятивизм, скептицизм, значительно откровенной является критическая настроенность к нему конструктивизма, конвенционализма, иррационализма.

В XX в. реализм представал в различных ипостасях, в каждой из которых подвергался активным атакам со стороны выше означенных оппонентов. Однако при этом удивительной «живучесть» реалистских установок, оказалась специфически выразили себя в рамках трех последовательно сменявших эпистемологических друг друга критического реализма, научного неореализма, реализма. Последний, в свою очередь, имел также не одну версию. Общим для указанных программ являлось их глубоко оптимистическое основание.

Это не означало отсутствия проблем, или «болевых точек», но это делало возможным сохранять определенность реализма (позитивную ориентацию в отношении поиска истины, прежде всего) перед лицом релятивизма и скептицизма.

В нашем рассмотрении эпистемологический реализм значим как способ соотнесенности научных принципов с определенным онтологическим базисом, а шире — как способ легитимизации эпистемологии в сфере философской мысли. В

данном случае имеется в виду, что эпистемология охватывает познавательной активности человека существенных параметрах, где познание научное мыслится образцом такой активности. Эпистемологический реализм в этом плане и востребован как аргументация в пользу научного познания как процесса приближения к истине.

С 60-х годов XX в. набирали «вес» новые, так называемые постпозитивистские модели науки (Т.Куна, К.Поппера, И.Лакатоса, П.Фейерабенда), в которых основное внимание было обращено на исторические трансформации научной модели серьезно скорректированы Эти были сферы. социологическими социокультурными интерпретациями И научной деятельности, среди которых особенно хочется отметить создателей программ когнитивной социологии науки (Б.Барнс, Д.Блур, М.Малкей и др.). В этих моделях научная практика предстает многогранной и многофакторной системой, которая вписана в социальное бытие вместе с результатом знанием.

примеру, сторонник К называемой сильной так программы в социологии знания Д.Блур указывает, что знание, представленое в науке, «не является знанием реальности». Согласно его выводам, научное знание есть то, «о чем говорят нам наши наиболее обоснованные теории и наиболее глубокие идеи», или «рассказ, слагающийся из намеков и проблесков, которые, как мы думаем, открываются в наших экспериментах», а потому научное знание «лучше приравнивать к Культуре, чем к Опыту». 329

Когнитивная социология науки предстала достаточно заметной линией в осмыслении процесса научной деятельности на основе ставшей популярной методологии case studies. Адепты такого подхода стремились не только выявить степень и формы социальной обусловленности научной практики, но и обосновать то, что приоритетную роль в ней играют действий. ученых относительно своих высказывания

³²⁹ Блур Д.Сильная программа в социологии знания //Логос. 2001. № 5-6 (35). C. 162 – 185. C. 176.

Исследованию и осмыслению таких суждений в различных контекстах и формах была посвящена, например, книга известных представителей этого направления Дж.Гилберта и М.Малкея «Открывая ящик Пандоры». В частности, им удалось установить, что мнения ученых в разных ситуациях существенно могут отличаться, ученые могут предлагать «самые различные версии событий в рамках одного и того же интервью или одного и того же заседания на научной конференции».

Признавая в целом социокультурную «вписанность» научной деятельности, нельзя тем не менее рассматривать ее как деятельность в безмерном диапазоне индивидуальных мотивов, культурных и политико-идеологических предпочтений. Научное познание не может быть осмыслено вне признания его интеллектуальных границ, определяемых его принципами и играющих для участников роль дисциплинирующих (рефлексивных) установок.

Довольно сильные позиции в конце XX в. заняли приверженцы (нередко радикальные) экстернализма, историцизма и социологизма, неся с собой мощный заряд эпистемологического релятивизма.

Научный реализм в определенной мере стал ответом на этот вызов. В целом общие тенденции в эпистемологии и философии науки обусловили его возникновение в 60-е гг. ХХ в. В научном реализме было выражено стремление некоторых представителей аналитического направления найти референт теоретическим объяснительным построениям науки. Данная платформа объединила те модели научного познания, авторы которых признавали основной его целью поиск истины.

Новым «научный реализм» выступил по отношению к ослабившим позиции критическому реализму и неореализму. Важную роль здесь сыграла определенная онтологическая позиция, состоявшая в признании того, что содержание научных

³³¹ Там же. С. 24.

 $^{^{330}}$ Гилберт Д., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: Социол. Анализ высказываний ученых: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1987. 269 с.

теорий соотносимо с некой сферой бытия объектов, где фокусируются их сущности. Принцип реализма как некое основание моделей научной практики и ее результатов, которые стали возникать в 60-х – 70-х гг., сводился к положению: любое научное суждение соотносится и должно соотноситься с объективной реальностью.

Правда, само понятие реальности не было очерчено в полной мере. Многие представители течения пытались его избегать, хотя в целом оно подразумевалось в их выводах. Например, Р.Бойд подчеркивал, что позиция научного реализма заключается в особом принципе установления истинности (приблизительной истинности) научных теорий или законов, когда они служат основанием для решения вопросов о причинных связях сущностей (объектов), позволяют решить больше таких вопросов, если теории предсказывают причинноследственные связи объектов. 332

Научный реализм символизировал собой завершение «эпохи» логического позитивизма, для которого онтологические проблемы (проблема реальности в том числе) стали источником основных разногласий, а в конечном счете и одной из причин его угасания. Сторонников платформы объединило признание внутренней обусловленности прогресса науки, в котором полученное научное знание вполне убедительно демонстрирует непрерывное приближение к Истине. По словам Р.Харре, проблема для сторонников платформы состоит в том, можем ли мы получить достоверное знание об этом ненаблюдаемом, ведь знание и реальность «есть разные виды сущностей». 333

Научные реалисты конца XX в. – Р.Бойд, Х.Патнэм, У.Селларс, Р.Харре, Д.Деннет, Э.Агацци, Я.Хакинг, Р.Бхаскар и др. – пытались в самых разных вариантах найти способы «спасения» реальности как ключевой идеи-регулятора в системе научного познания (теоретического, в особенности). Д.Деннет,

Boyd R.N. Realism, Underdetermination, and a Causal Theory of Evidence. *Noûs*, Vol. 7, No. 1. (Mar., 1973), pp. 1-12. P. 1.

Harre R. Varieties of Realism: A Rationale for the Natural Sciences.

Oxford: Blackwell, 1986. 375 p. P. 34.

например, рассматривает саму способность распознавания различий между явлением и реальностью величайшим человеческим открытием, на базе которого возникает наука как наиболее прогрессивная технология достижения Истины. 334

Для научных реалистов фундаментальную роль стал играть сам факт успеха (прогресса) научного познания. Хилари Патнэм выразил эту позицию в ставшем знаменитом тезисе, по сути, кредо платформы: «...реализм есть единственная философия, которая не делает успех науки чудом». ЗЗБ Аргумент от «не чуда» (по miracle argument) представляется вполне весомым для сохранения реалистских позиций в эпистемологии, что оказывает существенное и положительное влияние на научное познание как познание с обязательной рефлексией, предусматривающей с необходимостью и оптимистический настрой.

Реальность в широком смысле постулируется в качестве объяснительно-смысловой определенности, не совпадающей с внешним слоем бытия познаваемых объектов и соотносимой с *теоретическими построениями*. Для многих последователей научного реализма в таком понимании реальность развертывается в самом процессе научного познания, и потому признается принципиальная возможность для научных теорий непрерывно приближаться к истине.

Современный научный реализм, по крайней мере, является способом обоснования того, почему человек не удовлетворяется полученным знанием и постоянно стремится выйти за пределы достигнутого.

Для научных реалистов, по авторитетному заключению Л.Б.Макеевой, «истина считается достижимой, а главным инструментом для построения истинного описания мира объявляется наука». Важно, что они признают истину в качестве идеала, «к которому наука будет постоянно стремиться, обладая

³³⁵ Putnam, H. Mathematics, Matter and Method. *Philosophical Papers*, vol 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1979, pp. 60-78. P. 73.

 $^{^{334}}$ Деннет Д. Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно //Вопросы философии. 2001. № 8. С. 93–100. С. 98.

на каждом этапе "приблизительно" или "относительно" истинными теориями». ³³⁶ Реализм в данной его версии стал своеобразным напоминанием о том, что стремление к истине есть максима научного познания и гарантия его идентичности. Стремление к истине как к идеалу конституировало науку, конституировало ее в качестве коллективного (надсубъективного, объективного, общезначимого) способа освоения мира. Оно обусловило общий смысл всех версий всемирно-исторического проекта «Наука», и повороты в судьбе предприятия «Наука» при всех его современных кризисных тенденциях.

С другой стороны, как абсолютно справедливо отмечено специалистами, идея истины состоит, в первую очередь «в уважении к *реальности* (а не к авторитету, личному пристрастию, интересу, пользе и т.д.), в признании того, что ученый исследует реальность с целью получения *знания о мире*, а не занимается анализом собственного сознания или построением какого-либо мифа, литературного текста или художественного образа». ³³⁷ А самое главное, современный научный реализм, как подчеркивает В.Н.Порус, отчетливо выражает «стремление опереться на науку в противовес скептицизму и иррационализму», ³³⁸ а также, надо добавить, и радикальному релятивизму.

Современные критики научного реализма — откровенные антиреалисты — во многом свои аргументы черпают из уже давно, казалось бы, ушедшего в небытие первого позитивизма.

³³⁶ Макеева, Л.Б. Научный реализм, истина и недоопределенность теорий эмпирическими данными //Логос. 2009. № 2(70). С. 24 – 36. С. 25.

^{25. 337} Черткова, Е.Л. Истина как этическая проблема эпистемологии //Философия науки. 2014. Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях /Отв. ред. И.А. Герасимова. М.: ИФ РАН. С. 64 – 78. С. 70-71.

³³⁸ Порус, В. Н. «Научный реализм»: проблемы, дискуссии, перспективы //Порус В.Н. Рациональность, наука, культура. М.: б/и. 2002. С. 217 – 241. С. 241.

Они пытаются эмпирическую адекватность считать единственным основанием для принятия теоретических моделей, даже если эти модели противоречат друг другу в объяснительных положениях.

Например, один из наиболее радикальных представителей (откровенно манифестирующего конструктивизма альтернативность научному реализму) Бас ван Фраассен (Ваѕ van Fraassen) заявляет, что научное исследование есть именно конструирование моделей наблюдаемых явлений, а не открытие неких ненаблюдаемых (unobservable) сущностей. 339 Нормой научного познания у него признана прямая адекватность теории эмпирическим данным. При этом сама теория понимается Фраассеном в качестве произвольной конструкции. Свой конструктивистский эмпирицизм ОН объявил способом «преодоления» реализма.

Правда, такой способ В итоге предстал реинкарнацией позитивизма в своеобразной снятой форме, конвергировавшей три стадии эволюции последнего, - первую (О.Конт), вторую (Э.Мах) и третью, неопозитивистскую (Венский кружок). Такой «симбиоз» стал возможным за счет отказа от представлений об устойчивости, инвариантности, организованности познаваемого, а значит, и отказа от идеи достижимости объективного знания. Последнее, по сути, ставит под сомнение состоятельность науки как познавательного предприятия, нацеленного именно на получение объективного знания в интересах общества в целом.

В связи с резким усилением тенденций к дифференциации научных поисков в конце XX века идея реальности начинает размываться, утрачивать регулятивную роль. Способствовало этому и усиление антиреализма, ставшего своеобразной эпистемологической модой.

Весьма «удобной» платформой для критики «научного реализма», да и науки вообще как социокультурного феномена, стал постмодернизм, утверждавший принципиальную идейную

3

³³⁹ Fraassen, B C. van. *The Scientific Image*. Oxford: Clarendon Press, 1980. 293 p. P. 5.

«всеядность». Н.С.Юлина справедливо называет постмодернизм идеологическим врагом современных признанных философских школ, и в целом Западной Рационалистической Традиции. 340

Допущения существовании онтологического эквивалента теорий оставались приемлемыми в научнореалистических моделях до тех пор, пока само здание науки сохраняло должную целостность, обладало интеграционным потенциалом, компенсирующим центробежное дисциплинарное движение. Понятие реальности, будучи в целом синонимом системности бытия и его теоретического выражения, выступало основой для признания идентичности научного познания среди других видов духовной деятельности. Но в связи с резким усилением тенденций к дифференциации научных поисков наметились теоретические и методологические расхождения в конкретных исследованиях, а идея реальности постепенно начинает утрачивать регулятивную роль.

Подверглась серьезной корректировке и позиция научного реализма. В ее рамках ставится цель не поиска свойств науки, позволяющих ей должным образом исследовать определенные объекты, а выявления свойств «некоторой данной науки», обеспечивающих выведение из нее некоторой соответствующей ее предмету онтологической реальности. Реальность, таким образом, предстает как следствие уже созданных теоретических конструкций конкретной области научного познания — своеобразное парадигмальное следствие в границах определенной научной дисциплины.

Особенностью современной науки, как подчеркивает последователь линии научного реализма Э.Агацци, является то, что «ее *непосредственным* объектом является уже не Природа, а толстый слой опосредований». 342 «Если античная наука, —

 $^{^{340}}$ Юлина Н.С. Деннет о вирусе постмодернизма. Полемика с Р.Рорти о сознании и реализме //Вопросы философии. 2001. № 8. С. 78 – 92. С.

³⁴¹ Агацци Э. Переосмысление философии науки сегодня //Вопросы философии. 2009. № 1. С. 40 - 52. С. 40.

³⁴² Там же. С. 47.

поясняет он, — считала источником своего вдохновения идеал *наблюдения*, а наука Нового времени — идеал *открытия*, то наука сегодняшнего дня справедливо представляется как *исследование*». ³⁴³ Причем приобщение к исследованию означает вхождение в уже существующую ветвь науки, которая сама определяет и свои понятия, и их границы. Таким образом, «современная наука установилась как *автономная* система в том смысле, что она сама для себя формирует предметную область». ³⁴⁴

Отмечаемая многими специалистами кризисная ситуация в современной науке обусловлена не столько тем, что она стала определять для себя границы и направления миропознания — это было изначальной ее особенностью (концепт реальности был одним из способов задания таких границ), сколько тем, что в ней ставится под сомнение идеал поиска Истины и самоценности знания. Если раньше он диктовал наукам (различным областям научного познания) необходимость развертывания согласованного и непрерывного процесса приближения к исчерпывающему описанию и объяснению Мира, то теперь это предстает движением к дурной бесконечности, где рассыпается всякое единство.

Реальность Мира перестала воссоздаваться из дисциплинарных фрагментов как нечто целое. Здесь можно согласиться с мнением, что утопична, наверное, сама идея всеохватного синтеза. 345

Научные реалисты конца XX в. – Х.Патнэм, У.Селларс, Г.Р.Харре, Д.Деннет, Э.Агацци – все же пытаются найти способы «спасения» реальности как идеи-регулятора. Д.Деннет, например, рассматривает способность распознавания различий между явлением и реальностью величайшим человеческим открытием, на базе которого возникает наука как наиболее

³⁴³ Там же. С. 47.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Порус В.Н. Альтернативы научного разума //Альтернативные миры знания /Под ред. В.Н.Поруса и Е.Л.Чертковой. СПб.: РХГИ, 2000. 328 с. С. 54.

прогрессивная технология достижения Истины. ³⁴⁶ К этому он предлагает свести все рассуждения о реальности.

В творчестве Х.Патнэма, в свою очередь, обнаруживаются два последовательно сменивших друг друга вида реализма — «внутренний» и «естественный». В целом они связаны с решением проблемы истины. Патнэм предлагает «отождествлять истину... с идеализированным обоснованием, отличаемым от обоснования посредством наличных свидетельств». По его мысли, человеческий разум способен, несмотря на несоизмеримость языков, улавливать смыслы универсального человеческого опыта, улавливать регулярное, типическое. И в этом качестве предлагается мыслить реальность.

Э.Агацци первоначально увидел выход в разведении понятий «вещь» и «научный объект», а также в определении в каждой познавательной ситуации особых операциональных средств (предикатов) для установления отношений суждения к реальности. Здесь ставка делается на разум, нацеленный на поиск референта для своих построений. 350

Спустя почти три десятилетия реализм Э.Агацци несколько видоизменился. Современная наука (т.е. каждая область знания), по его утверждению, *сама* в соответствии со

16

 $^{^{346}}$ См.: Деннет Д. Постмодернизм и истина.

³⁴⁷ См.: Патнэм X. Введение к книге «Реализм и разум» //Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия /Сост. А.А.Печенкин. – М.: «Логос», 1996. С. 209 — 220; *Он же.* Реализм с человеческим лицом //Аналитическая философия: становление и развитие (антология). – М.: Дик, 1998. С. 90 — 129; *Он же.* Философы и человеческое понимание //Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия /Сост. А.А.Печенкин. М.: «Логос», 1996. С. 221 — 245 и др.

³⁴⁸ Патнэм Х. Введение к книге «Реализм и разум». С. 219.

³⁴⁹ См.: Патнэм X. Введение к книге «Реализм и разум». С. 220.; Он же. Философы и человеческое понимание. С. 232-235.

³⁵⁰ Агацци Э. Реализм в науке и историческая природа научного познания //Вопросы философии. 1980. № 6. С. 136 - 144.

своим предметом $cos \partial aem$ некую онтологическую peanshocmb. ³⁵¹ Он указывает на кризис традиционного понятия науки. Наука, справедливо замечает мыслитель, трансформировалась в mexhohayky, открытую некоторому (условному) "внешнему миру", который она стремится познать и изменить. ³⁵²

Но все традиции реализма остаются востребованными в научном познании как практике с рефлексией. Об этом свидетельствует, в частности, такая линия развития учений о познании, как эволюционная эпистемология. К ее основателям и последователям относятся Д.Кэмпбелл, К.Лоренц, Г.Фоллмер, К.Поппер и др. Л.А.Микешина вполне обоснованно называет данную линию «гипотетическим реализмом». 353 К.Поппер, например, с неким отметить, что возможности построить относится знание. как «самообъясняющее описание сущности». 354

Среди отечественных участников дискуссий о «научном реализме» следует назвать Н.С.Юлину, В.А.Лекторского, Л.Б.Макееву, Б.И.Пружинина В.Н.Поруса, В.А.Ладова, Н.В.Головко и др. 355 В их работах дана обстоятельная

³⁵¹ Агацци Э. Переосмысление философии науки сегодня //Вопросы философии. 2009. № 1. С. 40 – 52. С. 40.

³⁵² Там же. С. 46, 47.

³⁵³ Микешина Л.А. Философия познания. С. 170, 173.

³⁵⁴ Поппер К. Реализм и цель науки /Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия. /Сост., перевод, вступ. статьи, вводн. замечания, коммент. А.А.Печенкина. М.: «Логос», 1996. С. 102.

³⁵⁵ Головко Н.В. Натурализация метафизики: научный реализм и диалектический материализм // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 24-33; Ладов В.А. Формальный реализм //Логос. 2009. № 2 (70). С. 11–23; Лекторский В.А. Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии //Познание, понимание, конструирование. М.: ИФРАН, 2008. С. 5 – 29; Макеева Л.Б. Научный реализм и проблема истины //История философии. № 13. М., 2008. С. 3 – 25; Макеева Л.Б. Научный реализм, истина и недоопределенность теории эмпирическими данными //Логос. 2009. № 2. С. 24 – 36; Пружинин Б.И. Ratio serviens?

характеристика этого течения, которое, как подчеркнул В.Н.Порус, «может рассматриваться как достаточно глубокая и плодотворная форма внутренней самокритики философии науки», как стремление «опереться на науку в противовес скептицизму и иррационализму».

В.А.Ладов предлагает перейти к позиции формального реализма, состоящего в признании того, что «мир существует, что есть все, что есть, и что каким-то образом мы способны на адекватное познание мира», и обратное – немыслимо. 357

Понятие реальности не может не сохранять регулятивную роль в современной научно-познавательной деятельности, хотя его содержание неизбежно корректируется. Современная наука, несмотря на тенденции к технологизации и проблемнопрактическому фракционированию, вполне способна отстоять свою целостность и идентичность, если в ее установках, реалистических в первую очередь, будет выражен принцип человека. Этот принцип подспудно, пусть не всегда отчетливо, но все-таки выражал себя в научной деятельности. По крайней мере, такой посыл несли в себе установки и объективности, и рациональности, И доказательности, которых усматривается требование к субъекту выступать в познании не столько от своего лица, сколько от имени рода, а значит, и предельно ответственно.

Понятия реальности и реального обладают в этом плане интегрально регулятивный смысловым потенциалом. Признавая то, что реальное есть антипод логическому (мыслимому в определенной форме), тем самым мы допускаем возможность варьирования от модели к модели в интерпретации «реальных»

Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009. 423 с.; *Юлина Н.С.* Деннет о вирусе постмодернизма. Полемика с Р.Рорти о сознании и реализме //Вопросы философии. 2001. № 8. С. 78 -92.

³⁵⁶ Порус В.Н. «Научный реализм»: проблемы, дискуссии, перспективы //Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002. С. 217-241. С. 241.

³⁵⁷ Ладов В.А. Формальный реализм. С. 20.

свойств и отношений. За Научный реализм, справедливо указывает Л.Б.Макеева, «связан не просто с признанием существования тех или иных объектов или сущностей, а с подчеркиванием объективного характера этого существования».

Понятие реальности, конечно же, надо рассматривать не как прямое выражение самих по себе структур мира, соотносимые с объяснительными теоретическими построениями, а то, что отвечает в этом мире (включая и мир социума) человеческим смыслам и ценностям. Идея реальности придает научному познанию целевую конкретность в противовес когнитивным действиям «вслепую», в противовес тому, что есть череда проб и ошибок.

Реальность предстает не просто тем слоем скрытого бытия мира, который подлежит открытию и освоению через посредство науки, а процессом непрерывного утверждения новых возможностей человеческого коллективного освоения мира. Причем здесь заключен и глубокий нравственный смысл реалистских установок. В контексте особенностей современной научной практики (постнеклассического характера) это имеет существенное значение.

Научный реализм был и до настоящего времени остается стремлением (на уровне философского и научного сообщества) интегральную платформу осмысления создать научного познания. Реализм (в уже рассмотренных разновидностях) в XX декларацией необходимости сохранения был фундаментальных принципов и призывом к этому. Научный реализм выступает стремлением (на уровне философского и научного сообщества) создать интегральную платформу научнопознавательной деятельности, деятельности, существенной чертой которой является ее коллективный характер, а основной

 $^{^{358}}$ См.: Драгалина-Черная Е.Г. Формальные онтологии как абстрактные логики //Логические исследования. Вып. 12. М., 2005. С. 162-169. С. 164.

³⁵⁹ Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. 310 с. С. 269.

целью – получение знания (Истины) в интересах общества в целом.

Реалистский уклон в эпистемологии XX в. в целом выразил собой тенденцию к созданию образа науки с должными для нее параметрами, где единство научного познания обусловливает его идентичность. С учетом той дифференциации, которая стала определяющей в структуре современной науки, принятие идеи реальности (в духе современного научного реализма) делает возможным сохранение ее оснований. Реализм (во всех его разновидностях) в XX в. был декларацией необходимости этого и призывом к этому.

Для человека в целом свойственно онтологизировать то, что является предметом его мысли. Это свойство в научной деятельности приобретает определенную упорядоченность, обусловленную ее спецификой. Понятие реальности при всех его содержательных корректировках, видимо, сохраняет регулятивную роль в науке. Оно выражает собой не столько структуры или сущности мира, соотносимые с объяснительными теоретическими построениями, сколько то, что отвечает в этом мире (включая и мир социума) общечеловеческим смыслам. При этом отказ от идеи реальности будет означать для науки потерю идентичности.

Научный реализм, как и его предшественники — неореализм и критический реализм — стояли «на страже» интересов научного познания, определяя, с одной стороны, границы и возможности науки (причем не ограничивая перспектив их расширения), а с другой — препятствуя проникновению радикального релятивизма в святая святых научного познания. Обоснование устремленности к трансцендентному (к объяснению скрытого) есть самый весомый вклад научного реализма в развитие проекта науки. Хотя при этом установки научного реализма не стали полностью тождественными эссенциалистским убеждениям.

Наверное, можно упрекнуть научных реалистов в установке на кумулятивизм, но в большей степени в их

рассуждениях речь идет не о накоплении знаний о мире в простой арифметической прогрессии, а о наличии в истории науки единой тенденции, о наличии возможностей соизмерять научные теории разных эпох в противовес катастрофизму («дискретизму», как названо это у Поруса) и вообще радикальным концепциям истории науки (вроде концепции П.Фейерабенда).

Норматив реальности позволяет науке не превращаться в комплекс безответственных рассуждений. Реализм во всех его разновидностях в XX в. выразил собой некую потребность тенденцию нормативной определенности научного познания. обоснованием особого стал свойства науки как познавательного процесса свойства определять свои собственные границы, а точнее не допускать их размывания феноменами псевдо-, лже-, параперед И откровенной антинауки.

Речь идет не о том, что могут быть наложены запреты на некоторые направления исследований (как правило, это находится в компетенции таких институтов, как государство, мораль, право, общественное мнение), а о том, что наука не может не заботиться о самосохранении перед лицом всего того, что наукой не является.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наука как особая сфера деятельности сложилась в конкретных социокультурных условиях. Ее появление связано с определенными идеалами, которых воплошались совершенном, безупречно представления построенном процессе познания. Разработка таких идеалов составила особую традицию в развитии человеческой духовной культуры, а философской мысли развитии особенно как илейной предшественницы науки.

Основания, на которых сознательно стали строить свою деятельность родоначальники научных сообществ, выступили, с одной стороны, совокупным критерием отличия науки от других способов познания мира, а с другой – способом ее включения в социокультурную действительность. К числу таких принципов научно-познавательной деятельности относят объективность, доказательность, рациональность, системность и др. Они в своей совокупности обеспечили возможность коллективного (общезначимого общепонятного) И познания профессионализацию познавательной деятельности, обретения наукой статуса универсального эксперта решении общественных проблем. Науке была предназначена миссия диалога с Природой от имени всего человеческого рода.

Возникновение кризисной ситуации в современной мировой науке, в которой поставлены под сомнение идеалы поиска Истины и самоценности знания обусловливает необходимость размышлений о сущности научного познания. Современная наука в целом поставлена перед проблемой определения своих собственных границ — определения того, что же выражает и должен выражать собой результат познания, к чему он, собственно, имеет отношение. Со всей очевидностью проблема эта может решаться только в общекультурном

контексте, в контексте понимания целей человеческого бытия, творческих возможностей человека в обживании мира и меры ответственности за это. Научное познание становится таким диалогом с природой, в результате которого не может быть получено однозначных ответов, как это предполагалось на заре научной эры.

Однако обращение к этим истокам необходимо, чтобы определить, насколько трансформации научной сферы определяют опасность ее перерождения в нечто сущностно противоположное, ведут к утрате ее идентичности.

Научное познание рождалось из определенных интеллектуальных и социокультурных предпосылок, исторически складывавшихся и представших своеобразным всемирно-историческим проектом, удостоившимся воплощения в жизнь общества. Предпосылки и конкретные обстоятельства становления научной сферы обусловили ее наднациональный (по сути, общечеловеческий) характер.

Научное познание есть исключительно самокорректирующаяся деятельность людей, точнее деятельность с необходимой рефлексией. Основой рефлексии выступают базовые принципы объективности, рациональности, системности и др. Принцип объективности в этом ряду занимает особое место. Он не только представляет собой требование познавательной беспристрастности, но, прежде всего, установку на поиск того, что соответствует в этом мире возможностям человеческого освоения мира.

Эти принципы, в свою очередь, возникали и определялись многими интеллектуальными факторами, складывавшимися в культуре. Среди таких факторов можно выделить идеал справедливости, который имеет вполне явное смысловое созвучие с установками научной деятельности.

Если говорить о самих эпистемологических моделях научного познания, то ключевую (парадигмальную) роль для них играла и играет субъект-объектная модель. Проблема субъекта, в свою очередь, имеет глубокие корни в классической и неклассической философской мысли. К разработке ее

причастны многие мыслители. Кроме основоположников новоевропейской философии, хочется отметить и вклад отечественных философов (особенно В.С.Соловьева) в построение модели субъекта познания. Интерес в этом плане представляют также идеи представителей эволюционно-эпистемологической школы конца XX в., придавших проблеме субъекта универсальный смысл.

Концепт эпистемологического субъекта складывался именно как выражение *образа научного деятеля*. Поэтому многие претензии критиков субъект-объектной модели и идеи субъекта представляются некорректными. Проблема субъекта имеет прямую соотнесенность с научными принципами, а в особенности с принципом объективности.

В рамках поставленной задачи необходимостью явилось обращение к анализу эпистемологического реализма особому тренду современной мировой философии, который определил тенденции развития эпистемологии. многие философии также различных отраслей науки, a социогуманитарных исследований. Реализм рассмотрен как стремление обосновать не только оптимистическую позицию в отношении возможностей научного познания и знания выходить на сущностный уровень интеллектуального освоения мира, но и приближаться к Истине в интересах общества в целом.

Современная версия эпистемолого-реалистской линии — научный реализм — представлен обоснованием такого свойства научного познания, как непрерывное определение собственных границ с учетом, конечно же, тех оснований, в соответствии с которыми оно возникло и существует. Все это обусловливает должную рефлексивность субъектов научной практики и сохранение ее идентичности.

Нельзя не признать, что научное познание является феноменом с открытым будущим. При этом, однако, растет опасность утраты наукой завоеванных за столетия значимых цивилизационных позиций. Такая опасность обусловливает необходимость непрерывной самокоррекции научной

деятельности, своеобразной поверки ее на соответствие сущностным основаниям – научным принципам.

Наука не может поступиться этими принципами. Они обеспечивают исполнение ею всемирно-исторической миссии, которая состоит в развертывании творческо-поисковых усилий коллективного человеческого духа для решения общечеловеческих проблем.

Библиографический список

- 1. Агацци, Э. Переосмысление философии науки сегодня / Э. Агацци // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 40–52.
- 2. Агацци, Э. Реализм в науке и историческая природа научного познания / Э. Агацци // Вопросы философии. 1980. № 6. С. 136—144.
- 3. Антаков, С.М. Трансцендентально-логические модальности в исследовании оснований научного знания / С.М. Антаков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. Нижний Новгород, 2004. № 1. С. 356—367.
- 4. Аристотель. Метафизика / Аристотель //Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
- 5. Бажанов, В.А. Математическое доказательство как форма апелляции к научному сообществу / В.А. Бажанов // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVIII. № 2. С. 36–54.
- 6. Баткин, Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления / Л.М. Баткин. М.: Наука, 1978. 199 с.
- 7. Бауман, 3. Индивидуализированное общество: пер. с англ. /
- 3. Бауман; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с. 8. Бауман, 3. От паломника к туристу / 3. Бауман
- 8. Бауман, 3. От паломника к туристу / 3. Бауман // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
- 9. Бергер, П.Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / П.Л. Бергер. М.: Аспект-Пресс, 1996. 168 с.
- 10. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.
- 11. Бердяев, Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Размышление ІІ. Субъект и объективация / Н.А. Бердяев // Бердяев, Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. М.: Республика, 1994. С. 230–316.

- 12. Бернал, Дж. Наука в истории общества: пер. с англ. / Дж. Бернал; общ. ред. Б.М. Кедрова и И.В. Кузнецова. М.: Изд-во «Иностранная литература», 1956. 735 с.
- 13. Блур, Д. Сильная программа в социологии знания / Д. Блур // Логос. 2001. № 5–6 (35). С. 162–185.
- 14. Бор, Н. Воспоминания об основоположнике науки о ядре и дальнейшее развитие его работ / Н. Бор // Бор, Н. Избранные научные труды. В 2 т. Т. 2. Статьи 1925–1961 / Н. Бор. М.: Наука, 1971. С. 545–590.
- 15. Бряник, Н.В. Историческая эпистемология и культурноисторический подход в гносеологии / Н.В. Бряник //Эпистемология и философия науки. – 2010. – \mathbb{N} 1. – T. XXIV. – C. 112–129.
- 16. Булычев, И.И. Вл. Соловьев как представитель постклассической трансцендентной антропологии / И.И. Булычев // Соловьевские исследования. 2002. Вып 4. С. 108–123.
- 17. Бурдье, П. Практический смысл: пер. с фр. / П. Бурдье; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001.-562 с.
- 18. Быданов, В.Е. Сциентистский утопизм в России и историцизм позитивистской эсхатологической идеологии / В.Е. Быданов. // Философский век. Альманах. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма / отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 28—34.
- 19. Бычков, С.Н. Генезис теоретической математики как историко-научная и историко-философская проблема: автореф. дис.
- д-ра филос. наук / С.Н. Бычков. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2008.-41 с.
- 20. Бэкон, Ф. Опыты или наставления нравственные и политические / Ф. Бэкон // Бэкон, Ф. Соч. в 2 т. Т. 2 / Ф. Бэкон. 2-е изд. М.: Мысль, 1978. С. 349—482.
- 21. Бэкон, Ф. Новая Атлантида / Ф. Бэкон // Бэкон, Ф. Соч. в 2 т. Т. 2 / Ф. Бэкон. М.: Мысль, 1978. С. 483–518.
- 22. Бэкон, Ф. Новый Органон / Ф. Бэкон // Бэкон, Ф. Соч. в 2 т. Т. 2 / Ф. Бэкон. М.: Мысль, 1978. 575 с. С. 5–214.

- 23. Вебер, М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 345–414.
- 24. Виндельбанд, В. От Канта до Ницше: История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / В. Виндельбанд; пер. с нем. А.И. Введенский. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 496 с.
- 25. Вернадский, В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. М.: Наука, 1991. 271 с.
- 26. Визгин, В.П. Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки нового времени / В.П. Визгин // Философскорелигиозные истоки науки / отв. ред. П.П. Гайденко. М.: Мартис, 1997. С. 88-141.
- 27. Вундт, В. Введение в философию / В. Вундт; под ред. А.Л. Субботина. М.: «ЧеРо», «Добросвет», 2001. 354 с.
- 28. Гайденко, П.П. История греческой философии в ее связи с наукой / П.П. Гайденко. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.-264 с.
- 29. Гайденко, П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой / П.П. Гайденко. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 376 с.
- 30. Гайденко, П.П. Метафизика конкретного всеединства, или абсолютный реализм С.Л. Франка / П.П. Гайденко // Вопросы философии. -1999. -№ 5. -С. 114–150.
- 31. Гайденко, П.П. Философия всеединства В.С. Соловьева / П.П. Гайденко // История русской философии / редкол. М.А. Маслин и др. М.: Республика, 2001. 639 с. С. 334–348.
- 32. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2 / Г.В.Ф. Гегель. СПб.: Наука, 1994. 423с.
- 33. Гилберт, Д. Открывая ящик Пандоры: Социол. анализ высказываний ученых: пер. с англ. / Д. Гилберт, М. Малкей. М.: Прогресс, 1987. 269 с.

- 34. Головко, Н.В. Натурализация метафизики: научный реализм и диалектический материализм / Н.В. Головко // Вопросы философии. 2013. № 8. C. 24–33.
- 35. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию (главы из книги) / Э. Гуссерль // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136—176.
- 36. Гуссерль, Э. Картезианские медитации / Э. Гуссерль; пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
- 37. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV / В.И. Даль; вступ. ст. А.М. Бабкина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 684 с.
- 38. Декарт, Р. Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений»... / Р. Декарт // Декарт, Р. Соч. в
- 2 т. Т. 2 / Р. Декарт. М.: Мысль, 1994. С. 73–417.
- 39. Декарт, Р. Правила для руководства ума / Р. Декарт // Декарт, Р. Соч. в 2-х т. Т. 1 / Р. Декарт. М.: Мысль, 1989. С. 77–153.
- 40. Декарт, Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Р. Декарт // Декарт, Р. Соч. в 2 т. Т. 1 / Р. Декарт. М.: Мысль, 1989. С. 250–296.
- 41. Деннет, Д. Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно / Д. Деннет // Вопросы философии. 2001. N_2 8. С. 93–100.
- 42. Длугач, Т.Б. Иоганн Готлиб Фихте / Т.Б. Длугач // Ценности и смыслы. -2012. -№ 4(20). C. 43–53.
- 43. Дмитриев, И.С. Религиозные искания Исаака Ньютона / И.С. Дмитриев // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 58–67.
- 44. Дмитриев, И.С. Чисто английская наука (природознание в посткризисном социуме) / И.С. Дмитриев // Наука и кризисы. Историко-сравнительный очерк. Редактор-составитель Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Булавин, 2003. С. 26–121.
- 45. Драгалина-Черная, Е.Г. Формальные онтологии как абстрактные логики / Е.Г. Драгалина-Черная // Логические исследования. Вып. 12. М.: Наука, 2005. С. 162–169.

- 46. Драгалина-Черная, Е.Г. Формальные онтологии: Аналитическая реконструкция: автореф. дис. . . . д-ра филос. наук / Е.Г. Драгалина-Черная; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2000. 38 с.
- 47. Дюгем, П. Физическая теория. Ее цель и строение: пер. с фр. / П. Дюгем; предисл. Э. Маха. Изд. 2-е, стереотипное издательство. М.: КомКнига, 2007. 328 с.
- 48. Заладина, М.В. Неомифологический и утопический типы сознания / М.В. Заладина // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы V всероссийской научнопрактической конференции с международным участием (18–20 октября 2012 года). Иваново: ОАО «Изд-во "Иваново"», 2012. С. 181–182.
- 49. Зеньковский, В.В. История русской философии / В.В. Зеньковски. М.: Академический проект, 2001. 880 с.
- 50. Иванов, Вяч. Религиозное дело Владимира Соловьева / Вяч. Иванов // Иванов Вяч. Собр. соч. в 4 т. Т. III / Вяч. Иванов. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1979. С. 295–307.
- 51. Ильин, А.Н. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры): монография. / А.Н. Ильин. Омск: «Амфора», 2010. 376 с.
- 52. Ионайтис, О.Б. Идея сверхчеловека и теория прогресса / О.Б. Ионайтис // Соловьевские исследования. 2004. Вып. 9. С. 285—291.
- 53. Йейтс, Φ . Джордано Бруно и герметическая традиция / Φ . Йейтс; пер с англ. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000.-528 с.
- 54. Йейтс, Ф. Розенкрейцерское Просвещение / Ф. Йейтс; пер. с англ. А. Кавтаскина. М.: Алетейа, Энигма, 1999. 496 с.
- 55. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- 56. Касавин, И.Т. Роберт Бойль и начало эмпирического естествознания / И.Т. Касавин // Философия науки. Вып. 10.-M.: ИФ РАН, 2004.-C.~86-117.
- 57. Касавин, И.Т. Спутники и попутчики науки (Средневековье и Новое Время) Предисловие / И.Т. Касавин // Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в

- интеллектуальных традициях I–XIV вв. / сост. и общ. ред. И.Т. Касавина. М.: Ин-т филос. РАН, 1996. С. 9–18.
- 58. Кессиди, Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии) / Ф.Х. Кессиди. М.: Мысль, 1972. 312 с.
- 59. Козырев, А.П. В.В. Розанов и Вл. Соловьев: диалог в поисках Другого / А.П. Козырев // Соловьевские исследования. 2004. Вып. 9. С. 21–49.
- 60. Койре, А. Аристотелизм и платонизм в средневековой философии / А. Койре // Койре, А. Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий) / А. Койре; пер. с фр., общ. ред. и предисл. А.П. Юшкевича. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 51–73.
- 61. Койре, А. Ньютон и Декарт / А. Койре // Койре, А. Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий) / А. Койре; пер. с фр., общ. ред. и предисл. А.П. Юшкевича. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 204–266.
- 62. Конт, О. Дух позитивной философии: [пер.] / О. Конт; Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ. СПб.: Санкт-Петерб. филос. о-во, 2001.-162 с.
- 63. Копелевич, Ю.Х. Возникновение научных академий. Середина 17 середина 18 вв. / Ю.Х. Копелевич. Л.: Наука, 1974. 275 с.
- 64. Косарева, Л. М. Проблема герметизма в западных исследованиях генезиса науки / Л.М. Косарева // Вопросы истории естествознания и техники. -1985. -№ 3. C. 128-135.
- 65. Косарева, Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры / Л.М. Косарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», $1997.-360~\rm c.$
- 66. Крафт, В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма / В. Крафт; пер. с англ. А. Никифорова. М.: Идея-Пресс, 2003. 224 с.
- 67. Круглов, А.Н. О происхождении априорных представлений у И. Канта / А.Н. Круглов // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 126—132.
- 68. Кузнецова, Н.И. Наука в её истории (методологические проблемы) / Н.И. Кузнецова. М., 1982. 127 с.

- 69. Кузнецова, Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII середина XIX вв.) / Н.И. Кузнецова. М., 1999. 256 с.
- 70. Кузнецова, Н.И. Научная рефлексия как объект историконаучного исследования / Н.И. Кузнецова // Проблема рефлексии. Современные комплексные исследования. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 213—221.
- 71. Куликова, О.Б. Генезис реализма как эпистемологической позиции и основания научного познания / О.Б. Куликова // Знание. Понимание. Умение. -2011. N = 4. C.38-43.
- 72. Куликова, О.Б. Единство научной и образовательной миссии классического университета: российская специфика / О.Б. Куликова // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе: журнал. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмич. приборостроения. 2015. N 1. С. 45—56.
- 73. Куликова, О.Б. Идеал науки в концепции А.И. Герцена: контроверза утопизма и реализма / О.Б. Куликова // Соловьевские исследования. 2013. Вып. 4 (40). С. 127–139.
- 74. Куликова, О.Б. Идея реальности и судьба науки как всемирноисторического проекта / О.Б. Куликова // Вестник ИвГУ. – 2014. – Вып. 2 (14). Сер.: Гуманитарные науки. Философия. – С. 57–63.
- 75. Куликова, О.Б. Институциональный аспект отношений российской науки И православной церкви: история современность / О.Б. Куликова // Современная наука и проблемы стратегии человечества. выбора жизненной Материалы Международной очно-заочной научной конференции, посвященной памяти С.Н. Самарцева. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2003. - C. 98-104.
- 76. Куликова, О.Б. Концепция субъекта познания в гносеологии Вл. Соловьева / О.Б. Куликова // Соловьевские исследования. 2008. Вып. 17. С. 56—68.
- 77. Куликова, О.Б. Наука и философия в концепциях О. Конта (первого позитивизма) и Вл. Соловьева: современное прочтение / О.Б. Куликова // Соловьевские исследования. 2008. Вып. 16. С. 74—91.

- 78. Куликова, О.Б. Наука, профессионализм и проблемы вузовского образования в современной России / О.Б. Куликова // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». -2014.-T.5.-Вып. 3.-С. 184-188.
- 79. Куликова, О.Б. Научность как основание университетского образования в России: специфика становления / О.Б. Куликова // Соловьевские исследования. 2012. Вып. 2(34). С. 20–48.
- 80. Куликова, О.Б. Научный реализм и современное научное познание / О.Б. Куликова // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. Материалы Международной научнопрактической конференции (15–16 октября 2009 года). Иваново: ОАО «Изд-во "Иваново"», 2010. С. 244–247.
- 81. Куликова, О.Б. Объективность как принцип научного познания: тенденции становления и исторической трансформации / О.Б. Куликова // Гуманитарное сознание: проблемы, поиски и перспективы: труды шестой всероссийской и четвертой Международной научно-практической конференции «Гуманитарные проблемы современности». 8–9 апреля 2009 года. В 2 т. Т. 1. / под науч. ред З.И. Ивановой, Е.Г. Кривых, Н.Г. Милорадовой. М.: МГСУ, 2009. С. 49–54.
- 82. Куликова, О.Б. Основания науки и идея реальности в эпистемологии: проблема поиска инварианта / О.Б. Куликова // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.). В 3 т. Т. І. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И.Лобачевского, 2012. С. 309.
- 83. Куликова, О.Б. Основания науки и специфика ее становления и развития в России: судьба отечественной науки в контексте ее отношений с церковью / О.Б. Куликова // Наука и культура России: материалы XI Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Самара: СамГУПС, 2014. С. 35—38.
- 84. Куликова, О.Б. Парадоксальность науки как духовного и социально-исторического феномена / О.Б. Куликова //

- Философский альманах № 1–2. ИГАСА. Иваново: Изд-во ИГАСА, 1998. С. 160-168.
- 85. Куликова, О.Б. Потенциал эволюционно-эпистемологического подхода в построении концепции субъекта научного познания / О.Б. Куликова // Вестник ИГЭУ. 2009. Вып. 1. С. 50–53.
- 86. Куликова, О.Б. Принципы научного познания как социальнокогнитивной практики и идеал справедливости / О.Б. Куликова // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. — 2014. — Вып. 7. — С. 27—34.
- 87. Куликова, О.Б. Проблемы институционализации науки в России: история и современность / О.Б. Куликова // Вестник ИГЭУ. 2006. Вып. 1. С. 103–107.
- 88. Куликова, О.Б. Проект положительной науки О. Конта и судьба отечественной науки XX в. / О.Б. Куликова // Вестник ИвГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Вып. 2. Философия. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2013. С. 17–27.
- 89. Куликова, О.Б. Эволюционная эпистемология и проблема границ человеческого познания мира / О.Б. Куликова // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: материалы Международной научно-практической конференции (16–17 октября 2008 года). Иваново: ОАО «Изд-во "Иваново"», 2008. С. 35–44.
- 90. Куликова, О.Б. Эволюционная эпистемология как антропологическая исследовательская программа / О.Б. Куликова // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2014. Вып. 3 (7). С. 64–68.
- 91. Кун, Т. Структура научных революций: сб.: пер. с англ. / Т. Кун. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. 365 с.
- 92. Ладов, В.А. Формальный реализм / В.А. Ладов // Логос. 2009. N 2 (70). С. 11—23.
- 93. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос; пер. с англ. с примеч. и предисл. В. Поруса. М.: Медиум, 1995. 236 с.

- 94. Ле Гофф, Ж. В поддержку долгого средневековья / Ж. Ле Гофф // Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого: пер. с фр. / Ж. Ле Гофф; общ. ред. С.К. Цатуровой. М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. С. 31–38.
- 95. Лекторский, В.А. Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии / В.А. Лекторский // Познание, понимание, конструирование / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2007. С. 5–29.
- 96. Лекторский, В.А. О классической и неклассической эпистемологии / В.А. Лекторский // На пути к неклассической эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2009. С. 7–24.
- 97. Лекторский, В.А. Субъект, объект, познание. / В.А. Лекторский. М.: Наука, 1980. 358 с.
- 98. Лесевич, В.В. Письма о научной философии / В.В. Лесевич // Лесевич, В.В. Сочинения в 3 т. Т. 1 / В.В. Лесевич. М.: Изд. Ю.В. Леонтович; Кн-во писателей в Москве, 1915. С. 453–647.
- 99. Локк, Дж. Об управлении разумом / Дж. Локк // Локк, Дж. Соч. в 3 т. Т. 2 / Дж. Л. М.: Мысль, 1985. С. 202–440.
- 100. Локк, Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк // Локк, Дж. Соч. в 3 т. Т. 1 / Дж. Локк. М.: Мысль, 1985. С. 76–595.
- 101. Лоренц, К. Оборотная сторона зеркала / К. Лоренц; пер. с нем. А.И. Федорова, Г.Ф. Швейника. М.: Республика, 1998. 393 с.
- 102. Лоренц, К. Эволюция и априори / К. Лоренц // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 1994. № 5. С. 11–17.
- 103. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. В 8 т. Т. 2. Ч. 2. Высокая классика (Платон), или эстетика объективно-идеалистическая / А.Ф. Лосев. М.: Фолио; АСТ, 2000. 848 с.
- 104. Макеева, Л.Б. Научный реализм и проблема истины / Л.Б. Макеева // История философии. № 13. М.: Ин-т философии РАН, 2008. С. 3–25.
- 105. Макеева, Л.Б. Язык, онтология и реализм / Л.Б. Макеева. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. 310 с.

- 106. Макеева, Л.Б. Научный реализм, истина и недоопределенность теорий эмпирическими данными / Л.Б. Макеева // Логос. -2009. -№ 2(70). C. 24–36.
- 107. Мамчур, Е.А. Еще раз о концепции эпистемологического релятивизма / Е.А. Мамчур // Полигнозис. 2009. № 4. С. 43–53.
- 108. Мамчур, Е.А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям современной эпистемологии) / Е.А. Мамчур. М.: ИФ РАН, 2004. 242 с.
- 109. Мангейм, К. Структурный анализ эпистемологии / К. Мангейм // Специализированная информация по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплексные исследования»: к XIX Всемирному философскому Конгрессу / сокр. пер. и предисл. Е.Я. Додина; Рос. акад. наук, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при президиуме РАН. М.: ИНИОН, 1992. 38 с.
- 110. Мах, Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому / Э. Мах. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. 304 с.
- 111. Менцин, Ю.Л. Лаборатория и парламент (У истоков современной политической культуры Запада) / Ю.Л. Менцин // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 4. С. 3—15.
- 112. Меркулов, И.П. Эволюционирует ли человеческое сознание? / И.П. Меркулов // Философия науки. Вып. 12. М.: ИФРАН, 2006. С. 45–69.
- 113. Меркулов, И.П. Эволюционная эпистемология: история и современные подходы / И.П. Меркулов // Эволюция, культура, познание. М.: ИФРАН, 1996. С. 6–21.
- 114. Мерло-Понти, М. Феноменологя восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 603 с.
- 115. Микешина, Л.А. Философия познания: Полемические главы. / Л.А. Микешина. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
- 116. Мирская, Е.З Р. Мертон и этос классической науки / Е.З. Мирская // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФРАН, 2005. С. 11-8.

- 117. Мур, Дж. Опровержение идеализма / Дж. Мур // Историкофилософский ежегодник. М.: Наука, 1987. С. 242–265.
- 118. Мур, Дж. Принципы этики / Дж. Мур; пер. с англ. Л.В. Коноваловой / общ. ред. И.С. Нарского. М.: Прогресс, 1984. 326 с.
- 119. Мур, Дж.Э. Доказательство внешнего мира / Дж. Мур // Аналитическая философия. Избранные тексты / сост. Грязнов А.Ф. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 66–84.
- 120. Нарский, И.С. Джон Локк и его теоретическая система / И.С. Нарский // Локк, Дж. Сочинения в 3 т. Т. 1. (Философское наследие. Т. 93) / Дж. Локк. М.: Мысль, 1985. С. 3–76.
- 121. Ненашев, М.И. Принцип безусловной достоверности в «Теоретической философии» Владимира Соловьева / М.И. Ненашев // Соловьевские исследования. 2001. Вып. 1. С. 89—99.
- 122. Ницше, Ф. Веселая наука / Ф. Ницше // Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Ф. Ницше. М.: Мысль, 1990. С. 491–719.
- 123. Обсуждаем статью «Знание» // Эпистемология и философия науки». -2006. -№ 1 (т. VII). C. 131-141.
- 124. Павленко, А.Н. Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности / А.Н. Павленко // Философско-религозные истоки науки. М.: МАРТИС, 1997. С. 178–218.
- 125. Панарин, А.С. Смысл истории / А.С. Панарин // Вопросы философии. 1999. № 9. С. 3–21.
- 126. Патнэм, X. Введение к книге «Реализм и разум» / X. Патнэм // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия / сост. А.А. Печенкин. М.: Логос, 1996. С. 209–220.
- 127. Патнэм, X. Реализм с человеческим лицом / X. Патнэм // Аналитическая философия: становление и развитие (антология): пер. с англ., нем.; общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. С. 90–129.
- 128. Патнэм, Х. Философы и человеческое понимание / Х. Патнэм // Современная философия науки: знание, рациональность,

- ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия / сост. А.А. Печенкин. М.: Логос, 1996. С. 221–245.
- 129. Печенкин, А.А. Объяснение как проблема методологии естествознания (история и современность) / А.А. Печенкин. М.: Наука, 1989. 207 с.
- 130. Планк, М. Позитивизм и реальный внешний мир / М. Планк // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 120—132.
- 131. Плеханов, Е.А. «Метафизика личности» В.С. Соловьева / Е.А. Плеханов // Владимир Соловьев и философско-культурологическая мысль XX века: материалы Международной научной конференции. Иваново, 17–19 мая 2000 г. Иваново, 2000. С. 165–168.
- 132. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии: пер. с англ. / М. Полани / под ред. В.А. Лекторского и В.И. Аршинова. М.: Прогресс, 1985. 343 с.
- 133. Поппер, К. Реализм и цель науки / К. Поппер / Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия / сост., пер., вступ. ст., вводн. замечания, коммент. А.А. Печенкина. М.: Логос, 1996. С. 92–105.
- 134. Поппер, К. Эволюционная эпистемология / К. Поппер // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского, В.К. Финна. М.: Едиториал УРСС, 2000. С. 57–74.
- 135. Поппер, К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / К.Р. Поппер; пер. с англ. Д.Г. Лахути / отв. ред. В.Н.Садовский. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
- 136. Порус, В.Н. Альтернативы научного разума / В.Н. Порус // Альтернативные миры знания / под ред. В.Н. Поруса и Е.Л. Чертковой. СПб.: РХГИ, 2000. 328 с.
- 137. Порус, В.Н. Тождество Я в философско-методологическом и психологическом измерениях / В.Н. Порус // Эпистемология и философия науки. -2012.-N 2. (T. XXXII). C. 5–15.
- 138. Порус, В.Н. Рациональность. Наука. Культура / В.Н. Порус. М.: б/и, 2002. 352 с.
- 139. Порус, В.Н. Эпистемология: некоторые тенденции / В.Н. Порус // Вопросы философии. -1997. № 2. C. 93-111.

- 140. Порус, В.Н. «Научный реализм»: проблемы, дискуссии, перспективы / В.Н. Порус // Порус, В.Н. Рациональность, наука, культура / В.Н. Порус. М.: б/и. 2002. С. 217–241.
- 141. Пржиленский, В.И. Генезис понятия реальности в новоевропейской философии / В.И. Пржиленский // Научный альманах «Теодицея». -2012. -№ 3. C. 63–68.
- 142. Пржиленский, В.И. Онтологические предпосылки познания социальной реальности / В.И. Пржиленский. Ставрополь: Изд-во Сев-КавГТУ, 1998. 200 с.
- 143. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 312 с.
- 144. Причепий, Е.Н. Становление проблемы субъекта и объекта в древнегреческой философии / Е.Н. Причепий // Субъект и объект как философская проблема. Киев: Наукова думка, 1979. С. 79–92.
- 145. Пружинин, Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии / Б.И. Пружинин. М.: РОССПЭН, 2009. 423 с.
- 146. Рассел, Б. История западной философии: в 2 т. Т. 2: пер. с англ. / Б. Рассел. М.: Миф, 1993. 445 с.
- 147. Рассел, Б. Человеческое познание: Его сфера и границы: пер. с англ. / Б. Рассел. Киев: Ника-Центр; М.: Ин-т Общегуманит. исследований, 2001. 560 с.
- 148. Рашковский, Е.Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн / Е.Б. Рашковский // Идентичность как предмет политического анализа: сб. статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конф. ИМЭМО РАН 21–22 октября 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 29–35
- 149. Ролз, Дж. Справедливость как честность / Дж. Ролз // Логос. -2006. -№ 1 (52). -C. 35–60.
- 150. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. 513 с.
- 151. Рожанский, И.Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи / И.Д. Рожанский; отв. ред. П.П. Гайденко. М.: Наука, 1988.-448 с.

- 152. Роцинский, С.Б. Формирование основ онтологии всеединства / С.Б. Роцинский // Соловьевские исследования. 2010. Вып 3 (27). C. 4-11.
- 153. Соловьев, В.С. Кризис западной философии (против позитивистов) / В.С. Соловьев // Соловьев, В.С. Соч. в 2 т. Т. 2 / В.С. Соловьев; сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1990. С. 3–138.
- 154. Соловьев, В.С. Критика отвлеченных начал / В.С. Соловьев // Соловьев, В.С. Соч. в 2 т. Т. 1 / В.С. Соловьев; сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги.— М.: Мысль, 1990. С. 581—756.
- 155. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьев // Соловьев, В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. / В.С. Соловьев; сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1990. С. 47–548.
- 156. Соловьев, В.С. Смысл любви / В.С. Соловьев // Соловьев, В.С. Соч. в 2 т. Т. 2 / В.С. Соловьев; сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1990. С. 493–547.
- 157. Соловьев, В.С. Теоретическая философия / В.С. Соловьев // Соловьев, В.С. Соч. в 2 т. Т. 1 / В.С. Соловьев; сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги. М.: Мысль, 1990. С. 75—831.
- 158. Стёпин, В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Стёпин. М.: Высш. шк., 1992. 191 с.
- 159. Стёпин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Стёпин. М.: Прогресс-Традиция, 2000.-744 с.
- 160. Тулмин, Ст. Человеческое понимание / Ст. Тумин: пер. с англ. З.В. Кагановой. М.: Прогресс, 1984. 328 с.
- 161. Уайтхед, А.Н. Избранные работы по философии: пер. с англ. / А.Н. Уайтхед; сост. И.Т. Касавин; общ. ред и вступ. ст. М.А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. 718 с.
- 162. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания: пер. с англ. / П. Фейерабенд. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: XPAHИTEЛЬ, 2007. 413 с.
- 163. Фоллмер, Γ . Мезокосмос и объективное познание / Γ . Фоллмер // Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 1994. № 6. С. 35–55.

- 164. Фоллмер, Γ . Эволюционная теория познания: врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки: пер. с нем. / Γ . Фоллмер. М.: Русский Двор, 1998. 165 с.
- 165. Франк, С.Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии / С.Л. Франк // Франк, С.Л. Сочинения / С.Л. Франк. М.: Правда, 1990. С. 183–559.
- 166. Франк, С.Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлечённого знания / С.Л. Франк // Франк, С.Л. Предмет знания. Душа человека / С.Л. Франк; сост., вступ. ст., коммент. И.И. Евлампиева. СПб.: Наука, 1995. С. 35–416.
- 167. Хайдеггер, М. Учение Платона об истине / М. Хайдеггер // Историко-философский ежегодник'1986. М.: Наука, 1986. С. 255–275.
- 168. Хайек, Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / Ф.А. Хайек; пер. с англ. О.А. Дмитриевой / под ред. Р.И. Капелюшникова. Челябинск: Социум, 2011. XXVIII+394 с. (Серия: «Австрийская школа». Вып. 24).
- 169. Хайек, фон Ф.А. Контрреволюция науки: Этюды о злоупотреблении разумом / фон Ф.А. Хайек; пер. с англ. Е. Николаенко. М.: ОГИ, 2003.-288 с.
- 170. Хахлвег, Кай. Системный подход к эволюции и эволюционной эпистемологии / Кай Хахлвег // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия / сост., пер., вступ. статьи, вводн. замечания, коммент. А.А. Печенкина. М.: Логос, 1996. С. 179—198.
- 171. Холтон, Дж. Что такое «антинаука»? / Дж. Холтон // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26–58.
- 172. Человек в поисках идентичности / Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Ин-т философии РАН; под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. 528 с.
- 173. Черткова, Е.Л. Утопия как тип сознания / Е.Л. Черткова // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.

- 174. Черткова, Е.Л. Истина как этическая проблема эпистемологии / Е.Л. Черткова // Философия науки. 2014. Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях / Отв. ред. И.А. Герасимова. М.: ИФ РАН. С. 64—78.
- 175. Шиповалова Л.В. Научная объективность в исторической перспективе. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук СПб., 2014. 50 с.
- 176. Шичалин, Ю.А. Статус науки в орфико-пифагорейских кругах / Ю.А. Шичалин // Философско-религиозные истоки науки / отв. ред. П.П. Гайденко. М.: Мартис, 1997. С. 12–43.
- 177. Эзер, Э. Динамика теорий и фазовые переходы / Э. Эзер // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 37–44.
- 178. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
- 179. Эрн, В. Гносеология В.С. Соловьева / В. Эрн // Сборник статей о В. Соловьеве: С. Булгакова, В. Иванова, Кн. Е. Трубецкого, А. Блока, Н. Бердяева, В. Эрна. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1994. С. 167–257.
- 180. Юлина, Н.С. Деннет о вирусе постмодернизма. Полемика с Р. Рорти о сознании и реализме / Н.С. Юлина // Вопросы философии. -2001. -№ 8. C. 78-92.
- 181. Юлина, Н.С. Философская мысль в США. XX век: научная монография / Н.С. Юлина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 600 с.
- 182. Юм, Д. Исследование о человеческом познании / Д. Юм // Юм, Д. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Д. Юм; пер. с англ. С. И. Церетели и др.; примеч. И.С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. М.: Мысль, 1996. С. 3-144.
- 183. Юм, Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая / Д. Юм // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Д. Юм; пер. с англ. С. И. Церетели и др.; примеч. И.С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. М.: Мысль, 1996. С. 53–656.
- 184. Ясперс, К. Введение в философию / К. Ясперс; пер. с нем. Т. Шитцовой / под ред. А.А. Михайлова. Минск: Пропилеи, 1989. 198 с.

- 185. Boyd, R.N. Realism, Underdetermination, and a Causal Theory of Evidence. *Noûs*, Vol. 7, No. 1. (Mar., 1973), pp. 1–12.
- 186. Daston, L. and Galison P. Objectivity. N.Y.: Zone Books, 2007. 501 p.
- 187. Daston, L. The history of science as European self-portraiture. European Review, 2006, 14 (4). Pp. 523–536.
- 188. Drake, D. The Approach to Critical Realism // Essays in Critical Realism: A Cooperative Study of the Problem of Knowledge. Ed. by Durant Drake. N.Y., 1920. P. 3–34.
- 189. Fraassen, B C. van. *The Scientific Image*. Oxford: Clarendon Press, 1980. 293 p.
- 190. Galison, P. Introduction: The context of disunity. In The Disunity of Science. Boundaries, contexts, and power /Ed. by P. Galison and D. J. Stump. Writing Science Series. Stanford, Stanford University Press, 1996. Pp. 1–33.
- 191. Gillispie, Ch. C. *The Edge of Objectivity:An Essay in the History of Scientific Ideas*. N.J.: Princeton University Press, 1960. 562 p.
- 192. Harre, R. Varieties of Realism: A Rationale for the Natural Sciences. Oxford: Blackwell, 1986. 375 p.
- 193. Mead, G. H. Mind Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist (Edited by Charles W. Morris). Chicago: University of Chicago, 1934 (rev. 1967). 400 p.
- 194. Merton, R.K. Science, technology and society in 17th century England. New York: Howard Fertig, Inc.; Harper Torchbooks, Harper & Row., 1970. 360 p.
- 195. Putnam, H. Mathematics, Matter and Method. *Philosophical Papers*, *vol* 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1979, pp. 60–78.
- 196. Russell, B. The Study of Mathematics // Russell B. Mysticism and Logic: And Other Essays. Cambridge: Longmans, Green & Company, 1919. 234 p. Pp. 58–73.
- 197. Shapin, S. The House of Experiment in Seventeenth-Century England // Isis. Vol. 79, No. 3 (Sep., 1988), pp. 373–404.

- 198. Shapin, S. Pump and Circumstance: Robert Boyle's Literary Technology //Social Studies of Science Vol. 14, No. 4 (Nov., 1984), pp. 481–520.
- 199. Shapin, S., Shaffer, S. Leviathan and Airpump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life. Princeton: Princeton University Press, 1985. 456 pp.
- 200. Thorndike, L. A History of Magic and the experimental Science. 8 vol. N.Y.: vol. 1–2, The Macmillan Company, 1929; vol. 3–8, Columbia University Press, 1934–1958.

Научное издание

Куликова Ольга Борисовна

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ КАК ПРОЕКТА И ПРАКТИКИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Редактор Т.В.Соловьева

Подписано в печать Формат 60х84 1/16. Плоская печать. Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. 12,8. Тираж 500 экз. Заказ № ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина». Отпечатано в УИУНЛ ИГЭУ 153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.